

А.Б. Тартаковский

СЕМЕЙНЫЙ
АРХИВ

Ассоциация исследователей российского общества
АИРО-XXI

Серия «АИРО-XXI – ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ»

Международный совет научных проектов
и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Надежда АЖГИХИНА	Ассоциация «ПЭН-Москва»
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Петр АКУЛЬШИН	Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ имени М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Ирина ВАРСКАЯ-ЧЕЧЕЛЬ	Интернет-журнал «Гэфтер»
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Центр научных исследований «Актуальная история» АИРО-XXI
Алан КАСАЕВ	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Андрей КУЗНЕЦОВ	Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чепел Хилл
Александр РЫБАКОВ	Международный центр торговли (Москва)
Борис СОКОЛОВ	Центр научных исследований «Актуальная история» АИРО-XXI
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Катрина ванден ХЮВЕЛ	The Nation, Нью-Йорк
Марк ЮНГЕ	Рурский университет в Бохуме

А.Б. Тартаковский

СЕМЕЙНЫЙ
АРХИВ

Москва

2023

СЕРИЯ «АИРО-XXI – ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ»
ОСНОВАНА В 1993 ГОДУ

Редактор – С.Б. Тартаковский

Дизайн и обложка – Сергей Щербина

Материалы, положенные в основу этой книги,
переданы в Архив РАН и составляют фонд доктора исторических наук
Тартаковского Бориса Григорьевича. Номер фонда 2298 (АР АН. Ф. 2298)

Тартаковский А.Б.

Семейный архив / Предисловие С. Смирнова. – М.: Пробел-2000, 2023. – 252 с.

ISBN 978-5-98604-904-5

Разбирая наследство своего дяди Валентина Петровича Рюштина, автор неожиданно обнаружил уникальный архив, о существовании которого никто в семье не подозревал. Письма, фотографии и другие документы из этого архива позволили проследить жизненный путь трех поколений семьи Тартаковских более чем за сто лет.

© Тартаковский А.Б., 2023

© «Пробел-2000», 2023

© Серия «АИРО-XXI – первая публикация», 2023

ISBN 978-5-98604-904-5

Содержание

Семейный архив, который не только семейный <i>Сергей Смирнов</i>	I
ВВЕДЕНИЕ.....	9
Глава 1	
ТАРТАКОВСКИЕ	
Тартаковский Григорий Яковлевич (1881–1963).....	12
Тартаковский Борис Григорьевич (1911–2001).....	24
Немного о характере отца.....	27
Тартаковский Андрей Григорьевич (1931–1999).....	32
Племянники Григория Яковлевича.....	35
Дальние родственники.....	41
Глава 2	
РОЗЕНЫ	
Софья Назаровна Розен.....	44
Швейцария.....	45
Мещерское.....	46
Второй брак Софьи Назаровны.....	49
Михаил Николаевич Розен-Санин.....	54
Театр «Народный дом».....	58
Дети Михаила Николаевича.....	70
Евгения Михайловна Розен (1898–1937).....	70
Марк Михайлович Розен (1901–1981).....	71
Светлана Михайловна Розен (1926–2005).....	72
Второй брак Михаила Николаевича.....	74
Родители Антонины Сергеевны.....	74
Давид Назарович Розен (1893–?).....	89
Генриэтта Назаровна Розен (?–?).....	90
Олег Маркович Розен (1932–2018).....	92
Глава 3	
БЕЛОВЫ	
Родители Любови Васильевны Беловой.....	93
Образование ЛВ.....	95
Михаил Васильевич Крюков.....	96

Глава 4

В.Я. МИХАЙЛОВ И ИСТОРИЯ ЕГО ЖЕНИТЬБЫ

Виктор Яковлевич Михайлов (1895–1984).....	101
История женитьбы	104
Дальнейшая жизнь Виктора Яковлевича.....	118

Глава 5

ЛЮБОВЬ ВИКТОРОВНА МИХАЙЛОВА

Довоенная жизнь	125
Канатчикова дача.....	137
Война и эвакуация	141
Берлин.....	145

Глава 6

РЮМШИНЫ

Петр Федорович Рюмшин	155
Университеты ПФ.....	161
Жизнь на заводе им. Карпова.....	167
Сотрудничество Виктора Яковлевича и Петра Федоровича.....	168
Роман Петра Федоровича и Любви Васильевны	169
Бабушки.....	170
Довоенная жизнь Петра Федоровича и Любви Васильевны ...	173
Война	176
Любовь Васильевна в Шуе.....	176
Петр Федорович в Москве.....	181
Огород.....	185
Комната на Лесной.....	187
Питание	189
Обмен и продажа	194
Возвращение в Москву.....	195
Отношения с Виктором Яковлевичем.....	195
Кладбище	199
Древо семьи Рюмшиных.....	201
Михаил Николаевич Рюмшин	202
Елена Антоновна Рюмшина	204
Валентин Петрович Рюмшин	207

ПРИЛОЖЕНИЯ	216
------------------	-----

Аннотированный указатель имён	239
-------------------------------------	-----

*Посвящаю эту книгу своему отцу,
который привил своим детям и внукам
интерес к семейной истории.
Александр Тартаковский*

Семейный архив, который не только семейный

Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы как истории планет.
У каждой всё особое, своё,
И нет планет, похожих на неё.

Е. Евтушенко

Миллиарды проходят свой земной путь, оставляя после себя – в зависимости от своих качеств – либо добрую, либо недобрую память. Оценки зачастую субъективны: для одних, например, политик Л. – гений, а для других он же – человек, разрушивший страну. И те, и другие (в тех случаях, когда дискуссия носит не площадной, а серьезный характер) приводят в качестве аргументов те или иные сохранившиеся документы. Или, например, кинорежиссер К., обсуждение многочисленных браков которого вызывает диаметрально противоположные реакции падкой на подобные обсуждения телеаудитории, – от порицания («ах, какой он взвратник!») до восхищения («ах, какой он жизнелюб!»). А далее высаживается нечто подобное генеалогическому древу, на ветвях которого героини (ну или герои) романов того или иного персонажа. Срывать кору с этих ветвей, срывая все и вся с сидящих на них личностей, многим доставляет огромное удовольствие, поскольку скрашивает унылое течение их собственной жизни. Серьезные же обсуждения роли обсуждаемых в жизни героев – центров их вселенной – удел немногих профессионалов, например, авторов известной серии ЖЗЛ. В них, а не в телешоу аргументированно на основе документов раскрываются, например, различные аспекты любвеобильности писателя Ч. или поэта Б.

Семейные архивы – это совершенно особый источник информации о давно или сравнительно недавно ушедшем человеке. Далеко не во всех российских семьях сохранились они, особенно те их материалы, которые пережили все события XX века – не сгорели в пожарах эпохи (мне рассказывали историю, как в 1930-е гг. в моей семье на всякий случай были сожжены в печи грамоты с царскими сургучными печатями о пожаловании одному из моих предков дворянства), не были утрачены при переездах, не сгинули в недрах НКВД и, наконец, не были выброшены безответственными наследниками на помойку («зачем мне в цифровую эпоху хранить дома кучу бумажного хлама?»). От многих хороших людей, к сожалению, сохраняется не так много – два обязательных свидетельства начала и конца земной жизни, документы об образовании, трудовая книжка, свидетельство о браке – вот, кажется, в основном и все. Кем были твои предки, как они жили, чем дышали, с кем общались, остается неизвестным для очень многих.

Предлагаемая читателю книга является примером обратного, когда семейный (в широком смысле понимания семьи) архив оказался во многом сконцентрированным у хранителя семейной истории – Александра Борисовича Тартаковского. Не только хранителя, но и исследователя семейных документов, позволяющих выстроить своеобразную хронику жизни родственников-авторов, представителей нескольких фамилий – самих Тартаковских, Розенов, Михайловых, Рюмшиных... Автор при работе над книгой использовал многочисленные документальные источники – прежде всего письма, которыми обменивались члены этой большой семьи. В доцифровую эпоху фотоаппараты и магнитофоны для многих семей были экзотикой, и теперь именно эпистолярные источники позволяют услышать живые голоса эпохи, голоса ушедших людей, виртуально вернуть их в мир живущих, узнать об их повседневной жизни. Тщательность, аккуратность и скрупулезность, которые автор проявил при работе с архивом семьи (и это видно из книги), вызывают искреннее уважение.

Впрочем, в этом нет ничего удивительного: мир не признает случайностей. Дело в том, что Александр Борисович – старший сын доктора исторических наук Бориса Григорьевича Тартаков-

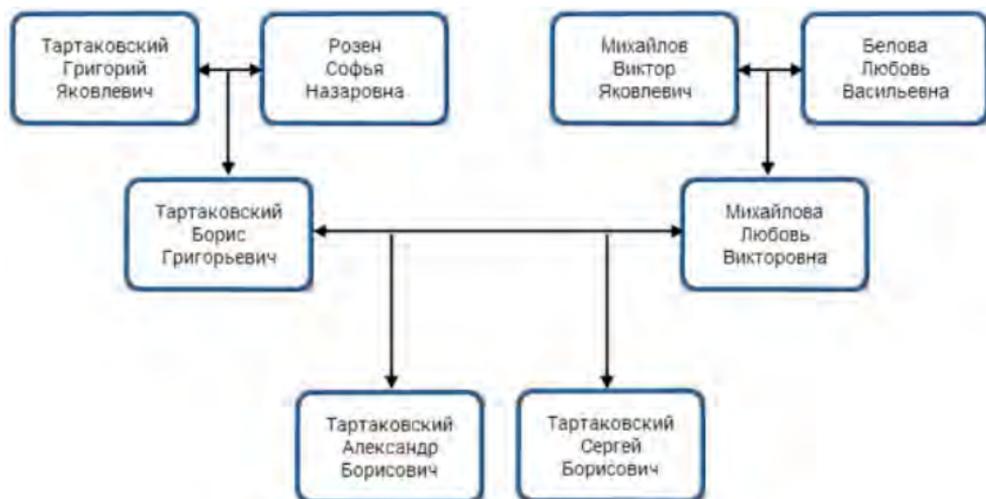
ского (1911–2002), проявившего качества не только талантливое исследователя, но и не менее талантливого мемуариста. Его книги «Все это было. Воспоминания об исчезающем поколении» и «Из дневников военных лет» были опубликованы издательством «АИРО-XXI» и нашли своего благодарного читателя.

Жизненные пути героев книги «Семейный архив» вряд ли можно назвать доминирующими для всего населения той советской эпохи. Все они относятся к узкому кругу интеллигенции и всей своей жизнью доказали, что именно они мозг страны, а во все не нечто иное, как полагал в свое время политик Л.

Представители профессий врачей, ученых, артистов, инженеров – все они сошлись в этой книге, даже не всегда бывшие знакомы в реальной жизни. Читатели «Семейного архива» впервые узнают о людях, жизненные пути которых описаны автором. Это интересно, потому как эти пути так или иначе определялись эпохой, позволявшей людям либо быть счастливыми – в семье, в профессии, либо несчастными – как это произошло, например, с упоминаемой в книге Н.Я. Браун, репрессированной в 1948 г. и реабилитированной спустя 7 лет.

Материалы семейных архивов нельзя фальсифицировать, нельзя переписать. В них отражается подлинная история страны, не находящаяся под влиянием текущей конъюнктуры. И ценность книг, подобных «Семейному архиву», именно в этом. Ну а делать какие-то выводы, соглашаться или не соглашаться с оценками и деятельностью тех или иных героев книги – это неотъемлемое право читателя конечно.

*Сергей Смирнов,
доктор экономических наук*

*Семейное древо Тартаковских в первом приближении.
О других персонажах семейной истории читайте в этой книге*

Введение

История складывается из историй отдельных людей. Отец рассказал свою историю и историю своего времени в своих мемуарах. Трудно что-нибудь к ним добавить. Однако некоторые персонажи семейной истории не попали в поле в поле его зрения, а некоторые документы ему просто не были известны. Да он и не ставил своей задачей написать историю семьи.

Поначалу мы с моей старшей дочерью Верой хотели просто составить семейное древо. Эту работу она начала еще при жизни отца. Вера проинтервьюировала его на эту тему и составила такое древо на множестве листов бумаги, соединенных скрепками, как теперь говорят «на бумажном носителе». Потом я по возможности дополнил это древо и перевел результаты этой работы в электронный формат с помощью программы MyHeritage. Полное древо можно найти по ссылке:

<https://www.myheritage.com/site-76486261/tartakovsky?lang=RU#>

Там более 200 человек

На этом бы все и закончилось, но, разбирая после смерти моего дяди Валентина Петровича Рюмшина его архив, я нашел там письма и другие документы, которые явно выходили за пределы просто древа нашей семьи и по которым можно воссоздать некоторые эпизоды семейной истории. Еще одним источником книги стал архив брата бабушки Михаила Николаевича Розен-Санина и его жены Антонины Сергеевны. Наконец, в архиве отца нашлись документы, которые он не использовал.

Ходить по архивам у меня не было и нет возможности (ковид и пр.) Для дополнительных поисков был использован Интернет, который оказался весьма эффективным. Поэтому в книге могут быть неточности, за что заранее прошу извинить.

Персонажей в этой книге довольно много. Перечислю сначала ближайших родственников:

- Тартаковский Григорий Яковлевич – мой дед, папин отец.
- Розен Софья Назаровна – моя бабушка, папина мама.
- Михайлов Виктор Яковлевич – мой дед, мамин отец.
- Белова Любовь Васильевна – моя бабушка, мамина мама.
- Тартаковский Борис Григорьевич – мой отец.
- Михайлова Любовь Викторовна – моя мама.

С каждым из них связано довольно много людей – родители, братья и сестры, вторые мужья / жены, дети от первого и второго брака, племянники и т. д.

Чтобы уменьшить путаницу, в конце книги приведен указатель имен. Сохранились следующие документы:

- Письма моего деда Виктора Яковлевича Михайлова к будущей жене Любови Васильевне Беловой 1913–1915 гг., а также фото, связанные с этой семьей.
- Письма моей бабушки Софьи Назаровны Розен.
- Переписка мамы с отцом: довоенная, военная, послевоенная.
- Дневник мамы, который она вела в возрасте 13–14 лет с 12.12.1929 до 19.04.1931.
- Фото и другие документы из архива отца.
- Документы, связанные с первой женитьбой маминого отчима Петра Федоровича Рюмшина.
- Переписка Петра Федоровича Рюмшина с Любовью Васильевной и другими адресатами во время войны и в мирное время.
- Документы Любови Васильевны и Петра Федоровича (дипломы, свидетельства, патенты, фото).
- Документы, связанные с двоюродной сестрой Петра Федоровича – графиней Толстой.

Содержание глав

Глава 1 «Гартаковские» посвящена моему деду Григорию Яковлевичу Гартаковскому и его родственникам.

Глава 2 «Розень» – о бабушке Софье Назаровне Розен, ее брате Михаиле Николаевиче Розен-Санине и других членах этой семьи.

Глава 3 «Беловы» посвящена моей бабушке Любви Васильевне и ее родителям.

Глава 4 «В.Я. Михайлов и история его женитьбы» основана на письмах Виктора Яковлевича к Любви Васильевне в период его «жениховства» в 1913–1914 гг.

Глава 5 «Любовь Викторовна Михайлова» посвящена моей маме, она включает эпизоды, оставшиеся за пределами книги воспоминания отца.

Глава 6 «Рюмшины» рассказывает втором муже бабушки Любви Васильевны Петре Федоровиче и ее жизни с ним, в т. ч. во время войны, об их сыне Валентине Петровиче Рюмшине, а также о родственниках Петра Федоровича.

Чтобы не нарушать строгость изложения, две удивительных семейных истории, а именно кругосветное путешествие Тоси Шелковой (Антонины Сергеевны Розен-Саниной), которое она совершила в 1918–1921 гг., и история двоюродной сестры Петра Федоровича Рюмшина графини Толстой выделены в отдельные приложения.

Надеюсь, что читателями этого станут мои дети:

- Вера Александровна Минаева,
- Надежда Александровна Дьяконова,
- Борис Александрович Гартаковский,
- Ольга Александровна Четина,
- Алексей Григорьевич Корольков.

А также многочисленные внуки, иллюстрированный список которых можно найти в Приложении 3.

Глава 1

ТАРТАКОВСКИЕ

Тартаковский Григорий Яковлевич (1881–1963)

Немного о происхождении фамилии. Она происходит от названия села Тартак, что по-польски означает «лесопилка». Мне было известно одно село с таким названием, расположенное под Винницей. Однако при более детальном поиске оказалось, что в Украине и в Белоруссии, где в ходу польские слова, есть шесть сел с таким названием и еще городок в Польше.

В каком-то из них жили наши предки в тот момент, когда евреям стали присваивать фамилии. Определить, от какого именно села возможности нет, но думаю, что речь идет все-таки о селе под Винницей, в которой была большая еврейская община. Там фашисты расстреляли 2400 евреев.

Григорий Яковлевич был родом из Елисаветграда, который в то время относился к Николаевской губернии. Родился он 21 января 1881 года. Родители: Яков Борисович и Анна Ефимовна, их даты рождения и смерти найти не удалось. Фото тоже.

На сайте города Кропивницкий (так теперь называется Елисаветград, это Украина), выложен «Посемейный список евреев г. Елисаветграда» за 1910 год. Там я не нашел ни одного Тартаковского.

Там же есть даже два «Посемейных списка купцов и мещан Елисаветграда» за 1910 год. Там нашлась одна семья Тартаковских, но в этой семье нет мальчика, родившегося в 1981 г. Видимо, были и другие посемейные списки, которые не сохранились или еще не выложены или я их не нашел.

В «Списке частных землевладельцев Елисаветградского уезда Херсонской губернии на 1908/1909 г.» (такой список есть в Национальной электронной библиотеке) Тартаковский тоже не числится.

Однако фамилия в Елисаветградских документах присутствует. Так в «Списке пожертвовавших в 1878 году на покупку дворового места у Д.О. Лошкарева на углу Ивановской и Успенской улиц» указаны:

- Тартаковский Бер
- Тартаковский Михель

А также в «Комиссии по выборам попечительского совета талмуд-торы» фигурируют:

- Тартаковский Берко Хаимов куп(ец).
- Тартаковский Яков Берков мещ(анин).

Можно, конечно, предположить, что Яков Берков Тартаковский – отец Григория Яковлевича и мой прадед, но оснований для этого маловато. Нужно в архиве покопаться, но возможности для этого у меня нет.

В семье было шестеро детей Татьяна, Софья, Григорий, Берта, Владимир, Юлий.

Отношения в семье были сложные. Кроме деда, т. е. Григория Яковлевича, я помню только БERTУ Яковлевну и Софью Яковлевну. Юлий умер в молодом возрасте, о Татьяне Яковлевне ничего не знаю. Знаю, что с Владимиром Яковлевичем дед отношений не поддерживал.

Учился Гриша в гимназии. Он рассказывал мне, как нужно было выучить предмет, чтобы получить пятерку у учителя – члена Союза русского народа – антисемитской организации.

Семья была достаточно состоятельной, чтобы направить Григория Яковлевича в Швейцарию на обучение. Было это в 1903 году. Тогда получение врачебной специальности было одной из немногих возможностей для еврея учиться за границей. В России учиться можно было, но была процентная норма.

*Юлий Тартаковский.
Он почему-то в гимназической
форме, но в постели.
Есть похожее фото,
датированное 1915 г.
Даты жизни 1900–1922*

*Все, что удалось найти
по В.Я. Тартаковскому – захоронение
на Введенском кладбище. И то не уверен,
что это он*

В Швейцарии же он познакомился с нашей будущей бабушкой Софьей Назаровной Розен, которая тоже получала там медицинское образование. После 1905 г. они с бабушкой Софьей Назаровной вернулись в Россию. В 1907 г. они закончили медицинский факультет Московского университета. По специальности Григорий Яковлевич был психиатр. После окончания университета он получил назначение в Покровскую психиатрическую больницу в Мещерском. Это недалеко от Москвы. В своей книге отец подробно описывает как само Мещерское и жизнь там, так и наши последующие поездки в Мещерское с бабушкой, а потом и с ним самим.

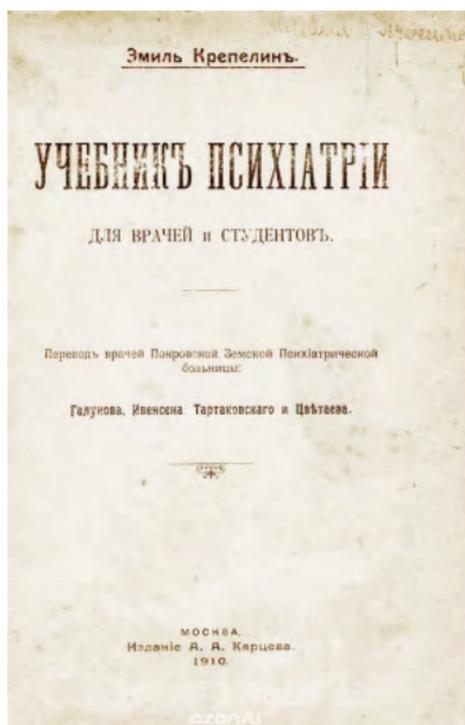
Григорий Яковлевич (единственный в шляпе) в группе врачей больницы им. Яковенко в Мещерском

Лев Николаевич и Григорий Яковлевич (справа)

Там же описано посещение больницы Львом Толстым, сопровождать которого был выбран Григорий Яковлевич.

В 1912 г. на XVII съезде врачей Московской губернии ГЯ предложил создать институт районной психиатрии. Эта идея была реализована после революции при поддержке наркома здравоохранения Семашко.

В 1910 г. вышло «Введение в психиатрическую клинику», переведенное ГЯ совместно с Галуновым, Ивенсеном и Цветавым. Эта книга была переиздана в 2004 г. годах и используется сегодня. Переводчики не указаны, т. е. скорее всего переиздан старый перевод

В 1924 г. вышла книга Эрнста Кречмера «Строение тела и характер» в переводе Григория Яковлевича. Эта книга несколько раз переиздавалась, последний раз в 2019 г. В переиздании указан переводчик – Тартаковский

Григорий Яковлевич участвовал в переводе как минимум двух учебников по психиатрии.

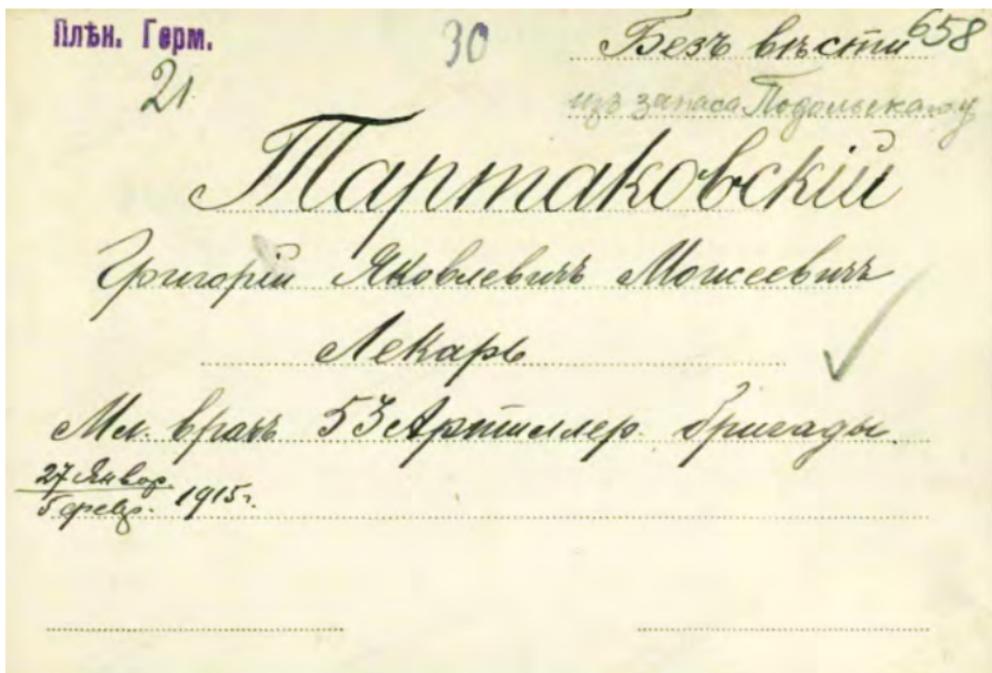
В 1914 году ГЯ как врач был призван в армию в чине капитан-врач. В 1915 он попал в плен.

Судя по адресу, указанному на фото маленького Бориса, отправленном Григорию Яковлевичу Софьей Назаровной, в плену он работал в военном госпитале для русских пленных в лагере Хейльсберг.

Сегодня эта местность относится к Польше и называется Лидзбарк-Варминьски. В плену он был до конца войны.

Григорий Яковлевич в первом ряду справа

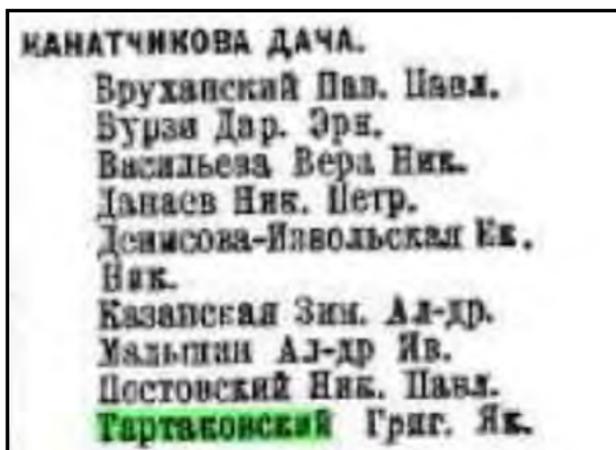
На сайте Памяти героев Великой войны (gwar.mil.ru) имеется картотека попавших в плен. Там есть и карточка ГЯ, из которой следует, что в плен ГЯ попал 27.01.1915.

Там же имеется «Список генералов, штаб и обер-офицеров, находящихся в плену» в котором можно уточнить его звание (капитан-врач), подразделение, к которому он служил (53-я артиллерийская бригада) и местонахождение в плену – Мемель (Клайпеда). Это расходится с адресом на фото, о котором говорилось выше. Возможно, пленных передислоцировали.

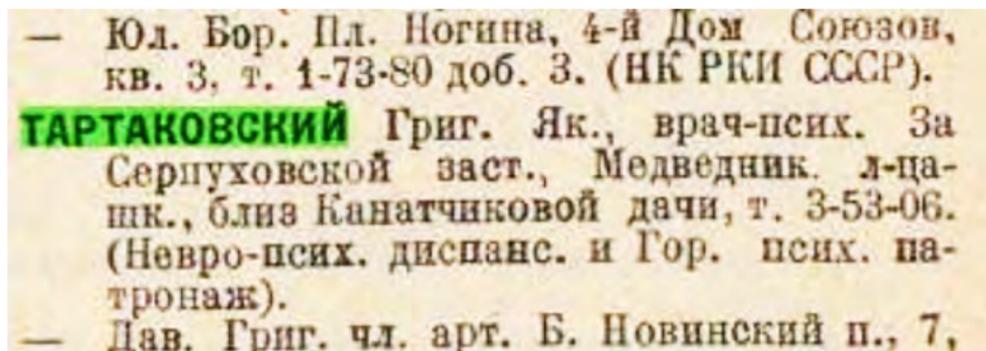
Все эти документы находятся в Российском Государственном Военно- историческом архиве.

После возвращения из плена и воссоединения с семьей Григорий Яковлевич и Софья Назаровна с Борей жили в «Первой Московской детской больнице для эпилептиков», которая находилась рядом с Алексеевской больницей, а в дальнейшем стала детским отделением этой больницы.

В московском адресном справочнике за 1925 г. находим его как врача больницы им. Кащенко (как видим, название «Канатчикова дача» использовалось вполне официально):

В 1928 г. находим его в справочнике как сотрудника лечебницы-школы близ Канатчиковой дачи:

В 1926 или в 1927 г. произошла семейная драма. ГЯ оставил семью и женился на **Изабелле Абелевне Робинзон (1898–1989)**.

В 1931 г. у них родился сын Андрей.

В последствии Изабелла Абелевна заведовала лабораторией патогистологии Института полиомиелита и вирусных энцефалитов Академии медицинских наук СССР.

Изабелла Абелевна Робинзон

В семье было много врачей. Врачами были сестра Григория Яковлевича Софья Яковлевна, сестра Изабеллы Абелевны Александра Абелевна (Шура по-семейному), ее муж Михаил Генрихович Геллер (в семье он назывался Дядя). Михаил Генрихович был хирург и умел также работать по дереву.

Знаю, что после дела врачей он перестал оперировать и больше никогда в операционную не вошел. Я многому научился у Михаила Генриховича. В смысле работ по дереву, разумеется.

После ухода из семьи ГЯ работал в различных больницах, в частности, был районным психиатром.

Это из справочника за 1930 г.:

РАЙОННЫЕ ПСИХИАТРЫ.

Районные психиатры принимают больных, посещают их на дому, обслуживают петрозавенские больницы своего района, являются экспертами в судебных и следственных органах.

Бауманский район:

1-й участок (32, 33, 39, 47 и 49 отд. мил.)—Ефимова Клеоп. Ал-еев; прием в Басманной амбул. (Бабушкин п., т. 1-14-22) с 9 до 11 ч. у., по вт. и пятн. с 7 до 9 ч. в.

6 ч, субб. с 8 до 1 ч.

Краснопресненский район:

1-й участок (15, 19, 20, 21, 23, 26 и 46 отд. мил.)—Докрачева А. Н. и Чельцов Вас. Дм.; прием (Сал.-Триумфальная, 2/70, т. 5-58-02) с 9 до 11 ч. у., по пон. с 4 до 6 ч. в.

2-й участок (13, 14 и 22 отд. мил.)—Тартаковский Гр. Ян; прием (Краснопресненский вал, 3, т. 4-52-36) с 9 до 11 ч. у., по четв. с 4 до 6 ч. в.

Это была не единственная работа. ГЯ участвовал в создании Государственного невро-психиатрического диспансера, переименованного в дальнейшем в Научный институт невро-психиатрической профилактики.

Заместителем директора этого института Григорий Яковлевич работал несколько лет.

Этот институт находился на Садово-Кудринской в особняке, где сейчас находится Институт усовершенствования врачей.

Отец рассказывал, что некоторое время после ухода из семьи ГЯ жил прямо в институте.

В дальнейшем они с новой женой и ее сестрой купили кооперативную квартиру в Хавско-Шабловском переулке.

У Григория Яковлевича была степень кандидата медицинских наук. Она была присвоена ему без защиты диссертации, по совокупности опубликованных работ.

Судя по всему, административная работа его не очень привлекала. Он был врач.

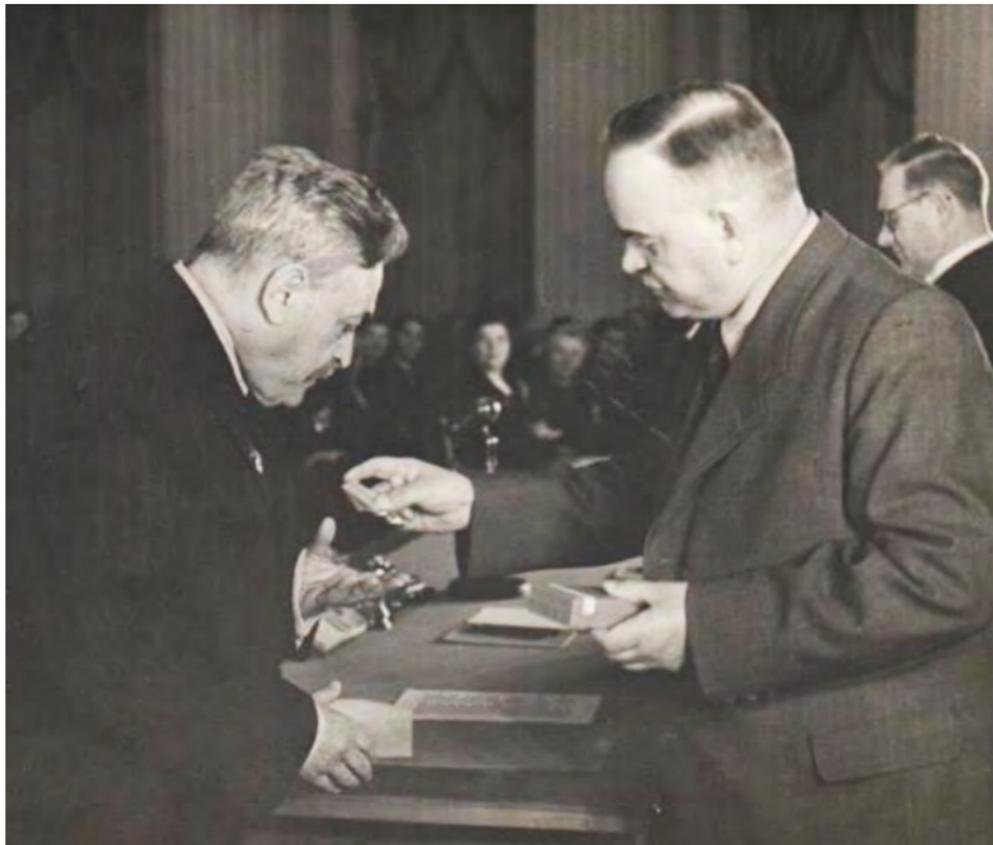
В 1939 г. ГЯ создал в Боткинской больнице психо-соматическое отделение, которое возглавлял до своей смерти в 1963 г.

Это отделение существует и сегодня, но носит название «Сомато-психиатрическое».

Григорий Яковлевич в Боткинской больнице

В 1951 г. ГЯ был награжден орденом Ленина. Он получил его к 70-летию. Тогда была такая практика – награждать за выслугу лет.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Шверник вручает орден Ленина Тартаювскому

Сохранился также и адрес с трогательной плашкой «Любить и беречь больного», врученный Григорию Яковлевичу 14.11.1957 г. в связи с 50 – летием его врачебной деятельности. Там три страницы, на которых больше 150 подписей коллег и сослуживцев по Боткинской больнице.

Дорогой и глубоко уважаемый
Григорий Яковлевич!

Коллектив московской городской ордена Ленина клинической больницы имени С.П. Боткина празднует сегодня пятидесятилетие Вашей славно-общественной деятельности, известной далеко за пределами нашей больницы.

Пятидесят лет служения Врача большому человеку, Врача-психиатра, отдающего своим больным не только все свои знания, но и своего духа, какими мы все Вас давно и хорошо знаем, — это беспредельный подвиг.

Мы высоко ценим Вас, как активного соратника создателя советской психиатрической школы, как замечательного клинициста и эрудированного узкого, но главка, за что мы все так любим и уважаем Вас — это Ваша глубочайшая и человеческому страданию; Вы в своих больницах всегда видите не клинический материал, а живых людей и каждый Ваш больной становится Вашим близким, родным.

Любовь к большому человеку и побуждала Вас создать первое в Советском Союзе психиатрическое отделение в нашей больнице.

Сердечно поздравляем Вас, дорогой Григорий Яковлевич, со славным юбилеем и желаем Вам много здоровья и сил для дальнейшей работы на пользу страждущему человечеству и советской медицинской науке.

З. Ильин
С. С. Ильин
Москва

А. А. Иванов
В. И. Иванова
Н. М. Райгородский
В. А. Ильин

А. И. Ильин
Л. К. Ильин
В. А. Ильин
Л. К. Ильин
Л. К. Ильин

Ноября 14 дня 1957 года.

Тартаковский Борис Григорьевич (1911–2001)

Отец оставил нам замечательные мемуары¹, поэтому нет необходимости «собирать» его жизнь по крупницам в интернете и в других источниках. Напомню основные вехи его жизни.

Родился отец 10 ноября 1911 года в Мещерской психиатрической больнице, где работал Григорий Яковлевич.

Летом голодного 1918 года бабушка Софья Назаровна перевезла Борю в Елисаветград с целью подкормиться на щедрой украинской земле.

Там, в Елисаветграде, в мае 1919 г. они с бабушкой пережили еврейский погром. Через 8 лет 15-летним девятиклассником отец описал это событие в сочинении. Отец сохранил тетрадку с этим сочинением, сейчас она находится в Еврейском музее в Москве.

После школы отец работал в районной библиотеке, рабочим на швейной фабрике, пионервожатым, служил в армии. На исторический факультет МГУ университет поступил только в 1935 году. После университета поступил в аспирантуру, но закончить ее не успел из-за войны. Войну закончил капитаном и был направлен в Берлин для работы в СВАГ (Советская военная администрация в Германии). Туда же попали некоторые его товарищи по университету.

Вернувшись в Москву в 1949 году, отец восстановился в аспирантуре, в 1952 г. защитил диссертацию, но как «безродный космополит» долго не мог найти работы: был внештатником в Горном институте, читал лекции по истории КПСС, помню, что ездил с этими лекциями в Сталиногорск (ныне Новомосковск).

Постоянная работа появилась только в 1957 году, когда ему предложили должность старшего научного сотрудника Института марксизма-ленинизма (ИМЛ).

До начала 90-х годов он работал там в секторе Маркса и Энгельса.

¹ *Тартаковский Б.Г. ВСЁ ЭТО БЫЛО... М.: АИРО-XX, 2005. Тартаковский Б.Г. Из дневников военных лет М.: АИРО-XX, 2005.*

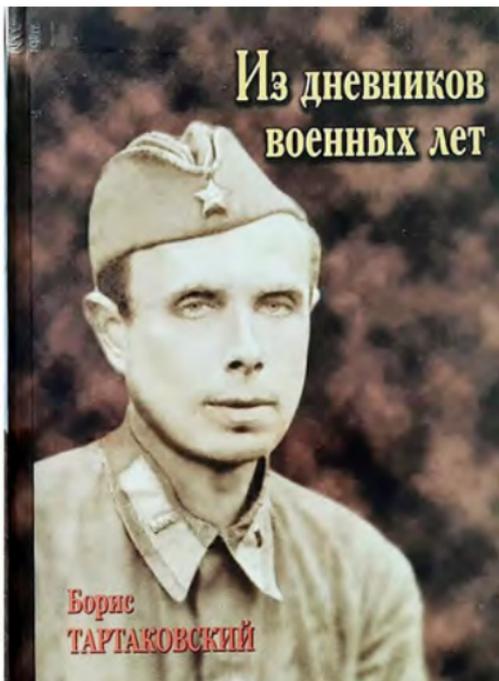
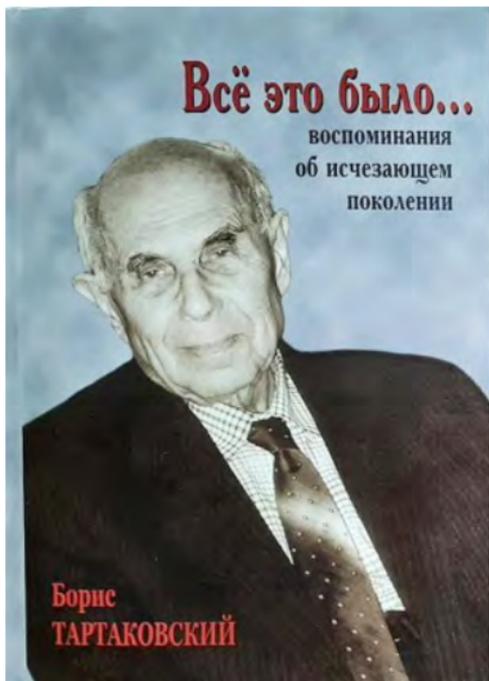

Берлин 1947(?)

Несмотря на устрашающее «партийное» название института, в этом секторе работали отнюдь не партийные ортодоксы, а люди с широким кругозором, хорошо понимающие происходящее в стране. Это их потом назовут «шестидесятниками».

Отец стал сотрудником ИМЭЛ в 46 лет и был старше многих своих сотрудников. Многие из них, как и отец поступили туда после XX съезда КПСС, когда происходила своего рода «перестройка» в сфере идеологии.

Это был дружный коллектив, многие, как и отец, закончили Истфак МГУ. Одним из условий приема на работу в ИМЭЛ было знание иностранных языков. Помню, что они покупали коммунистические газеты (французская «Юманите», американская «Дейли Уоркер», бельгийская «Драпо руж», югославская «Борба» и др.), где происходящее в мире освещалось не всегда с ортодоксально советских позиций. Газеты покупались в ларьке около гостиницы «Метрополь», где проживали иностранцы.

Мемуары Бориса Григорьевича

Яков Самойлович Драбкин – автор предисловия к книге «Все это было...» – на презентации книги Бориса Григорьевича в Ленинской библиотеке. Яков Самойлович был одним из ближайших друзей отца, он учился на одном курсе с мамой. Потом работал вместе с отцом в СВАГЕ

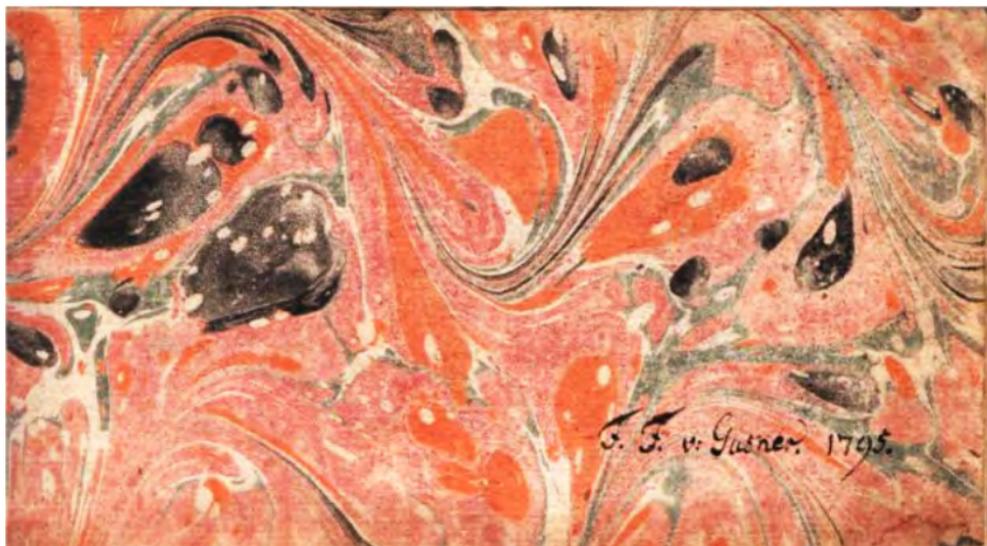
Немного о характере отца

Из Германии он привез трофеи: два больших альбома почтовых марок, коллекцию бумажных денег и салонный альбомчик конца XVIII – начала XIX века.

Это были специальные филателистические альбомы, которые содержат напечатанные изображения марок для популярных коллекций, и многие марки там уже были вклеены. Среди наклеенных было много немецких марок с Гитлером другими сюжетами третьего рейха, но были представлены и другие страны.

Сначала эти альбомы попали к племяннику отца Олегу Розену, затем, когда я подросток, а Олег потерял интерес к этой теме, перешли ко мне. Я сам тоже под его влиянием собирал марки. Ездил для этой цели на Кузнецкий мост, где был специальный «филателистический» магазин, а главное – толкучка, где продавалось самое интересное. Потом альбомы хранились у Сергея, сейчас переданы внуку Коле.

В коллекции бумажных денег (бонов) были немецкие марки, российские и советские рубли и пр. Самый крупный номинал немецкой банкноты времен кризиса составлял 5 млн марок. Сейчас папка с этим богатством находится у Веры.

Первая страница трофейного альбома

Heiligen Sünden fesse deine Seele
 dein sie Mann und Leben
 am besten und besten Freunde
 alle und der Liebe
 der göttlichen Liebe

Warschau
 am 30ten Sept
 1799

Wenn du nicht mit mir
 liebend müde dich
 auf dich blühest so ein
 auf dich dich blühest so ein
 dich liebend müde dich
 dich liebend müde dich
 dich liebend müde dich

Странички из альбома

Еще одним «трофеем» (скорее всего купленным в магазине), был американский патефон «His Master's Voice», который многие годы исправно служил нашей семье на радость бабушке и маме – большим любителям классической музыки. Нам с братом разрешилось его заводить.

Отец, начиная со студенческих лет, обладал тем, что я назвал был чувством истории. Т. е. он ощущал, что каждый сегодняшний день уже принадлежит истории, что этого больше не будет. Он делал вырезки из газет, а некоторые газеты сохранял полностью. Возможно это как-то помогало при чтении лекций, но вряд ли – динамика линии партии такого не позволяла. История каждый день переписывалась. А кто старое помянет...

Отец считал эти вырезки важными. Он не выбросил вырезки ни при переезде в свою первую отдельную квартиру в Марьиной роще, ни при переезде в квартиру на проспекте Мира. В последней – двухкомнатной – квартире на 23 этаже, эти папки хранились в шкафу в коридоре до конца его дней, хотя места там было прямо скажем, маловато. Среди этих вырезок хранились, например, фото времен пакта Молотова–Риббентропа (Сталин, Молотов и Гитлер), которые я носил в институт для расширения кругозора однокашников.

Думаю, этим же чувством истории диктовалась покупка некоторых книг. Например, у него были стенограммы всех сталинских процессов: Процесса «Промпартии», «Троцкистско-Зиновьевского Террористического центра», «Право-Троцкистского блока» и т. д. Это были толстые книги, казалось бы, не нужные ни для работы по новейшей истории Германии, которой начал заниматься до войны, ни для работы в ИМЛ.

Эти тома отец потом подарил мужу своей коллеги по ИМЛ Валентины Акимовны Смирновой Николаю Гавриловичу Смирнову, который занимался историей этих процессов.

Чувством истории диктовалось и собирание приглашений и пропусков на разные пионерские, комсомольские и партийные мероприятия, в которых он участвовал. Обычно такие бумажки выкидывают...

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Жемчужина

Социалистическая грамота

УДАРНИК НА ПРОИЗВОДСТВЕ
ДОЛЖЕН БЫТЬ УДАРНИКОМ
НА ОТДЫХЕ

УЛУЧШИТЬ БЫТОВЫЕ
УСЛОВИЯ РАБОЧИХ —
ТАКОВА ЗАДАЧА

ОТ ПЛОВУЧЕГО ДОМА ОТДЫХА
ИМ. МОССОВЕТА „ЖЕМЧУЖИНА“

Лучшей ударной команде № 24

тов. Тартаковскому

За двухнедельный период плавания на „Жемчужине“ ты, ударник социалистического отдыха, показал себя подлинным проводником пролетарской дисциплинированности и организованности.

Промышляя отдых социалистической культурой, ты действительно укреплял силы для продолжения ударной работы в исторические годы второй пятилетки, ты показал блестящие образцы правильного сочетания отдыха с задачами, поставленными партией перед всем рабочим классом — построения бесклассового социалистического общества.

Возвращаясь на производство, ты так же по-ударному поведешь работу за социалистический труд, за социалистический отдых, за социалистическую культуру.

Да здравствует рабочий класс и его авангард — Коммунистическая партия большевиков!

ДИРЕКТОР ДОМА ОТДЫХА И ГЛАВ. ВРАЧ:

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ПО СОСРЕДКОТОВАНИЮ (от организации)

(взрос)

В.И.Иванов 1933 г.

Ж.Молчанов

Тартаковский Андрей Григорьевич (1931–1999)

Сын Григория Яковлевича и Изабеллы Абелевны Андрей был моложе нашего отца на 20 лет, но судьба распорядилась так, что отец пережил его на три года.

К сожалению, в своих воспоминаниях отец уделяет Андрею немного места, хотя это были очень близкие люди. Скорее всего потому, что отцу больно было писать что-то вроде некролога.

Андрей Григорьевич закончил истфак МГУ в 1955 году.

Он стал выдающимся историком, специалистом по российской истории начала XIX века, автором нескольких книг по русской мемуаристике.

Большую часть своей научной карьеры он проработал в Институте российской истории РАН.

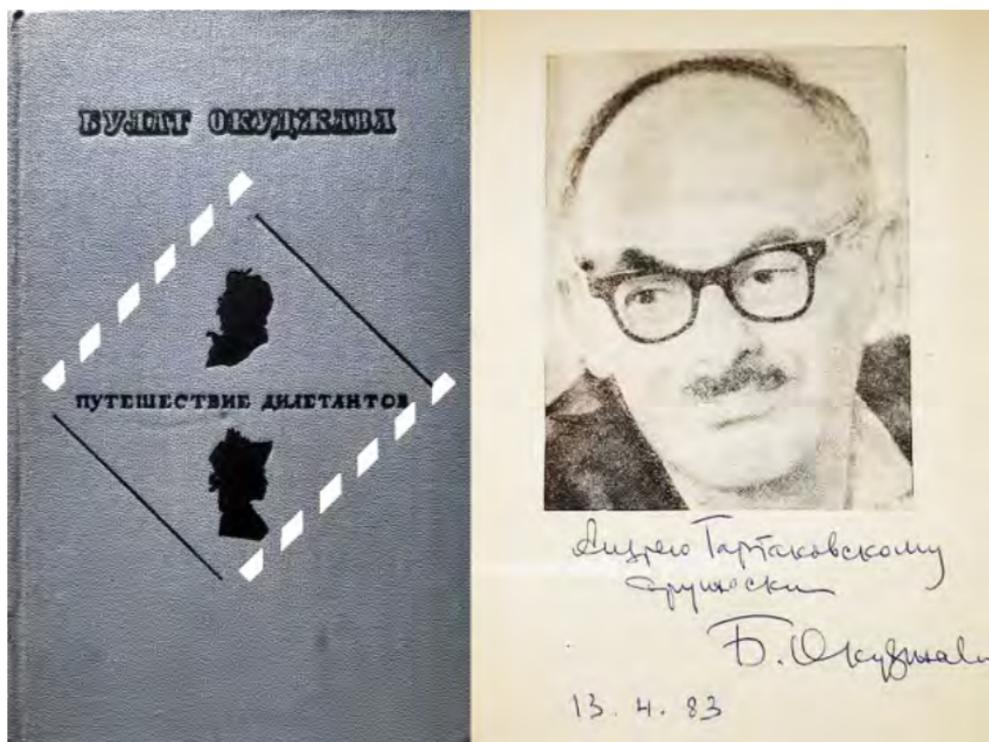
С Андреем дружили такие люди как Сергей Сергеевич Аверинцев, Мариэтта Омаровна Чудакова, Натан Яковлевич Эйдельман, не говоря уже о муже его тетки Ираклии Луарсабовиче Андроникове.

А главный редактор пигерского журнала «Звезда» Яков Аркадьевич Гордин, когда приезжал в Москву, всегда останавливался у Андрея.

Если не ошибаюсь, Андрей выступал в качестве внутреннего рецензента при издании романа Окуджавы «Путешествие дилетантов». Тогда положительный отзыв был крайне важен для выхода книги. Андрея Окуджава привлек, чтобы тот своим авторитетом поддержал публикацию.

После смерти Андрея его жена Галина Давыдовна подарила мне эту книгу с дарственной надписью Булата Шалвовича. Я ее бережно храню.

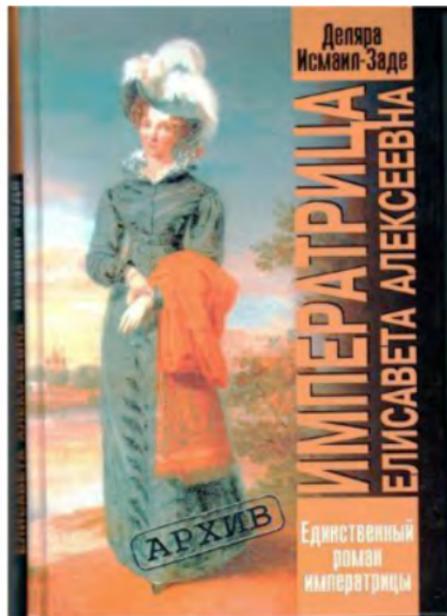

Когда через 20 лет после смерти Андрея я попал в больницу с ковидом, со мной в палате оказался историк и архивист, сотрудник Вышки (Высшей школы экономики) Евгений Акельев. Когда он узнал, кто я, слету привел названия книг Андрея и вообще был крайне высокого мнения о нем.

Архив Андрея хранится в Государственном историческом архиве.

У Андрея была уникальная библиотека по специальности. Ею после смерти Андрея занимался его сын Играр. Теперь она в Америке. Цитирую письмо Играра в ответ на мой запрос о судьбе этой библиотеки:

«Я хотел передать ее в то учреждение, которое сможет ее взять как мемориальную библиотеку, либо сделаться частью мемориального кабинета. Ни Институт Истории, ни МГУ, ни Историко-Архивный Институт, ни ГИМ либо не захотели, либо не смогли из-за отсутствия помещения, возможностей итд. При этом, все были заинтересованы брать ее лучшие сегменты. Библиотека была уникальная – отец кропотливо собирал ее всю жизнь, подборка была феноменальная. Так, что растащить ее я бы не позволил. Я принял решение перевезти всю библиотеку в США. University of Notre Dame известен, в частности, своей кафедрой истории, на которой работали и работают несколько американских историков занимающиеся российской историей. Один из них лично знал отца, встречался и переписывался с ним. Остальные – читали все его работы и крайне его ценили. Таким образом, университет выразил интерес не только спонсировать перевоз всей библиотеки полностью, категоризировать ее и создать электронный экслибрис с именем отца. Так, что библиотека хранится там».

Деляра Ибрагимовна Исмаил-заде

Андрей был дважды женат. Его первая жена и мать его единственного сына Играра **Диляра Ибрагимовна Исмаил-заде (1931–2009)** также проработала много лет ведущим сотрудником Института российской истории РАН. Ее кандидатская и докторская диссертации были посвящены истории Закавказья. В дальнейшем она занималась российскими императорскими наместниками на Кавказе, такими как граф И.И. Воронцов-Дашков, о котором она написала две монографии, а также Великий князь Михаил Николаевич (младший сын Николая I). Диляра Ибрагимовна была крупным специалистом по истории династии Романовых, опубликовала работы о Великом князе Николае Михайловиче, императрице Елизавете Алексеевне, Великом князе Михаиле Михайловиче и другие.

Вторая жена Андрея – **Галина Давыдовна Тягай (1922–2006)**, востоковед, доктор исторических наук, специализировалась на истории Кореи.

Племянники Григория Яковлевича

У меня есть информация о двух племянниках Григория Яковлевича. Это люди, с которыми я общался и хорошо их помню.

Один из них **Владимир Яковлевич Бахмутский**, сын Софьи Яковлевны.

Софья Яковлевна с сыном Владимиром Яковлевичем Бахмутским (1919–2004)

Последняя книга В.Я. Бахмутского

Софья Яковлевна была врачом, она умерла в 1958 г. На этом фото в анатомиче-ке она единственная женщина.

Владимир Яковлевич (в семейном кругу Дима) учился в ИФЛИ, закончил филфак МГУ и стал литературоведом. Он много лет преподавал зарубежную литературу во ВГИКе, был профессором, заведовал кафедрой. В 1994 г. получил звание Заслуженного деятеля искусств.

Владимир Яковлевич был специалистом по французской литературе, написал множество статей и несколько книг.

Второй известный мне племянник Григория Яковлевича – сын Берты Яковлевны **Александр Михайлович Гойхрах** (1920–1998). В семье его называли Шура.

Александр Михайлович Гойхрах

До войны семья Гойхрах жила в Польше, возможно в Варшаве. Его отец ушел из семьи, но, видимо, неплохо зарабатывал и направил сына учиться в Кембридж. Не знаю, находился Шура в момент начала войны (1 сентября 1939 г.) – в Кембридже или дома у мамы в Варшаве, но в любом случае он вывез Берту Яковлевну в СССР. Здесь им не дали въехать в Москву, а направили куда-то в Сибирь в лагерь для перемещенных лиц. Он не был арестован, но лес валить пришлось.

Не знаю, когда Александр Михайлович вернулся в Москву (скорее всего после окончания войны) и где работал по возвращении, но значительную часть своей жизни он проработал в Министерстве легкой промышленности, был там какой-то шишкой.

Александр Михайлович был не только большим любителем тенниса, но и одним из основателей теннисного клуба «Ширяево поле» в Сокольниках (ныне – Теннисная академия «Спартак»). Он и умер на теннисном корте в возрасте 78 лет.

Знаю также, что он дружил с первым заместителем мэра Москвы Владимиром Иосифовичем Ресиным. Ресин даже организовал похороны Александра Михайловича за счет бюджета и выступал на похоронах.

Любопытно, что, когда умер наш дед ровно 60 лет назад, место на Введенском кладбище Александр Михайлович «добыл» через того же Ресина, который и по сей день заседает в Государственной думе...

Александр Михайлович был дважды женат.

Первая его жена – **Нина Яковлевна Браун** (1922–1986) – была дочерью левого эсера, более того, члена Центрального Бюро Партии Левых эсеров Якова Вениаминовича Брауна. В 1937 г. он был арестован и расстрелян.

Мать Нины Яковлевны Фани Григорьевна Браун (в девичестве Блюмкина) была арестована в 1937 году, получила 20 лет ИТЛ, но выжила. Скончалась в 1964 г.

Сама Нина Яковлевна закончила филфак МГУ в 1948 г. и сразу же была арестована, получила 8 лет лагерей по ст. 58/10, которые отбывала в Инте на лесоповале. Удивительно, что Шуру не арестовали при таких родственниках и таком заграничном прошлом.

Думаю, что поженились они 1946–1947 гг. Как свидетельствует двоюродная сестра Владимира Бахмутского Нина Павловна Сточек, жили они в квартире Нины Яковлевны в одном из переулков на Петровке. Из воспоминаний Нины Яковлевны:

«... Куранты пробили двенадцать, и через пять минут в коридоре послышался топот сапог, не оставлявший никаких сомнений. Идут к нам. Кого возьмут? Хоть бы меня, а не Шуру, он

слабый, не выдержит, а я все знала заранее. Мама в деталях рассказала мне о боксах, о конфискации заколок, пуговиц, резинок шнурков, о будках в которых прячут, когда в коридорах возникает угроза встречи с другим арестантом, а лагерь знала не по рассказам: гостила у мамы в зоне» две недели. Знала и тюремный алфавит для перестукивания... »

И действительно, пришли за ней...

В 1955 Нина Яковлевна освободилась, вернулась в Москву, была реабилитирована, преподавала русский язык и литературу в школе.

В конце жизни Нина Яковлевна стала писать стихи, которые ее ученики опубликовали вместе с воспоминаниями об аресте и тюрьме. Эти воспоминания есть в архивах на сайте Мемориала.

Сама Нина Павловна – уникальный человек. Она закончила СТАНКИН с красным дипломом по специальности «Станкостроение» и всю жизнь проработала в ракетно-космической области. Свободное знание немецкого позволило ей войти в группу первых ракетчиков, которые после Победы были направлены в командировку в Германию для изучения трофейных образцов техники.

Всю жизнь она занималась разработкой ракетных двигателей и работала до 95 лет. 14 марта 2023 г. ей исполнилось 101 год.

Нина Павловна Сточек с мужем Олегом Ивановичем Малюгиным. 1946 г.

Второй женой Александра Михайловича стала **Елена Свердлина** (1925–2000). Я не был знаком с Ниной Яковлевной Браун, но с Леной был знаком и могу засвидетельствовать, что стихов она не писала. У них была дочь Ирина, она живет в Израиле.

Дальние родственники

Школы, расположенные поблизости от больницы Кашенко, где мы жили, были плохими, во всяком случае не устраивали моих родителей. Поэтому меня в 1953 г. отдали в школу № 545 на Хавской улице. Тогда это была мужская школа. Туда от больницы нужно было ехать на трамвае. Выбор школы был обусловлен, в частности, тем, что она находилась в одном квартале от квартиры Григория Яковлевича.

С 1954 г. школы стали совместными и меня перевели в школу 540, которая тоже была рядом с домом деда. Я проводил много времени у них дома, после школы шел туда, делал уроки и т. п. Вечером меня обычно забирал кто-то из родителей по дороге с работы. Иногда я там ночевал.

Я довольно близко наблюдал жизнь этой семьи. Эта жизнь была очень активной. Часто появлялись сестры Изабеллы Абелевны с мужьями, в том числе Вивиана Абелевна с Ираклием Андрониковым, заходила дочь Андрониковых Манана, с которой очень дружил Андрей.

Ираклий Андроников

Манана Андроникова

Александра Абельевна Робинзон и Михаил Генрихович Геллер

Я слышал там много рассказов Андроникова, как опубликованных, так и нет. Впрочем, он умел любое событие превратить в рассказ.

Волею судеб Григорий Яковлевич, Изабелла Абельевна, Андрей Григорьевич, Софья Яковлевна, Берта Яковлевна, их сыновья, а также Иракий и Вивиана Андрониковы и их дочь Манана похоронены на том же кладбище, что и мои родители – на Введенском кладбище.

Глава 2

РОЗЕНЫ

Софья Назаровна Розен

Бабушка Софья Назаровна уничтожила свой архив. Осталось только несколько написанных ею писем, адресованных родственникам, а также письма, адресованные ей, в том числе большое число открыток, полученных ею во время обучения в Швейцарии, где она познакомилась с будущим мужем, и в начале жизни в Мещерском. Нет даже фото, снятых в молодости.

Первое дошедшее до нас фото сделано после рождения сына. Отец приводит его в своей книге.

Писем к ней деда Григория Яковлевича также не сохранилось.

Софья Назаровна родилась 2 февраля 1981 в Таганроге.

Отец – Розен Назарий Маркович. О его жене ничего не известно. В семье было четверо детей:

- Михаил Назарович (Николаевич) (1877–1956),
- Софья Назаровна (1881–1961),
- Давид Назарович (1893 –??)
- Генриэтта Назаровна (Неточка в переписке) (? –?)

Таганрог, ул. Чехова 140

Судя по адресу, указанному на открытках из архива бабушки (по сути только эти открытки и сохранились), в 1907 г. семья Розен проживала по адресу Таганрог, ул. Чехова 140. Интернет сообщает, что дом с таким адресом существует поныне и там находятся две конторы: «Городское благоустройство» и «Спил деревьев».

Отец всегда подчеркивал что Таганрог – это не черта оседлости, а Область войска донского. Это означает, что Назарий Маркович имел статус, позволяющий жить вне черты оседлости (ремесленник, купец, кантонист, человек с высшим образованием?).

История знакомства Софьи Назаровны с Григорием Яковлевичем замечательно описана в воспоминаниях отца. Могу только дополнить.

Швейцария

С будущим мужем Григорием Яковлевичем Софья Назаровна познакомилась в Швейцарии. В те замечательные времена еврею сложно было получить высшее образование, а выехать за границу для обучения можно было только по медицинской специальности. Это они оба и сделали.

Основной источник информации по «швейцарскому» периоду жизни СН – полученные ею открытки. Источник малоинформативный. Чаще всего это поздравления и другие краткие напоминания о себе. Обычно они содержат мало текста, и далеко не всегда понятно, кто их послал.

Тем не менее, можно понять, что хотя бы с августа 1904 по май 1905 г. она жила в Кларенсе и Веггисе (это в кантоне Люцерн) и выезжала оттуда в Вену (на встречу нового 1905 г.) и Женеву (сохранились открытка, адресованная туда, от 07.02.1905 г.).

27.10.1905 она в Берлине. Последняя из сохранившихся открыток адресована ей в Женеву и получена 20.11.1905.

Похоже, период ее пребывания в Швейцарии – 1904–1905 гг. Либо часть открыток не сохранилась.

Интересен выбор сюжетов открыток. Их покупали разные люди, иногда сама бабушка. Т. е. это случайная выборка. Среди сюжетов нет ни одной картинки импрессионистов, хотя они вроде бы были в 1904–1905 гг. в расцвете славы, а Мане и Писсарро уже умерли. Есть портреты Листа, Гейне, Гёте, Толстого, зимние русские пейзажи, картины символистов.

После 1905 г. появилась возможность обучения на родине, и они с Григорием Яковлевичем вернулись в Россию.

В 1907 г. после окончания медицинского факультета Московского университета Григорий Яковлевич получил назначение в Покровскую психиатрическую больницу в Мещерском.

Мещерское

Судя по открыткам, некоторое время в 1907 г. Софья Назаровна провела дома в Таганроге, а с 1909 по 1917 гг. жила в Мещерском. Она переписывается с братом Давидом Назаровичем (тогда «Долей»), причем, тот иногда в шутку называет ее тетей (разница между ними 12 лет):

Открытка от Доли 07.02.1905:

«Вена 07.02.1905. Дорогая тетенька, большое спасибо за Вашу открытку. Чувствую я себя ни то ни се: сам не знаю как; купил

на 190 р. книг и делаю опыты по занятиям (?) медициной. Не можете ли оказать услугу: прислать 2 плиточки шоколада. Я перешлю Вам кроны или отдам Тартаковским. Привет»

Другие открытки от Давида Назаровича адресованы уже в Мещерское. 12.10.09:

«Письмо твое получил и очень благодарен за него. За сочинение по русскому языку я получил 4, написал и подал инспектору второе и теперь пишу третье по теме... "Характеристика бояр в эпоху самозванцев" по драме Пушкина "Борис Годунов". Все мы здоровы. Привет Грише.

Розен. Скоро уже я и Нета начнем заниматься по музыке...»

23.12.1909:

Дорогая Соничка!

Очень и очень благодарен тебе за подарок, который я получил совсем неожиданно. Об этом произведении у нас очень много спорят в гимназии. Они хвалят, другие ругают Андреева. Нас уже распустили. Отметки удовлетворительные, как у меня, так и у Неточки. По музыке занимаемся, а главное играем каждый день по часу. Жду с нетерпением вашего приезда. Папа, мама, Нета и я целуем вас крепко, крепко.

Остаюсь твой брат Додя.

P.S. Соня! Я хочу в этом году выписывать какой-нибудь журнал, но не знаю, какой лучше. Если знаешь, напиши мне об этом.

СН не оставляла медицинской деятельности. Об этом есть указание в открытке от И. Введенского от 09.04.1910:

«На Пироговском съезде (речь идет об XI Пироговском съезде врачей 21–27 апреля 1910. – А.Т.) однако я вероятно буду, и, конечно, буду рад встретить Вас. Будьте здоровы и счастливы!

Открытка с видом больницы в Мещерском. На обороте рукой отца написано: «Виды больницы для душевнобольных имени В.И. Яковенко. Мужское слабое отделение»

Одно из немногих сохранившихся фото Софьи Назаровны в время Мещерского

Второй брак Софьи Назаровны

После ухода Григория Яковлевича из семьи Софья Назаровна в 1927 г. вышла замуж за его коллегу и однокашника Александра Карловича Ивенсена (далее АК).

Александр Карлович был потомственный врач. Его отец – хирург Карл Карлович Ивенсен, был врачом МХТ (Московского Художественного театра), а также работал врачом поликлиники Лечсанупра Кремля.

Александр Карлович был вдовцом, он жил с сыном Владиславом. АК работал старшим

врачом в больнице им. Кащенко, она же «Канатчикова дача» или «Канатка» (ныне Алексеевская больница).

Жили они в двух проходных комнатах коммунальной квартиры жилого корпуса больницы на полуторном этаже.

В эти две комнаты после замужества переехала Софья Назаровна с Борисом.

О трудовой деятельности СН есть такая информация.

В 1937 г., когда умер Александр Карлович, она работала во Всесоюзном институте экспериментальной медицины (ВИЭМ). Об это свидетельствует вырезка из газеты «ВИЭМ» с выражением соболезнования сотруднице психиатрической клиники ВИЭМ Софье Назаровне Ивенсен в связи со смертью мужа.

ВИЭМ был один из грандиозных, но не реализованных до конца советских проектов, целью которого было всестороннее изучение человека. Для этого института на площади 65 гектаров строился гигантский комплекс зданий.

Часть была построена и в дальнейшем передана различным институтам. В эвакуации она не работала. Ей было уже за 60.

Не знаю, где она работала после войны до нашего приезда из Германии в 1949 г. Возможно, в больнице им. Соловьева.

Софья Назаровна с Александром Карловичем на Канатчиковой даче

Пенсию она стала получать уже после нашего приезда из Германии. Я помню разговоры об этом, т. е. это было в начале 50-х.

После нашего приезда у нее уже не было времени на работу.

С папой у бабушки были очень близкие отношения. Понятно, что она заботилась о сыне, но и он заботился о ней. Например, после смерти Александра Карловича (31 мая 1937 г.), отец побоялся оставлять бабушку одну и летом с ней вдвоем отправился на отдых на Селигер. Поступок, не очень характерный для студента! Он об этом никогда не рассказывал, а я узнал об этой поездке из мемуаров его однокашницы Лидии Владимировны Венкстерн.

Известно, что отец хотел стать писателем. Правда, дальше составления конспекта будущего произведения дело не доходило. Так вот, он с бабушкой консультировался с ней по поводу сюжета будущего романа. Сохранилось письмо, отправленное отцом из Харькова 14.12.1934 во время его воинской службы:

Дорогая мамочка! Это письмо будет носить несколько необычный характер. В нем мне хочется поделиться с тобой неко-

торами литературными замыслами, которые несмотря на очень незначительное свободное время, все же зреют у меня в голове.

Правда, некоторой систематизацией этих мыслей я обязан небольшому гриппу, которым боле дня три (как видишь, и меня чаша сия не миновала). Очевидно правильно, что «нет худа без добра».

Таким образом я не знаю, сколь скоро мне удастся реализовать задуманное... .. Пишу тебе об этом потому, что, во-первых, это не может тебя не интересовать, во-вторых, мне нужен чей-то совет, чья-то критика, а от кого, кроме тебя я могу получить ее сейчас?

Бетъка¹ никогда серьезно к моим литературным затеям не относился, Виктор так занят, что требовать от ответа – нелепо. Друзья же женского пола – народ мало верный и для такого дела неподходящий. (Далее излагается план произведения. – А.Т.)

Среди известных мне друзей Софьи Назаровны – Мария Исааковна Мексина и ее сестра Аделина Исааковна. Они были с ней в эвакуации, там же были мама и ее лучшая подруга Татьяна Мексина.

О муже Марии Исааковны Якове Петровиче Мексине отец подробно пишет. Напомню, что это был детский писатель, издатель детских книг, основатель Музея детской книги. В мае 1929 года Мексин по заданию Госиздата организовал выставку советской детской книги. С этой выставкой он затем объездил СССР, был в Германии, Чехословакии, Эстонии, Японии и других странах. В 1938 г. был арестован, получил 8 лет лагерей обвинению в «контрреволюционной и шпионской деятельности» и в 1943 году погиб в лагере, не дожив до конца срока. После ареста и гибели Якова Петровича дружба с Мексиными продолжалась. Знаю, что отец помогал им материально.

Судя по сохранившимся письмам, до войны бабушка вела вполне активный образ жизни, даже плавала на пароходе.

¹ Бернад Борисович Лапук – школьный товарищ отца, о нем отец пишет в своей книге

Татьяна Мексина

*Яков Петрович Мексин с Татьяной
(до 1937 г.)*

Из переписки видно, что в 1939 г. они отдыхали вместе в Зубцове. Там были Софья Назаровна, сын Александра Карловича Владислав, Аделина Исааковна, а возможно и Татьяна Мексина.

Сохранилось письмо бабушки Борису Григорьевичу, в котором хорошо отражается принятая в семье взаимопомощь. Она пишет:

«Как проведет Танька (Татьяна Мексина. – А.Т.) вторую половину каникул, еще неизвестно, вероятнее всего, поедет в Крым, где вместе с Виктором и двумя его приятелями будет знакомиться с Крымом по намеченному В. плану. Влад(ислав) оставил мне для этой цели 300 рублей, 200 рублей дам я, остальные М(ария) И(сааковна). Танюшка хорошая, умная девочка и вполне заслуживает такого подарка».

Напомню, что Татьяна была дочерью врага народа.

Подобная помощь была в обычае. Помню чей-то день рождения (мамы или папы), на который Владислав Александрович и Нина Павловна принесли подарок – нечто, упакованное в несколько слоев. Это «что-то» оказалось баночкой от фотопленки,

в которой лежала довольно существенная сумма, сопоставимая с зарплатой отца. Был и комментарий «Не эстетично, но практично».

Я помню Марию Исааковну была маленькой сгорбленной старушкой, не часто выходившей из дома. Не помню, чтобы она была у нас на Канатке. А ее сестра Аделина Исааковна принимала самое активное участие нашей жизни. Это она отвела меня 1 сентября 1953 г. в первый класс. Это она купила мне первые лыжи в спортивном магазине, который находился в доме, где они жили (Солянка д. 1). «В нашем доме...» обычно говорила она, сравнивая какие-нибудь покупки.

После ареста Якова Петровича Марию Исааковну не выселили (что удивительно), но «уплотнили». У нее осталась одна комната. А Аделина Исааковна жила в той же квартире в крошечной каморке при кухне, предназначавшейся изначально для прислуги. Там была только кровать и столик со швейной машинкой.

Софья Назаровна обладала даром притягивать людей и дружить с ними. Подтверждением этого могут служить письма к ней Ольги Пахомовой – лучшей подруги рано умершей Евгении Розен.

22.07.1942:

«... Почти ежедневно, проезжая остановку “Фабрика Фрунзе” и глядя в сторону Канатки, я всегда так живо вспоминаю наши встречи с Вами, всегда радостные, так невольно мысль всегда стремится к Вам и кажется, что вот сейчас бы спрыгнуть с трамвая, побежать вниз, пробежать мимо пруда, вверх по порожкам и к Вам, обнять и поцеловать Вас, послушать Ваш всегда такой живой рассказ обо всем, почувствовать Ваше живое участие во всем...»

На днях мы ехали в трамвае вместе с Юрой и подъезжая к Фрунзе он вдруг сказал «знаешь, я всегда на этом месте вспоминаю Софью Назаровну, как жаль, что она уехала. Она не такой человек, чтобы ей можно было жить в провинции»...»

16.08.1942:

«... Как приятно и вместе с тем грустно мне было читать те строчки Вашего письма, где Вы пишете о Женечке. Ни с кем, ни

с кем я не могу так говорить о ней, как с Вами и теперь часть тоскую о том, что мне не с кем поговорить о ней... Никогда, никто не сможет мне заменить мою дорогую девочку, моего бесценного дружочка, близость с которой у меня была безграничной! Мы с ней были одним существом, с одними мыслями и желаниями, чувствовали друг друга без слов...»

О жизни в эвакуации можно судить по маминым письмам. См. главу 5 «Любовь Викторовна Михайлова».

Скончалась бабушка 11 ноября 1961 г.

В конце 20-х годов Софья Назаровна была членом общества друзей кремации. Это общество действовало с 1927 по 1930 г. Членство было платным (50 коп.), в 1929 г. общество насчитывало 2500 членов по всему СССР.

По ее распоряжению прах был развеян на одном из подмосковных водохранилищ.

Михаил Николаевич Розен-Санин

О том, как еврейский мальчик из Таганрога стал популярным столичным артистом, ничего не известно. Можно вообразить целую повесть на эту тему, но, увы, данных нет. А мы в свое время спросить у бабушки или отца не догадались.

В Энциклопедии Таганрога написано, что он учился в таганрогском городском училище и в Таганроге же начал свою сценическую деятельность. Уехал МН из Таганрога в 1893, т. е. в 16 лет.

До 1915 года Михаил Николаевич Розен-Санин играл в теат-

ре «Народный дом». У нас сохранилось несколько открыток с его изображениями в различных ролях. Такие открытки есть и в Бахрушинском музее.

Наверное, до этого были и другие театры, но мы об этом неизвестно.

Начало своей сценической работы МН относил к 1884 г. У нас есть несколько подтверждений этого.

В музее Бахрушина, судя по данным сайта goskatalog.ru, хранится фотография с подписью «Участники труппы Петербургского Народного дома на юбилее М.Н. Розен-Санина. Санкт-Петербург. Народный Дом». Там указана дата: 25 января 1909 г. Это отмечалось 15-летие работы МН в театре.

Юбилей М.Н. Розен-Санина

В Бахрушинском музее сохранилась программа юбилейного спектакля, который давался 12 февраля в 1914 г. в Василеостровском театре по случаю XX – летия сценической деятельности

МН. Этот театр, здание которого не сохранилось, был в 1906 году куплен Попечительством о народной трезвости, которое перенесло часть своих спектаклей Народного дома на Петербургской стороне.

Василеостровскій театръ

(В. О., Большой пр., 73, уголъ 25-й линіи).

Въ Среду, 12-го Февраля,

СОСТОИТСЯ

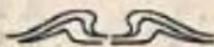
ЮБИЛЕЙНЫЙ СПЕКТАКЛЬ

XX-ТИ

лѣтіе сценической дѣятельности артиста

МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА

РОЗЕНЬ-САНИНА.

Цѣна 5 коп.

30-летний юбилей сценической деятельности МН отмечал уже при советской власти. Об этом свидетельствует заметка из газеты «Красное знамя» от 12 июня 1926 г. в которой сообщается о присвоении МН звания заслуженного артиста.

Юбилей артиста МГСПС Розен-Санина. мг

Наркомпросом по соглашению с ЦК рабис присвоено артисту театра им. МГСПС—М. Н. Розен-Санину звание заслуженного артиста. Розен Санин уроженец Таганрога, учился в местном городском училище. В нынешнем репертуаре театра МГСПС играет Александра II в „1881-й год“.

верховного резидента в „Саранче“, Победоносцева — в „Георгии Гапоне“, работника из центра—в „Шторме“.

30-летний юбилей своей артистической деятельности Розен-Санин будет праздновать в будущем зимнем сезоне.

В.

Тут интересна формулировка: «Наркомпросом по соглашению с ЦК рабис присвоено артисту театра МГСПС-М...». Демократия!

Приведем еще одну заметку из «Красного знамени», но уже от 20 марта 1929, в которой речь идет уже о 35-летнем юбилее:

Юбилей артиста-таганрожца

В Москве, в театре М. Г. С. П. С. отпразднован 35-тилетний юбилей работы на сцене артиста Н. М. Розен Санина. Тов. Розен-Санин-уроженец Таганрога. Здесь он учился и здесь он начинал свою сценическую деятельность. Печать отмечает юбилея, как вдумчивого, даровитого артиста и крупного художника на сцене одного из лучших театров, каким является в настоящее время театр МГСПС.

Эти вырезки сохранились в архиве таганрогской городской библиотеки, которая следила за жизненным путем выходцев из Таганрога, и любезно предоставила мне копии.

Театр «Народный дом»

Петербургский театр «Народный дом», где служил Михаил Николаевич, был ориентирован на демократическую публику. Задачей театра, находящегося в ведении Попечительства о народной трезвости, было отвлечение народа от пьянства путем использования театральных представлений.

В репертуаре было много подростковых спектаклей, инсценировок Жюль Верна, Гоголя («Вий», «Страшная месть») и т. п. Но ставили и классику: «Власть тьмы», «Разбойники», «Коварство и любовь», «Отелло» и «Гамлет», мольеровский «Дон Жуан», «Горькая судьбина»...

Упор делался на сценические эффекты, декорации, машинерию, пиротехнику.

А для интеллигенции были театр Комиссаржевской, Мариинка, Малый театр и вообще на дворе стоял «серебряный век».

Цитирую по книге «Петровская И.Ф., Сомина В.В. Театральный Петербург: Начало XVIII века – октябрь 1917 года: Обзор-путеводитель / Под общ. ред. И.Ф. Петровской. СПб., 1994. 448 с.»:

«Театры Народного дома... посещала демократическая публика всего города. Основа ее – “средние классы общества”: средняя интеллигенция, так называемая полунинтеллигенция, семьи средних и мелких чиновников, “жуирующая, но небогатая молодежь”. В его воскресной публике современники наблюдали студентов, солдат, офицеров, детей, “дам в эффектных шляпах” и массу “среднего обывателя”».

«Ядро драматической труппы составляли служившие в ней с самого начала Е.Н. Никитина, И.Н. Райдина, Н.С. Сахарова, И.И. Печорин, М.Н. Розен-Санин, А.П. Скарятин... Розен-Санин, пользовавшийся большим успехом у публики, критикой был неоднократно отмечен как актер интеллигентный, добивавшийся типичности созданных образов, способный раскрыть психологию играемого персонажа; в 1913 г. он был назначен одним из очередных режиссеров, в 1915 г. ушел из театра».

«Чрезвычайно популярны были постановки приключенческих пьес, роскошно обставленные. В постановке мелодрамы С. Н. Мельникова "80 тысяч верст под водой (Жизнь и страдания капитана Немо)" по Ж. Верну (1909) эффект движения создавала движущаяся панорама морского дна, шел бой с акулой, извергался вулкан, всходило солнце над полярными льдами. Передвигающаяся панорама использовалась и в постановках упомянутого "Вия", и инсценировки самого Алексеева "Странствующий рыцарь Дон Кихот, его подвиги и забавные приключения" (1910). Огромному успеху последней способствовали исполнители ролей благородного идадьго (Розен-Санин) и Санчо Пансы (В. Н. Альский)».

Народный домъ въ СПб.
Г. Розенъ-Санинъ („Дѣти кап. Гранта“).

Maison du Peuple à St-Petersbourg.
M. Rosen-Sanine. („Les Enfants du cap. Grant“).

М. Н. Розен-Санин в роли Паганеля в спектакле «Дети капитана Гранта»

У этого театра несчастливая судьба. В 1912 году к правому крылу Народного дома был пристроен Новый театр, именуемый также Народной аудиторией или Оперным залом, который сгорел буквально после открытия.

Потом правда, здание было восстановлено, но при советской власти сгорело снова, уже необратимо. Теперь на этом месте театр «Балтийский дом».

МН так описывает это событие в письме, написанном Софье Назаровне в январе 1912 г.:

«... Не ответил Вам до сих пор, т. к. ждал открытия нового большого театра, стоившего около 1,5 миллиона рублей. 4-го января у нас был молебен и дневной спектакль – 2 акта Жизни за царя и 1 акт “Севастополя” для почетных гостей, вечером 4-го же открыли театр для публики оперой “Жизнь за царя”, был переполненный театр. 5-го был у нас для всех служащих завтрак, а 6-го состоялось открытие... спектаклем “Севастополь”, сбор полный. Спектакль кончился ¼ первого ночи. Без четверти час мы ушли из театра, а в половине второго начался пожар и выгорела вся сцена дотла. Еще слава Богу, что зрительный зал остался...»

Народный дом императора Николая II

Привожу открытки с изображением Михаила Николаевича в различных ролях:

Адмирал Нахимов
«Севастополь»

Борлейф
«Марния Стюарт»

«Эсмеральда»

В это время он был женат на Люции Францевне Мерц. Отец говорил, что вообще-то она была фон Мерц, т. е. дворянского происхождения.

Чтобы вступить в брак им потребовалось принять православие, поэтому у МН другое отчество (Николаевич, а не Назарович, как у бабушки).

У них было двое детей: Женя (1898) и Марк (1903).

Судя по адресной книге Санкт-Петербурга за 1913 г., Розен-Санины жили на улице Гулярная 22. Ныне это улица Лизы Чайкиной. В адресной книге за 1917 г. Розен-Санин не числится.

Одним из способов поддержания популярности артистов тогда были открытки с их изображениями в различных ролях. Открытки выпускали такие звезды, как Шаляпин, Комиссаржевская, Собинов, Южин и т. д. Судя по открытке, адресованной СН и направленной 18.05.1908, первые открытки из предполагаемой серии касались ролей в спектаклях «Дети капитана Гранта» и «Эсмеральда». Он пишет: «Исполняю, как видишь, твою просьбу, моя сестренка, и посылаю тебе две роли из ветхозаветного репертуара твоего брата..., а выйдут еще – вышлем».

Гулярная 22 сегодня

Люция Францевна Мерц

НАРОДНЫЙ ДОМЪ

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

С Е Г О Д Н Я представлено будетъ:

У Т Р О М Ъ

В И Й

драматич. сказка въ 6-ти карт., изъ разсказа Н. В. Го-
голя, переделана для сцены Е. А. Шабельской.

Дѣйствующіи лица.

Панъ сотникъ	г. Розень-Санинь
Панночка, его дочь	г-жа Лаарева.
Сотничиха, вдова его брата	г-жа Прокофьева.
Графъ Скаржинскій	г. Чарскій.
Ванда сестры графа	г-жа Тамарина.
Ядвига	г-жа Стравинская.
Ректоръ, смотритель Киевск. бурсъ	г. Алески.
Богословъ Холява	г. Никольскій.
Философъ Хома Брутъ	бур- г. Скарятинъ.
Риторъ Тиберій Горобецъ	саки г. Назаровъ.
Янкель, жидъ-морчмаръ	г. Долинъ.
Хайка, его жена.	г-жа Мироничъ.
Явухъ	г. Никольскій.
Дорошъ старые казаки.	г. Ромашковъ
Спиридъ	г. Богдановъ.
Оверко казаки	г. Крыловъ.
Минкола, пастухъ	г. Марковъ.

Постановка А. Я. Алексѣева.

В Е Ч Е Р О М Ъ

ДЕМОНЪ

Опера въ 3 дѣйств., муз. А. Рубинштейна.

Дѣйствующіи лица:

Князь Гудаль	г. Ардовъ.
Тамара, его дочь.	г-жа Чарина.
Князь Синодаль, женихъ Тамары	г. Виттингъ.
Старый слуга князя Синодала	г. Куренбинъ.
Ниня Тамары	г-жа Каричъ.
Добрый гений (ангелъ)	г-жа Куткова.
Демонъ	г. Обуховъ.
Гонецъ князя	г. Чарскій.

Капельмейстеръ В. Б. Штонъ.

Режиссеръ М. С. Циммерманъ.

Начало въ 8 час. вечера.

Либретто см. на стр. 16.

Реклама спектакля «Вий» театра «Народный дом» в журнале «Обозрение театров» от 01 января 1909 года

Эти открытки сейчас продаются на коллекционерских сайтах. Самая популярная из них – приведенная выше открытка с Паганелем из «Детей капитана Гранта». На сайте Госкаталог.ру есть довольно много описаний таких открыток, хранящихся в разных музеях, но картинка не всегда прилагается к описанию.

Нашел воспоминания о спектакле «80 дней вокруг света» в книге «На арене старого цирка» Д.С. Альперова:

«Весною отец повел нас в Народный дом, чтобы показать нам пьесу “80 дней вокруг света”. По грандиозности постановки я никогда ничего подобного не видел ни в одном театре. В пьесе было 20 картин. Декорации и бутафория были изумительные. Надо было видеть, как сделаны бутафором итальянцем Кроче слон и ползущие по сцене змеи. Декорации менялись с необыкновенной быстротой.

Только погаснет свет, ты расстался с севером, на котором только что был, и переносишься в тропики, видишь обезьян, змей, слонов.

Из актеров я запомнил одного – ныне здравствующего заслуженного артиста Розен-Санина».

Пиар акции не ограничивались портретами. Привожу открытку, на которой изображена дача МН. Сам МН справа в верхнем ряду в белой рубашке.

Логично предположить, что в этой толпе (12 человек!) присутствуют жена МН Люция и дети. На снимке трое детей, одна из них девочка. Скорее всего дама с двумя детьми слева внизу – это Люция с Женей и Марком. Остальные – родственники и домочадцы.

На вид на снимке Марку 8–9 лет, тогда выходит, что снимок сделан примерно в 1911–13 гг. Тогда Михаил Николаевич был в расцвете сил (35 лет) и был на пике своей популярности. Отец говорил, что у МН была табакерка с инкрустацией, подаренная Николаем II. Она потом сгинула во время гражданской войны.

Эти дачи строились по типовым проектам. Поразительно, но сегодня сохранилась одна из дач поселка на станции Графская.

Сейчас она выглядит так:

Скорее всего до Гулярной улицы Семья Розен-Санина жила по другому адресу, ближе к театру. Семейная легенда, услышанная мною от дочери Михаила Николаевича Светланы Михайловны, гласит, что квартира была так близко к театру, что прислуга, услышав звук выстрела из театра, говорила «все, барина убили, пойду самовар ставить». Впрочем, это мог быть другой театр, не Народный дом.

После революции, а может быть и раньше, МН пробовал себя в режиссуре, создав труппу из бывших актеров Народного дома.

В Санкт-Петербургском государственном музее театрального и музыкального искусства» сохранились афиши этой труппы, выступавшей как Второй Петроградский районный театр. Год на афишах не указан, но написано уже по новой орфографии, т. е. уже в 1918 году или позже.

После революции МН работал в нескольких театрах (Ярославский театр им. Волкова (1917–1918), Вышний Волочек (1919), Краснодар (1920–1921)).

В Вышневолоцком драматическом театре по данным Госкаталог.ру было поставлено четыре спектакля: «Красный фонарь», «Отверженные», «Воровка детей» и «Сиротка Хася».

ГОСТЕАТР

20

ДЕНЬ РАБОТНИКОВ ИСКУССТВА

КОММУНИКАЦИЯ ВСЕХ АРТИСТИЧЕСКИХ СИЛ

ГРУППОЮ М. РОЗЕН-САНИНА

С И Р О Т К А
Х А С Я

ХАСЯ И ЕСЕНИ

ДИВЕРТИСМЕНТ
(КАБАРЕ)

ЧАСТУШКИ
ДЕКЛАМАЦИЯ
РАССКАЗЫ

КОМХОР
КУПЛЕТЫ
ПЕСНИ УЛИЦЫ
ЮМОРЕСКИ

ОРКЕСТР ДУХОВОЙ МУЗЫКИ
АРТИСТЫ В КОМПОЗИЦИИ И НА СЦЕНЕ

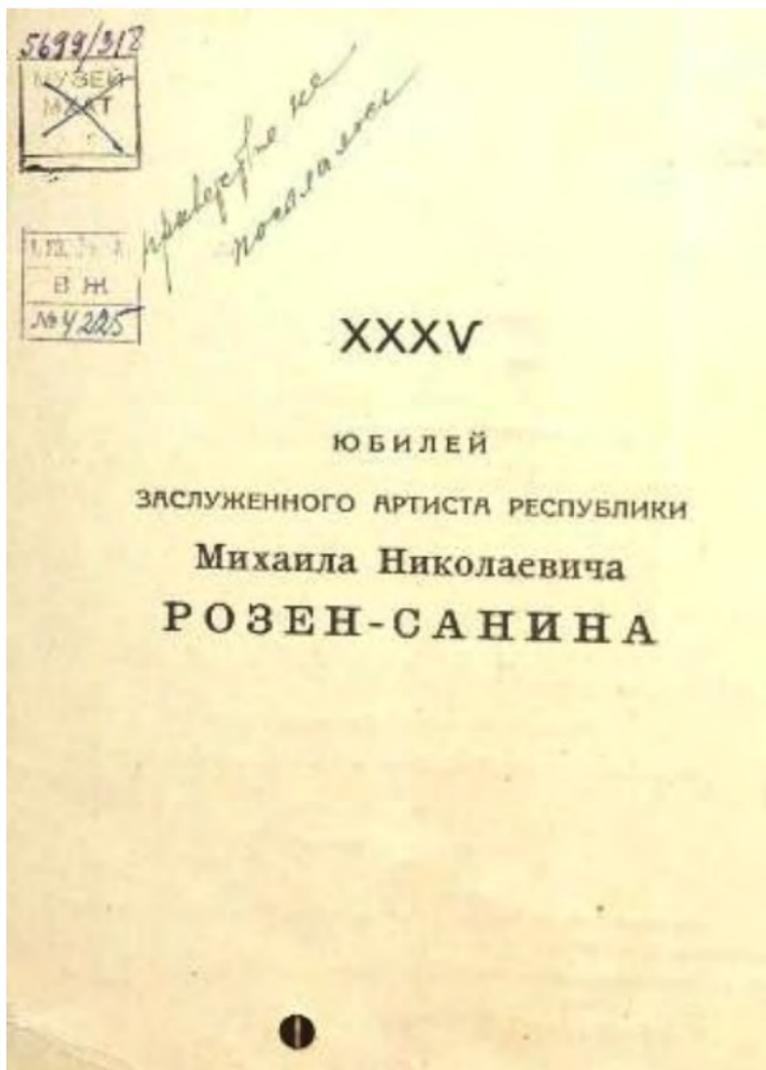
ВЫШНИЙ ВОЛОЧЕК

ВЫШНИЙ ВОЛОЧЕК

ВЫШНИЙ ВОЛОЧЕК

В Москве МН работал с 1920 г., сначала в театре «Эрмитаж» – есть упоминание об этом в журнале «Зрелища», он играет генерала в комедии Рышкова «Поярков и Ко».

В книге «Вся Москва» за 1925 г. он числится в составе основной труппы Театра МГСПС, в дальнейшем Театр им. Моссовета. В аналогичной книге за 1928 г. он уже заслуженный артист РФ.

В 1925 отмечали 35 лет сценической деятельности МН. Приглашение на юбилейный спектакль сохранилось в музее МХАТ

Дочь Михаила Николаевича Светлана Михайловна говорила, что Завадский предложил МН к 70-летию (в 1947 г.) на выбор звания Народного артиста РСФСР или Заслуженного деятеля искусств. Он выбрал второе. Почему – не знаю.

Из фото, относящихся к работе Михаила Николаевича в театре им. Моссовета, удалось найти только три.

Что за роль непонятно, на открытке можно разобрать только фамилию Розен-Санин. Год 1933

Салай Салтанович, «Последняя жертва» Островского. Год 1937–1938

В роли Победоносцева в спектакле «Георгий Гапон» театра им. МГСПС

Трудно, а скорее невозможно, перечислить все роли, сыгранные МН за более чем 60 лет. Неполный список ролей приводит сайт Кино-Театр.ру:

- Франц Моор («Разбойники» Ф. Шиллера)
- Шейлок («Венецианский купец» У. Шекспира)
- Лир («Король Лир» У. Шекспира)
- Паганель («Дети капитана Гранта» Ж. Верна)
- Кузовкин («Нахлебник» И.С. Тургенева)
- Плюшкин («Мёртвые души» Н. Гоголя)
- Борис Годунов («Смерть Ивана Грозного» А.К. Толстого)
- Ванюшин («Дети Ванюшина» С. Найдёнова)

- Чадов («Жизнь зовет» В. Билль-Белоцерковского)
- Тамерланов («Апшеронская ночь» Н. Никитина)
- Гневышев («Богатые невесты» А. Островского)
- Кесслер («Русский вопрос» К. Симонова)
- Захар Бардин («Враги» М. Горького)
- Ростовщик Бек («Свадьба Кречинского» А. Сухово-Кобылина)
- Старкуэтер («Кража» Дж. Лондона)

МН снимался и в кино:

- Королева лохмотьев 1915 г.
- Мисс Менд 1926 г.
- Марионетки 1933 г.

Актеры театра им. Моссовета. Среди сидящих Ю. Завадский и улыбающаяся Вера Марецкая. Дата снимка не указана, думаю, это конец 1940-х годов. МН (в центре во втором ряду) – самый возрастной из присутствующих.

Помню, что в последние годы он играл во втором составе. В первом его роли играл народный артист РСФСР Павел Иосифович Герага, который был моложе МН на 15 лет

Дома у нас МН называли «Дедушка дядя Миша». Он прожил долгую жизнь (год не дожил до 80) и был поглощен театром. Света считала, что смерть его ускорила гастрольная поездка в Ташкент летом 1956 г. Он мог отказаться по возрасту, но поехал.

Дети Михаила Николаевича

Евгения Михайловна Розен (1898–1937)

Чем занималась старшая дочь МН Евгения Михайловна не знаю. Знаю, что одно время она была замужем за актером И.И. Коваль-Самборским.

На фото Евгения Михайловна (слева) с ближайшей подругой – Ольгой (Лелей) Пахомовой

Леля Пахомова была почти членом семьи Розен-Саниных. МН она в письмах называет папой, Софью Назаровну – тетенькой.

Похоронена Евгения Михайловна на кладбище Донского крематория. Об это свидетельствует письмо Лели Пахомовой Софье Назаровне от 16.08.1942:

«...Когда Марк был у меня, то он меня очень удивил вопросом: “Ты, наверное, не ходишь в крематорий (имеется в виду кладбище при Донском крематории, ныне закрытом. – А.Т.), не такое теперь время и тебе не до этого?”, на что я ответила, что мне всегда “до этого” и никакое “такое время” не может меня отвлекать от этого».

Марк Михайлович Розен (1901–1981)

Марка помню хорошо, много раз видел его в доме МН. Он был крайне дружелюбен и внимателен к нам, своим племянникам.

На этом фото Марк со своей тетей (и моей бабушкой) Софьей Назаровной

Светлана Михайловна Розен (1926–2005)

В нашей семье очень любили Светлану – дочь Михаила Николаевича и его второй жены Антонины Сергеевны Шелковой. Вместе с Антониной Сергеевной она сохраняла артистический дух семьи до самой смерти Антонины Сергеевны.

Каждый приход Светы к нам был как праздник.

Она никогда не теряла присутствия духа, даже в самых трудных обстоятельствах, которых в конце жизни у нее было немало.

У меня есть несколько памятных мелочей, подаренных Светой: театральные очки, серебряный стаканчик, подаренный Михаилу Николаевичу Софьей Назаровной в 1907 г., и т. п.

В эвакуации театр Моссовета был в Алма-Ате. Света рассказывала, что в эвакуации они с подружкой Эмкой (будущей детской поэтессой Эммой Мошковской) мечтали, почему-то, о потолке Большого театра.

Отец говорил, что МН был домашний тиран и противился замужеству Светы.

В письме Ольги Пахомовой Софье Назаровне 06.01.1943 есть свидетельство того, что дома у МН не все благополучно, несмотря на получение им элитной, как сказали бы сегодня, квартиры:

«Удивило меня только очень то обстоятельство, что Света, не кончив учиться, не дотянув даже 9 класса поступила служить контролером на почту! Не понимаю, чем это было вызвано? Во всяком случае не нуждой же?!»

Светлана всю жизнь преподавала английский на физфаке МГУ. Видимо, подрабатывая переводами, она познакомилась с Глебом Кондратьевым, работником патентного ведомства, за которого вышла замуж в 40+ и в 1970 родила сына Бориса.

Светлана в Университете. 1973 г.

Пока Борис был маленький, все было хорошо. Когда он подрос, Глеб и Света формально развелись, чтобы Глеб, как участник (а возможно даже инвалид) войны, мог получить квартиру, которая в перспективе предполагалось передать Борису. Квартиру Глеб получил, но развод как-то незаметно для нас стал фактическим, Глеб переехал в эту квартиру и потихоньку выжил из ума.

К тому же он на смерть поссорился с взрослым уже Борей, который к этому времени женился и родил двух дочек. Света металась между ними, занимаясь одновременно двумя внуками. Думаю, конфликт Бориса с Глебом сократил годы ее жизни.

Второй брак Михаила Николаевича

После смерти Люции Федоровны в 1925 г. МН женился на **Антонине Сергеевне Шелковой** (1902–1991).

Семейное предание гласит, что ее мать Ольга Михайловна Шелковая была поклонницей Михаила Николаевича и именно она познакомила с ним свою дочь. Ольга Михайловна была против брака (25 лет разницы!), но Антонина преодолела мамино сопротивление.

Я немного могу написать об Антонине Сергеевне – хозяйке квартиры на улице Немировича-Данченко. Она всю жизни была домохозяйкой, но по сути и после смерти МН оставалась женой актера и светской дамой.

Она всегда была в курсе последних событий, прежде всего театральных. Помню, как она умела мгновенно найти нужный тон и предмет разговора.

Как выяснилось уже после ее смерти, в отрочестве она совершила немыслимое кругосветное путешествие с группой питерских детей. Эта история об этом вынесена в Приложение 1.

Родители Антонины Сергеевны

Антонина Сергеевна была дочерью питерского художника – мозаиста **Сергея Тимофеевича Шелкового**. В семье было трое детей, Антонина Сергеевна – младшая.

Сергей Тимофеевич Шелковъй

Ольга Михайловна Шелков ая

У Антонины Сергеевны был старший брат **Александр Сергеевич Шелковъй** 1898 г.р., умерший во время блокады. Он зафиксирован в Книге памяти «Блокада» В Питере он жил по адресу: Ленинград, Свердловский р-н, 17-я Линия В.О., д. 34, кв. 15. Он умер в феврале 1942 г.

Информация о СТ в интернете достаточно краткая (взято с сайта LeningradArt.com):

«Шелковъй Сергей Тимофеевич (1870 – после 1919)»

Живописец. Был вольнослушателем Академии художеств в 1903–1910 годах. В 1910 году получил звание художника за картину «**Арест митрополита Филиппа**». После 1917 года был делегатом ИЗО Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса). Участвовал в спасении памятников культуры, происходивших из дворянских усадеб и различных учреждений старой власти в Симбирской губернии.

Наиболее значимой работой С.Т. Шелкового за его творческую жизнь может считаться монументальное мозаичное полотно, выполненное по его эскизам и знакомое многим Ленинградцам – Петербуржцам и особенно жителям Петроградской стороны. Речь идет о панно на главном фасаде доходного дома герцога Н.Н. Лейхтенбергского по адресу Большая Зеленина 28. В создании этого панно помимо С.Т. Шелкового принимали участие архитектор Ф.Ф. фон Постельс и мозаичист В.А. Фролов. Само здание и украшающее его фасад панно выстроено в стиле модерн в 1904–1905 годах».

Сергей Тимофеевич Шелковый с детьми. Справа – Антонина, в центре – сын Александр

Андрей Тимофеевич Шелковъй

У Сергея Тимофеевича был брат Андрей, кадровый офицер. Сайт «Офицеры РИА» (ria1914.info) сообщает о нем следующее:

1909 – поручик 200-го пехотного резервного Ижорского полка.
1915 – штабс-капитан 200-го пехотного Кроншлотского полка
1915 – капитан 200-го пехотного Кроншлотского полка,

Ранен 30.07.1915

Ранен 05.08.1915

Награды:

- Орден Св. Анны IV-й степени с надписью «за храбрость»
- Орден Св. Анны II-й степени с мечами
- Орден Св. Станислава II-й степени с мечами

- Мечи и бант к имеющемуся ордену Св. Станислава III-й степени
- Орден Св. равноапостольного Князя Владимира IV-й степени с мечами и бантом

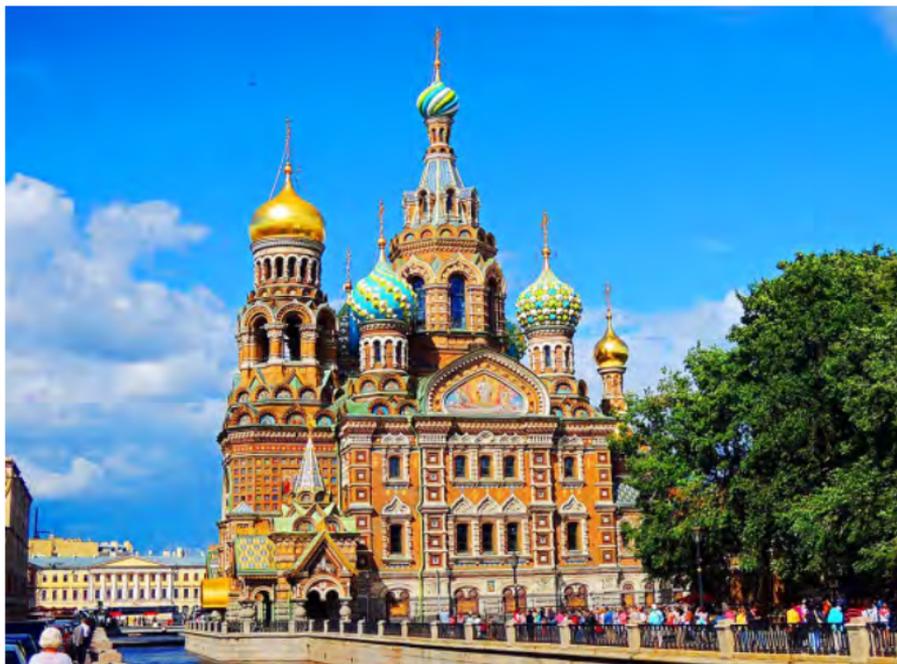
Судя по погонам на фото, Андрей Тимофеевич дослужился до подполковника. После 1915 года его следы теряются. Его нет ни в списках категории «Судьба после 1917 года», ни в списках участников Ледяного похода, ни в других доступных списках Белой армии: эмигрировавших, умерших, расстрелянных и пр. Нет его и в списках перешедших на службу в Красную армию.

С.Т. Шелковъй. Арест митрополита Филиппа

Сергей Тимофеевич Шелковъй работал со знаменитой мастерской братьев Фроловых, участвовавшей в мозаичном оформлении храма Спаса на крови в Санкт-Петербурге. Сам храм может не нравиться (как мне, например), но мозаичное оформление поражает. Там нет ни одной фрески или картины маслом – только мозаика.

Шелковъй, судя по энциклопедии Санкт-Петербурга (<http://encspb.ru/object/2804678709?lc=ru>), создал большой наружный образ Воскресения Христова для Храма ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА Всероссийского Александро-Невского братства трезвости в 1909 г.

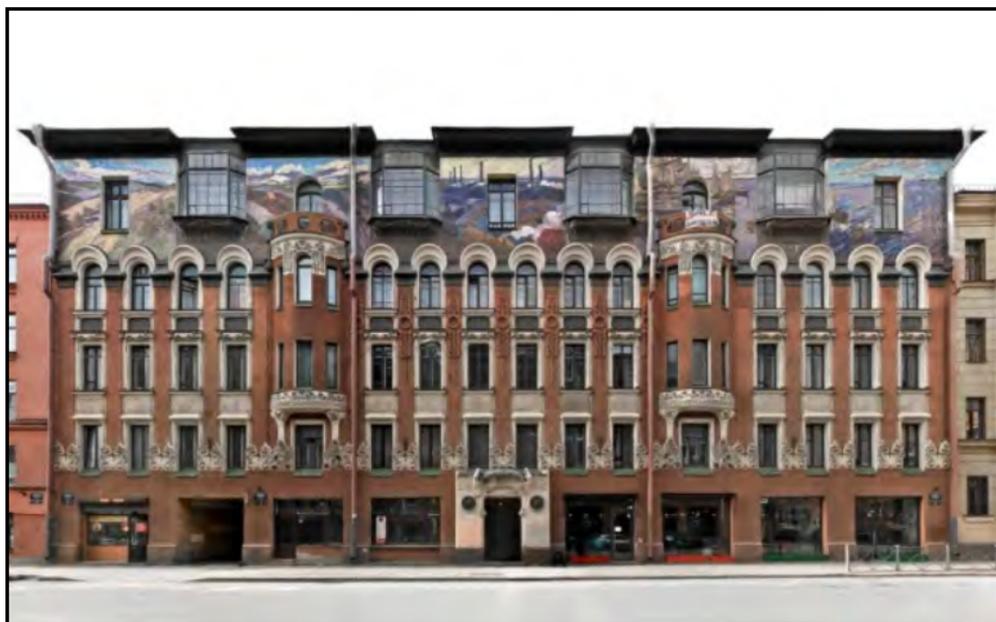

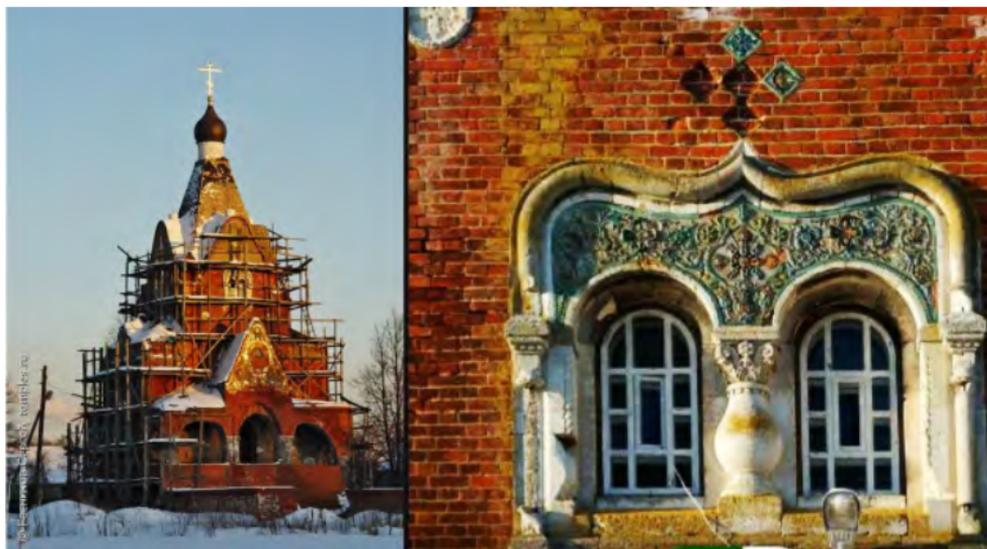
Большая часть работ Сергея Тимофеевича была выполнена для питерских церквей, которые до наших дней не дожили. Исключение – упомянутый выше Храм Воскресения Христова. При советской власти в храме был склад. Но этот наружный образ сохранился, он был над входом. При советской власти он был замазан. Это после реставрации:

Для дома герцога Лейхтенбергского было создано вполне светское панно, энциклопедия русской жизни: хлебопашцы пахнут, заводы работают, корабли плывут и т. д. Этот дом на Большой Зелениной улице сохранился и до сих пор является жилым.

Дом герцога Лейхтенбергского хорошо отснят питерским фотографом Олегом Колобовым (<https://olegkolobov.livejournal.com/107260.html>).

Около Сарова в деревне Ведина сохранилась также церковь Серафима Саровского, майоликовые панно на фасадах которой выполнены по эскизам Сергея Тимофеевича. При советской власти в храме, построенном в 1913 г., был склад.

С 2013 г. храм, получивший статус памятника федерального значения восстанавливается.

Нашел в Интернете несколько работ Сергея Тимофеевича.

В Пензенской областной картинной галерее хранится работа «Христовым именем», датированная 1917 г.

Судя по адресной книге Санкт-Петербурга 1917 г., Сергей Тимофеевич жил по адресу ВО, Средний проспект 17.

Во время Первой мировой войны он рисовал патриотические картинки и открытки:

Открытка «Попечение о семьях»

Демонстрация

В госпитале. Эта акварель продавалась 27 апреля 2019 г. на аукционе

Советскую власть СТ судя по всему принял, во всяком случае в 1919 году он работает в Симбирске в качестве уполномоченного Главархива и эмиссара Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса. Там он вместе с будущим первым директором всероссийского музея Пушкина на Мойке Михаилом Дмитриевичем Беляевым (1884–1955), занимался выявлением и организацией вывоза культурных ценностей из прифронтовой губернии в центральные хранилища Ленинграда и Москвы.

Портрет Беляева, написанный Сергеем Тимофеевичем в 1919 г. в Симбирске, хранится в музее-квартире Пушкина на Мойке. Это последняя известная мне работа Шелкового

Дом в деревне с ромашками. 1914 г.

Беляев организовал и возглавил Симбирский губернский архив, стал одним из основателей Симбирского художественного музея.

Осенью 1929 г. М.Д. Беляев был арестован по сфабрикованному ОГПУ «академическому делу» и в мае 1931 г. приговорен к десяти годам лагерей с конфискацией имущества. Отбывал срок в Соловецком лагере. О его освобождении хлопотал перед Сталиным художник М.В. Нестеров, дочь которого, Наталья Михайловна Нестерова (1903–2004), была первой женой М.Д. Беляева. Досрочно освобожден в феврале 1933 г. без права проживания до завершения срока приговора в двенадцати городах.

Полностью реабилитирован посмертно только 30 июня 1989 года.

Фотографировал, судя по всему, Марк Михайлович. Поэтому его нет на снимке. Слева направо: Ивсен Александр Карлович, жена Марка Михайловича Мария Михайловна, Софья Назаровна, Евгения Розен-Санина, Антонина Сергеевна Розен-Санина, Тартаковский Борис Григорьевич, Михаил Николаевич Розен-Санин

Семья Розен-Саниных была очень хлебосольной. Привожу фото, на котором изображены участники встречи нового 1937 года у них дома.

Мамы тут нет – они еще не знакомы с отцом. Двое из тех, кто присутствует на снимке, не доживут 1938 года. Большой террор не причем. Александр Карлович умрет от сердечного приступа, Женя – от рака.

После переезда в Москву Розен-Санины получили комнату в коммуналке в доме на Цветном бульваре напротив цирка. Возможно встреча нового года происходила в этой комнате

В дальнейшем МН получил квартиру в «Кооперативном товариществе МХАТа и театра им. Немирович-Данченко» – огромном актерском доме на улице Немировича-Данченко (ныне Глинищевский переулок 5/7), который сегодня увешен мемориальными досками. Собственно, внуки и правнуки МН живут там и сегодня.

Судя по данным Интернета, дом строился с 1935 по 1938 годы и Немирович-Данченко въехал туда одним из последних в 1938 г.

По поводу времени получения квартиры данные расходятся. Я думал всегда, что эту квартиру МН получил тоже в 1938 году. В то же время семейное предание гласит, что до МН в этой квартире жил Сергей Лемешев.

Однако судя по письму подруги Светланы Михайловны Ольги Пахомовой, отправленному Софье Назаровне 06.01.1943, квартира досталась МН в конце 1942 г., думаю, после возвращения театра из эвакуации. Мое предположение: сначала квартиру дали Лемешеву, а потом нашли ему более комфортный вариант и квартира досталась МН.

В письме Ольги Пахомовой сказано, что к квартире прилагался еще и, говоря сегодняшним языком, ВИП-сервис:

«...я получила письмо от Тонечки (Антонины Сергеевны, жены МН. – А.Т.), полное восторгов по поводу их нового устройства – новая квартира с электричеством и телефоном, мебелью и даже бельем и стиркою его, в центре города и готовое питание на троих. Да, папа (папой она называет МН – А.Т.) человек умелый и нигде не пропадет! Что ж, молодец! Семье за ним спокойно и уютно».

Надо сказать, совсем неплохо, если знать, что на дворе 1942 г.! Как жили другие члены семьи в 1942 г. см. в главе «Рюмшины».

Для сравнения могу привести еще пару цитат из писем Ляли Пахомовой. Письмо от 22.11.1942:

«Я теперь живу все время в Ленинской слободе, т. к. Лелин дом (Леля – старшая подруга Пахомовой – А.Т.) заморожен и пока его не собираются отапливать. В комнате 4 градуса смотря по погоде, то –2 – –4, то +1 или 2. Жить там совершенно невозможно и несмотря на то, что я достала железную печь, отогреть квартиру мы не можем из-за отсутствия дров. Здесь же с 01.09 топят и есть свет, так что Леля больше находится у меня... Нина (Нина Павловна Кондратюк – жена Владислава Александровича. – А.Т.) приезжает к нам по субботам отогреться, т. к. у них тоже не топят...

... В конторе, когда приходим утром, мороз. Недавно достали метра 2 дров и сами пилим и колем, и растапливаем сложенную

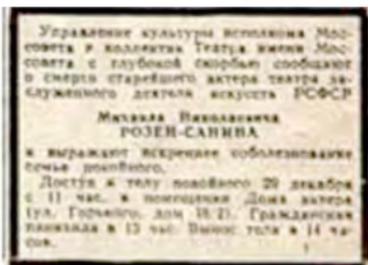
недавно кирпичную печку, так что вместо половины девятого, начинаем работать в 10 час, а в 5 часов уже все сматываются, каждый раз волнуясь, как кому удастся попасть на трамвай. Я не в силах ничего сделать, но с горечью констатирую, что продуктивность труда очень снизилась в связи с холодами».

Квартира на втором этаже, довольно нелепая: огромный холл, очень большая ванная комната, две небольших жилых комнаты, проходных к тому же, и еще одна нежилая – без окна. Антонина Сергеевна рассказывала, что соседом сверху был Немирович-Данченко.

На одной площадке с Михаилом Николаевичем жил Осип Наумович Абдулов, тоже актер театра им. Моссовета и отец Всеволода Абдулова. Собственно, это даже не площадка, а небольшой тамбур: направо дверь с табличкой «М.Н. Розен-Санин», налево – с табличкой «О.Н. Абдулов».

Я помню МН. Помню, что он, приходя к нам на какой-нибудь праздник, обычно день рождения бабушки, приносил большой торт в высокой коробке. При открытии коробки на торте оказывалась шоколадная фигура (кремль, заяц и т. п.). В более взрослом возрасте я догадался почему так было: булочная Филиппова была на Тверской в двух шагах от улицы Немировича-Данченко. А торт с кремлем был самым крутым.

Некролог Михаила Николаевича Розен-Санина в газете «Советская культура» от 29 декабря 1956 года и его могила на Ваганьковском кладбище

Давид Назарович Розен (1893—?)

О других членах семьи Розен известно значительно меньше. Давид Назарович был врачом в Ростове. В 1942 г., когда немцы подходили к городу, он бросил квартиру и с женой и дочкой перебрался в Махач-Калу. Там стал начальником эвакогоспиталя, был подполковником медицинской службы, после войны остался в Махач-Кале. Кандидат медицинских наук Награжден орденами.

Давид Назарович Розен с женой Женей и дочкой Таней

Генриэтта Назаровна Розен (?-?)

Сведений о ней почти нет. Сохранились поздравительная открытка и телеграмма от нее, направленные Софье Назаровне. Из них следует, что в конце 50-х и начале 60-х годов она жила в Таганроге.

Скорее всего, после того, как старшие дети Назария Марковича разъехались, Генриэтта осталась с родителями в Таганроге.

У Давида Назаровича был сын **Владимир Давидович Розен (1913–2002)**, отец упоминает его в воспоминаниях. Он был театральным актером и режиссером, работал в нескольких театрах. В 1952–1973 гг. работал в Харьковском Русском Драматическом театре им. Пушкина, сыграл 77 ведущих ролей, поставил 6 спектаклей.

Владимир Давидович Розен

Олег Маркович Розен (1932–2018)

Сын Марка Михайловича Олег Маркович стал известным геологом, доктором наук. Поскольку он вечно находился в экспедициях, мы с ним почти не общались. Контакт наладился только, когда он перестал ездить на полевые работы.

Олег работал буквально до последнего дня, но уже дома.

Я использую некоторые переданные им материалы.

Я ему периодически звонил, к сожалению, не слишком часто. В одном из разговоров он ёрни-

чал: «Ну что ты звонишь, тебя известят». Не известили.

Детей у него не было. Дальше – тишина.

Глава 3

БЕЛОВЫ

Родители Любви Васильевны Беловой

Беловы – это семья моей бабушки Любви Васильевны. Родилась Любовь Васильевна Белова (далее ЛВ) в 1893 г.

Мама говорила, что прабабушка Акулина Васильевна родилась крепостной. На самом деле родилась она в 1874 г., соответственно крепостной быть не могла. Значит ее мама была крепостной. Т. е. социальное происхождение такое: из низов.

О социальном происхождении ее мужа **Василия Устиновича Белова** информации больше.

Родился он в 1864 г.

Сохранилась «безрочная паспортная книжка», выданная Белову «взамен былой» Симоновским Волостным Правлением Алексинского уезда Тульской губернии № 707 1913 года Августа месяца 31 дня крестьянину с. Сумарокова.

Был неграмотным, о чем свидетельствует надпись на обороте этой фотографии.

На обороте указана и профессия: слесарь № 16.

В «безрочной паспортной книжке» указано:

Владелец книжки – Василий Устинович Белов.

Звание – крестьянин.

Время рождения или возраст – 49 лет Вероисповедование православный Род занятий – рабочий.

Состоит или состоял в браке – женат.

Отношение к отбыванию воинской повинности – *(стоит непонятная закорючка, означающая, скорее всего, что возраст вышел)* Документы, на основании которых выдана паспортная книжка – Ст. пасп. № 1233.

Если владелец книжки неграмотен, то его приметы:

Рост средний Цвет волос русый.

Особые приметы Н.

(подписи нет, т. е. он неграмотен).

Лица, внесенные в паспортную книжку, на основании ст. 9 и 10 положения о видах на жительство:

Жена Акулина Васильевна 39 лет, дочь Любовь Васильевна 19
Симоновский Волостной Старшина (подпись).

Волостной писарь *(подпись)*

Точной информации о том, где работал Василий Иустинович нет. Но есть косвенные. Сохранилось фото Акулины Васильевны, вырезанное из удостоверения личности № 59139. Это удостоверение на бланке с заголовком Московско-Курская, Нижегородская и Муромская железные дороги.

Снизу на фото надпись, где видно слово «слесарь». Скорее всего он работал на этой железной дороге в качестве слесаря, а Акулине Васильевне документ выдан как члену семьи.

Образование ЛВ

Семья ЛВ не слишком похожа на обеспеченную, однако 27 мая 1914 года она закончила Елизаветинскую женскую гимназию в Москве. Сохранился и диплом (свидетельство) – огромная бумага, если говорить современным языком, размером А3 или даже больше.

Диплом большой, но успехи средние. По закону Божьему пятерка, по рукоделию четверка. Остальное – тройки. Физика, французский, немецкий – промки.

Сдача экзаменов пришлось на весну 1914 г., когда у нее в разгаре был роман с моим будущим дедом Виктором Яковлевичем Михайловым. Подробнее история их женитьбы описана в главе 4.

В письмах Виктора Яковлевича к ЛВ есть многократные упоминания об этих экзаменах, например, в письме от 15 мая 1914 года упоминается о том, что ЛВ сдает экзамены, и что на тот момент осталось еще три экзамена. Однако об успешной сдаче экзаменов в переписке нет ни слова.

Не исключено, что три экзамена она провалила, либо просто не сдавала: физика, французский и немецкий и потому в аттестате прочерки.

Из переписки ВЯ с ЛВ довольно очевидно, что **не** их роман помешал сдать экзамены. Свидания происходили достаточно редко (он в Дмитрове, она в Москве), а на время экзаменов они вообще ввели мораторий на встречи.

Из письма 16.03.1914:

«Завтра я еду в Москву, но исполняя обещание, данное тебе, я и не подумаю заглянуть в Гороховский пер., место наших обычных свиданий (тут речь идет о Межевом институте. – А.Т.). До мая мы не увидимся с тобой... Да! До мая! Искреннее моё желание заключается в том, чтобы ты выдержала экзамен. Это хотя сколько-нибудь скрасит твою неприглядную, тяжелую жизнь. В мае же я приехал бы дня на 4, и мы 4 дня подряд с тобой стали бы видаться».

Немного странно, что гимназию она закачивает в 20 лет, возможно был перерыв в обучении – академотпуск или что-то в этом роде.

Судя по письмам ВЯ, обстановка дома у ЛВ тяжелая. В письмах ВЯ есть упоминания об этом, которые будут приведены ниже.

Похоже, Василий Иустинович страдал традиционной русской болезнью.

Михаил Васильевич Крюков

У ЛВ был старший брат – Михаил Васильевич Крюков. Он умер в 1944 г. в Москве.

Почему он Крюков, а не Белов, непонятно. Может быть, это был двоюродный брат, близкий к семье ЛВ.

Михаил Васильевич упоминается также в переписке ЛВ и ВЯ.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Выдано сіе отъ Педагогическаго Совѣта ЕЛИСАВЕТИНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ въ Москвѣ: *Бѣловой Любови*, дочери *Кремльмина*, вѣроисповѣданія *православнаго*, родившейся *15 авг. 1893* года, подвергавшейся испытаніямъ въ знаніи курса *чтмрскыя* классовъ женскихъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія въ *1913-1914* учебномъ году и оказавшей нижеслѣдующія познанія:

№ 287

Въ Законѣ Божіемъ	<i>удовлетворительный</i>	<i>5</i>
„ Русскомъ языкѣ	<i>удовлетворительный</i>	<i>3</i>
„ Математикѣ	<i>удовлетворительный</i>	<i>3</i>
„ Географіи	<i>удовлетворительный</i>	<i>3</i>
„ Естественной исторіи	<i>удовлетворительный</i>	<i>3</i>
„ Исторіи всеобщей и русской	<i>удовлетворительный</i>	<i>3</i>
„ Физикѣ	„	„
„ Французскомъ языкѣ	„	„
„ Нѣмецкомъ языкѣ	„	„
„ Рукодѣліи	<i>хороший</i>	<i>4</i>

Почему, на основаніи §§ 41—44 и 60, правилъ объ испытаніяхъ ученицъ гимназій и прогимназій Московскаго Учебнаго Округа 27 марта 1898 г., Педагогическій Совѣтъ ЕЛИСАВЕТИНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ опредѣлили въ засѣданіи своемъ *27 мая* 1914 года выдать ей, *Бѣловой* сіе свидѣтельство.

Председатель Педагогическаго Совѣта *Р. Смирновъ*

Н. Я. Начальница Гимназіи *Б. Павловъ*

Из письма Виктора Яковлевича в 1913 г.:

«Завтра я еду в те края, где работает Михаил Васильевич, завезу ему дрова на целый год и засвидетельствую ему от тебя колоссальное почтение».

Из письма 26.09.1913:

«Был, между прочим, у Михаила Васильевича: он похудел, как он говорит, да это сразу видно ...».

Из этого следует, что в 1913–1914 гг. работал Михаил Васильевич где-то в Дмитровском уезде. Есть фото, где он запечатлен с коллегами. Рукой моего дяди Валентина Петровича Рюмшина на фото нарисована стрелка, указывающая на МВ, и написано Михаил Васильевич Крюков. Т.е. он считал это важным.

Думаю, он был старше Петра Федоровича. В военной переписке он часто фигурирует как Дядя Миша.

Во время войны Крюков также находится в Москве, был в семейной орбите и принимал участие в ключевых событиях семейного масштаба: в сохранении вещей Рюмшиных после разборки их дома на заводе Карпова, а также сохранении вещей нашей семьи.

Он переписывался с Любовью Васильевной и другими членами семьи.

Из письма Любви Васильевне от 19.12.1941:

«Виктор Яковлевич. еще не уехал, я полагаю, он совсем не поедет в связи с новой обстановкой – отступлением неприятеля. Я получил письмо от Люси. Она пишет, что ее семье кушать»

Михаил Васильевич Крюков

там почти нечего, с собой она ничего не привезла из вещей и съедобного, там в ходу товарообмен. Каких-то вещи она просила В.Я. выслать ей на место, но до сих пор они не получили, она просит все это сделать меня, но я думаю этого не делать и полагаю быть на днях у В.Я. и с ним поговорить».

О его семейном положении информации нет. Ясно только, что в начале войны он был одинок, несколько раз говорится о его преклонном возрасте.

Во время войны МВ остался без работы, на неквалифицированную работу он не хотел, а по специальности не смог найти. Поэтому он жил по иждивенческой карточке. ПФ подкармливал его как мог, в письмах много упоминаний такого рода: «*Был Мих. Вас. Дал ему 100 рублей и картошки*».

Он же занимался переправкой вещей Рюминых в Шую.

Из письма Любви Васильевне от 05.04.1942:

«В частности, я пока сдал Тюленевым (для отправки в Шую. – А.Т.), эмалированный таз, спорки (не тальма) – отрезки, жилетки и прочую мелочь; тальма или отослана в Тюмень, или украли. Белый самовар отправлен был в Тюмень. Я Тюленевым сдал бабушкин самовар, он не имеет конфорки и шишек, но, по моему мнению, он лучше вылужен, чем ваш красивый самовар, тарелок глубоких нет, какие были отправлены в Тюмень. Относительно сервизных тарелок Люба не пишет. Я их не сдавал Тюленевым, а в магазинах дешевых нет есть по 71 руб. тарелка. Но эти вероятно от сервиза, также и чашки с блюдцами, также и чашки с блюдцами – 30 руб. за штуку. Мелкие тарелки и чашки с блюдцами я сдал Тюленевой. Заменить глубокие тарелки чем-нибудь подходящим пока не чем, т. к. подобная посуда отправлена в Тюмень. Вместо ведра посылаю детскую ванну, т. к. ведер нет, они также отправлены в Тюмень».

В этом же письме информирует Рюминых о текущих событиях и ценах:

«Могу вам сообщить, Викт. Яков. приехал из Казани и привез сына Игоря. Цены в Казани в полтора раза дешевле московских

и немного дешевле ваших. В Москве сейчас картошка 60 руб./кг, молоко 25 руб./литр, мясо 160 руб./кг, плохое, так что процветает мошенничество. В последние дни... бывают бомбардировки с тревогами, а так все спокойно»

Михаил Васильевич не поехал в эвакуацию, держался за Москву. Хотя мог, наверное, поехать в ту же Шую. Однако в Москве трудно пожилому найти работу, тем более по специальности.

Из письма от 11 мая 1942:

«Я пока что без работы: есть работа по своей специальности – которые имеют командировки в дальние места как Новосибирск, Сталин и пр. Но для таких дальних командировок и при настоящем положении дел я чувствую себя слабым физически, так как все эти командировки требуют усиленного питания, а такового ни в поездах, ни на месте не возьмешь. Но как я писал пробовал работать еще работать в качестве слесаря. Дней 8 работал, но они прогнали меня без особых уважительных причин; просто чувствуется, что имеется много безработных и делают желательный выбор работников».

К ПФ он приходил в начале каждой недели.

Из письма от 26.09.1942:

«С папой (так он называет ПФ в письме. – А.Т.) мы видимся каждую неделю, но говорить и беседовать долго не приходится. Он работает с 8 до 10 часов, не выходя с завода, связь на заводе с ним плохая. Телефона нет. Приходится улаживать на время, а это затрудняет его и меня. А вечером, как известно, Москва затемняется и трамваи ходят до 10 часов вечера».

Потом Михаил Васильевич обжег руку и не мог работать из-за этого. В сентябре жаловался, что ослаб, плохо ходит, не может подниматься по лестнице и т. п. Связывает свою немочь с возрастом, а не с питанием. Думаю, это он делает, чтобы успокоить близких, а, по сути, голодает.

Глава 4

В.Я. Михайлов и история его женитьбы

Виктор Яковлевич Михайлов (1895–1984)

Мой дед Виктор Яковлевич Михайлов (далее ВЯ) родился скорее всего в Дмитрове. Во всяком случае там он жил, когда познакомился с Любовью Васильевной.

О родителях ВЯ ничего не знаю. В письмах есть только упоминание о маме (Клавдии Семеновне) и позитивной обстановке в семье (по сравнению с тем, что происходило в доме Любови Васильевны).

В дневнике мамы тоже положительные отзывы о ней.

На Ваганьковском похоронена только Клавдия Семеновна. Где похоронен отец – Яков Никитич – неизвестно.

Предки ВЯ по словам мамы были из старообрядцев, носили фамилию Сухановы. За приверженность старой вере были лишены права носить фамилию. Сын носил фамилию по имени отца. Так, в детстве Виктор Яковлевич был Никитин, поскольку его отец звался Яков Никитич и соответственно носил фамилию Никитин

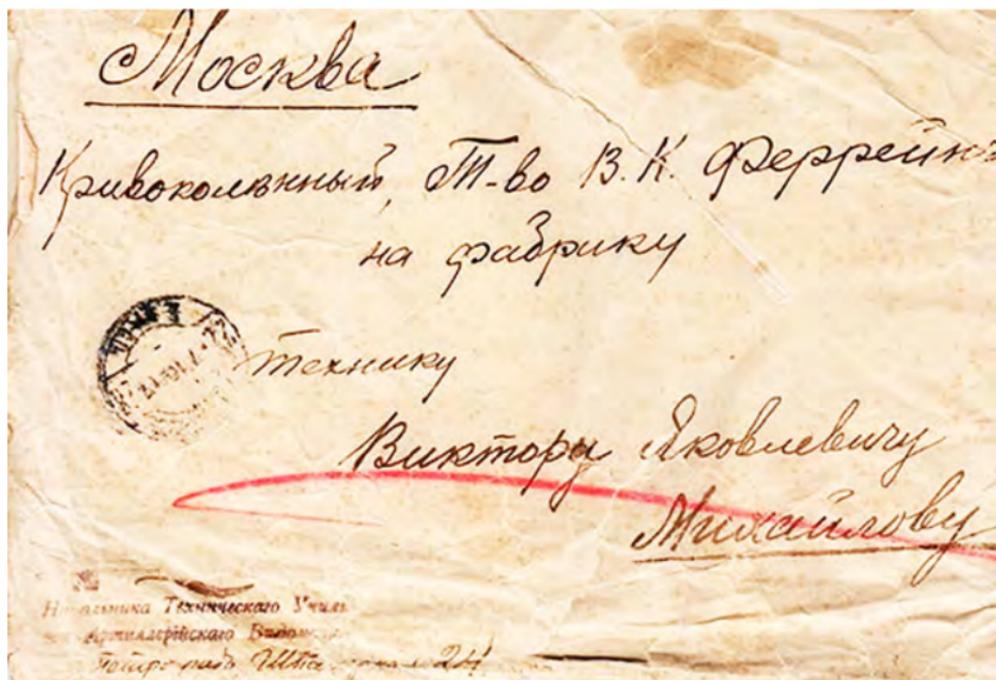
У меня была в детстве полученная от деда книжка про лошадку Гнедко, которой он был награжден за успехи в школе (реальном училище?). Награжден был Виктор Никитин.

Потом право носить фамилию вернули, но не прежнюю фамилию, а новую. Со слов мамы знаю, что пришел судебный исполнитель (она говорила – жандарм) и объявил, что запрет снимается, но фамилия будет теперь Михайлов. Наверное, принес какую-то бумагу про это. Думаю, это было незадолго до начала Первой мировой войны.

В переписке ВЯ с ЛВ есть свидетельство того, что в 1914 г. старая фамилия еще не была забыта. Одно из писем, которое он направил в 1914 г. на чужой адрес для передачи ЛВ, адресовано Михайлову-Никитину.

Письма ВЯ к ЛВ хранились в конверте с адресом: *Кривоколенный переулок, Т-во Феррейн на фабрику технику Виктору Яковлевичу Михайлову.*

Судя по печати на конверте, в котором хранились письма ВЯ к ЛВ, 08.10.1917 он занимал должность техника на фабрике Т-ва «Феррейн».

Думаю, что жили Михайловы в Волдынском – деревне около Дмитрова, сегодня эта местность находится в черте города. Это место многократно упоминается в письмах ВЯ к ЛВ, а в мамином дневнике есть целая страница, посвященная этому месту, из чего можно заключить, что мама в детстве там проводила много времени в обществе бабушки Клавдии Семеновны.

Из записи в мамином дневнике от 25.11.1930:

После отъезда тети Вари я часто вспоминаю милое Волдынское. С этими воспоминаниями у меня на бумагу просятся следующие строки, с которыми у меня всплывают ... картины.

*Опять встают передо мной
Все те же рощи и долины
И купол неба голубой,
И гроздь пышные сирени,
И берез столетних стройный ряд,
И их таинственные сени
О много сердцу говорят!
Волибный рой воспоминанья
Несется длинной чередой
И воскресают передо мной
Былые чувства и желанья.*

А какие чудные вечера бывали в Волдынском. Как прекрасны эти белоснежные церкви, освещенные заходом солнца, как прекрасна игра этих догорающих лучей на стеклах зданий. Постепенно спускается ночная мгла, опутывая все в черную пелену. И те кусты, которые были такой простой формы днем, теперь принимаю фантастические формы и на фоне этих фантастических фигур выступает как призрак высокий и тонкий – церковь с блестящим от освещения луны крестом. Водворяется мертвая тишина, прерываемая по временам отдаленным пением гуляющей молодежи на другом конце села. И опять все тихо. Луна, как верный стражник, смотрит на село, начинающее окутываться туманом.

*Еще разлит закат румяный
По потемневшим небесам,
Но над росистой поляной
Туман клубится здесь и там.*

*Темнеет день, ночные тени
Ложатся робко по земле
И, как печальные виденья,
Кусты рисуются во мне.*

*Закат погас... Воздушным флером
Как будто целый мир повит,
Лишь вдалеке кровавым взором
Огонь неведомый блестит.*

*И теперь это гнездо, с которым связано столько воспоминаний, разорено и едва ли когда-нибудь будет таким, как было.
Да, Волдынское, Волдынское!»*

К сожалению, автора этих стихов не нашел.

Сегодня для таких поэтических впечатлений нет никаких оснований. Храмы были разрушены еще в 20-е годы, сейчас все застроено новыми домами.

В юности ВЯ был страшно активен. Помимо работы умудрялся писать статьи в сельскохозяйственные журналы, выдвигался в орган местного самоуправления, имел абонемент в оперу и пр. Впрочем эту свою активность он сохранил на всю жизнь, сочетая преподавание в ВУЗе, научную работу, писание книг (написал 13 книг) и работу ответственного секретаря в журнале.

История женитьбы

Мы располагаем половиной переписки Виктора с Любочкой – теми письмами, которые писал Виктор.

Первое из них написано 04.08.1913. последнее – 08.04.1915 г.

На первом письме адрес: Ст. Икша, Гришинское молочное товарищество, д. Беклемишево Е. В-дию Любове Васильевне Беловой.

На последующих письмах московский адрес: Разгуляй, Добро-слободский пер. д. 24 кв. 3.

На этот адрес Виктор писал до тех пор, пока в октябре 1913 г. мама Любочки Акулина Васильевна не прочитала их, что вызвало скандал. Она не подозревала тогда, что будет тещей Виктора.

Из письма от 21.10.1913:

«После того, как я узнал, что все мои письма были прочитаны твоей мамой, у меня не поднимается рука писать тебе. Я думал, что мне сообщишь другой адрес, куда я мог бы писать тебе, а то ей – Богу не могу. Убедительно прошу тебя, моя дорогая, сообщи мне адрес, куда я мог бы тебе писать, т. к. писать тебе на дом после того прямо-таки не могу. Когда я буду в Москве, я сообщу тебе, и мы увидимся с тобой где-нибудь вне вашей квартиры. Меня беспокоило твое молчание, я прямо-таки не знал на что подумать. Когда получу твой адрес, лучше всего, если на почтовое отделение до востребования, то пришлю тогда большое письмо. Сейчас же органически не могу много писать. Убедительно прошу прятать, пожалуйста, дальше мои письма».

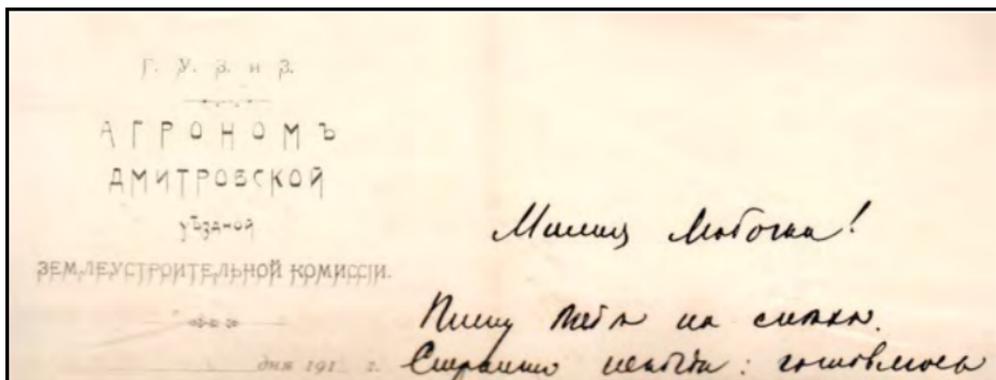
После этого он писал на почтовое отделение до востребования и просил Любу прятать письма подальше.

Из писем ясно, что познакомились они в Дмитрове, более того, Любочка раньше тоже там жила. Процитируем письмо от 12.01.1914:

«Ах, как было бы хорошо, если бы ты снова стала жить в Дмитрове (выделено мною. – А.Т.), тогда бы опять мы стали гулять с тобой в теплые летние ночи и наслаждаться нашей взаимной любовью».

Из других писем ясно также, что она знакома со многими Дмитровскими обитателями, упоминаемыми в письмах. Чем она занята, неясно, возможно, работала в Гришинском молочном товариществе, но тогда непонятно, как это сочетается с проживанием в Москве. Из переписки видно, что весной 1914 г. она сдавала экзамены, скорее всего – выпускные экзамены гимназии.

Виктор же, несмотря на юный возраст, служит агрономом Дмитровской уездной землеустроительной комиссии¹. Одно из писем написано на его служебном бланке.

Одно из писем к ЛВ написано на его служебном бланке. В 1913 ему было 18 лет

Логично предположить, что для того, чтобы занять такую должность, требуется специальное образование. Скорее всего после училища Виктор закончил какие-то курсы. В письмах есть упоминания о конкретных вопросах его деятельности.

Из письма 25.08.1913:

«А завтра я еду в уезд, и, вероятно, опять будет такая же погода, так что заводить агроному не приходится. Погода весьма неблагоприятная для путешествия, и ехать необходимо: в мое отсутствие приходили крестьяне... Появился какой-то вредитель, по-видимому, озимый червь, необходимо осмотреть и рекомендовать меры борьбы».

¹ Землеустроительные комиссии были созданы по указу Николая II для реализации аграрной реформы Столыпина. Одним из основных рычагов проведения реформы стали работы по землеустройству. В результате уничтожались многополосица (наделы некоторых крестьян ранее были разбиты на 100 и более полос), чересполосица с соседними владениями, а также дальнеземелье. Как видно из писем, в задачу Виктора входило, в частности, составление описаний крестьянских хозяйств.

Из письма 05.10.1913:

«Прости меня, милая Любочка, сегодня я быть у тебя никак не могу по следующим причинам, а именно я должен уехать в Дмитров в 7 часов вечера или даже ранее: **совершенно неотжиданно для себя подыскал быка** (выделено мною. – А.Т.) и необходимо сегодня в ночь послать нарочного, или, в крайнем случае, завтра утром известить крестьян о том, что бык куплен, и чтобы они поехали осматривать его вместе со мной сюда в Москву... Во вторник приеду, попытаюсь увидеться с тобою, хотя не знаю, выберу ли время, т. к. предполагаю приехать в Москву с крестьянами, да, кроме того, между 2 и 5 часами я должен быть в управлении Государственных имуществ для переговоров с Инспектором сельского хозяйства».

Из письма 23.12.1913:

«Несмотря на то, что я обещал тебе чаще писать, моя милая Любочка, тем не менее, раньше сегодняшнего дня не собрался написать тебе: прямо убит работой. С августа месяца я не представлял отчетные ведомости, получил за это нагоняй, и вот это все эти дни и строчил, кроме того, необходимо сделать кое-какие поправки в годовом отчете, но это уже отложу на первые дни святок. Затем необходимо весьма срочно предоставить в Департамент описание одного хозяйства, это буду делать завтра».

Однако, эти его деятельность не ограничивалась. Виктор пишет также статьи. Из письма 21.09.1913:

Сегодня весь день работал над своей рукописью, которую я готовлю к печати.

Из письма 26.09.1913:

«...по приезде из Москвы, начиная с понедельника я три дня ездил в уезд, да написал еще статью в журнал "В помощь хозяи-

ну»¹. На днях думаю писать еще одну статью. Надо же увеличить скромный бюджет Землеустроительного агронома

... Постараюсь как можно скорее закончить свою новую статью и тогда приеду в Москву затем, чтобы показать ее редактору».

Но этого мало. Виктор организует еще сельскохозяйственные чтения. Из письма 09.12.1913:

«В воскресенье тоже некогда приехать, т. к. у меня все воскресенья заняты – я сейчас устраиваю воскресные сельскохозяйственные чтения в деревне».

Эта деятельность, правда, закончилась неудачно: на первую лекцию пришли люди, на второй не было никого. Но честолюбие его было сильно задето. Из письма 16.02.1914:

«Я совсем забыл про тебя, моя милая славная Любочка! Больно скверное у меня было состояние, так что не хотелось браться за перо. Как же – мои лекции, по-видимому, потерпели полное фиаско. На вторую лекцию, которая предполагалась в среду на масленицу никто не пришел... Если бы ты знал, какая буря была в душе моей – ты не можешь себе и представить... Ужасно мертвое было состояние! Мне не столько было досадно на то, что не было публики, сколько жалко было потраченного времени. Ведь благодаря им я торчал почти неделю в Дмитрове и отказывал себе в удовольствии и видеть тебя, моя милая Любочка! Да, так было гадко, мерзко что я не могу описать тебе. Чем, собственно объясняется то обстоятельство, что публики на 2-й лекции не было – право не знаю, тем ли, что лекция была назначена на бесшабашное время на масленицу, когда бывает масса развлечений и увеселений, тем ли что Дмитровская публика ничем не интересуется, или тем, что тема была случайная или, наконец, в том, что я не могу заинтересовать публик, право не знаю».

¹ Сельскохозяйственный иллюстрированный журнал, выходивший в Москве 2 раза в месяц.

Третья лекционная попытка удалась, но не вполне.

Из письма от 25.02.1914:

«... в субботу опять была лекция моя, но на сей раз состоявшаяся. Народ был, но увы его все-таки было меньше, семи в первый раз. В конце концов я думаю их ликвидировать. Игра не стоит свеч! К ним нужно готовиться и убивать время. Лучше я его употребляю на что-нибудь другое».

Но и это не все. Виктор еще и баллотировался в гласные (по нашему – в депутаты) Дмитровской городской управы.

Из письма от 19.05.1914:

«Вчера я вздумал заделаться “отцом” города, сиречь баллотироваться в гласные городской управы. Меня, конечно, с почтением забаллотировали (получил 40 избирательных и 14 неизбирательных шаров). Я слышал, как говорил один из избирателей другому: “Ты, Гриша, за эту земскую сволочь не голосуй...”. Вот как обстоят дела».

Еще из общественной деятельности. 12.03.1914 Виктор сообщает Любочке о том, что его избрали действительным членом Московского об-ва Сельского Хозяйства. Видимо в ответном письме Любочка ехидно назвала его г-н Член, на что он обиженно ответил.

Из письма от 16.03.1914:

«К чему почти все письма предварять словами “Вы” и “Г. Член”. Я написал тебе об этом без всякой задней мысли тем более, что звание член общества сельского хозяйства – нельзя сказать, чтобы было слишком почетное. Членов общества около 1000 человек и попасть туда не так уж трудно, так что твои издевательства совершенно не уместны».

М.б. членство в Обществе сельского хозяйства не очень почетно, но скорее всего от этого общества Виктор принимает уча-

стие в Первом сельскохозяйственном съезде¹ в Киеве, который проходил в сентябре 1913 г.

В это время в Киеве проходит также Всероссийская сельскохозяйственная выставка², которую Виктор, разумеется, тоже посетил. Из письма от 05.09.1913 г.:

«...ежедневно бывал на выставке. Я был поражен успехом сельскохозяйственного машиностроения последнего времени. Впрочем, об этом много говорить не буду. Скажу, что выставка располагалась очень красиво, эффектно. Особенно хороша она опять-таки ночью, когда вся горит огнями, из павильонов особенно красно-зеленый павильон».

Виктор в восторге от Киева. В письмо с восторгами вложил открытку с видом католического собора св. Николая.

Свидания были редки, всегда проходили в Москве. Часто встреча назначалась около Межевого института. Из писем создается впечатление, что они много времени проводили на улице. Нет ни одного упоминания о совместном посещении театра или кино, что довольно странно, учитывая, что Виктор имел абонемент в театр Зимина и ходил на концерты. Впрочем, Любочка тоже, судя по письмам, бывала в опере.

Из письма 21.09.13:

«Между прочим, в моем абонементе идет не “Садко”, как я предполагал, а “Кармен”, которую ты видела».

Из письма 21.11.1913:

*«В четверг я уехал против желания в Дмитров и здесь выси-
дел 5 дней. Завтра думаю выйти: дело в том, что у меня на зав-*

¹ Съезд был посвящен реализации Столыпинской земельной реформы.

² Всероссийская сельскохозяйственная выставка работала с мая по сентябрь 1913 года. Павильоны были сооружены на месте бывшего Алексеевского парка. Выставка имела 24 отдела, которые представляли промышленность, сельское хозяйство, спортивную науку.

тра взял билет в Большой театр на “Дубровского” и следовало бы пойти, т. к. спектакль экстраординарный».

Из письма от 06.04.1914:

«За промежуток, в который я не писал тебе, был два раза в Москве, был, между прочим, в театре Зимина и слушал итальянского тенора – хороший голос, хотя Собинов, по моему мнению, все-таки лучше».

В этом смысле совсем странно выглядит такое приглашение на свидание (из письма, посланного из Киева в начале января 1914 г.):

«Милая Любочка, в Москву я приеду 8-го, если на этой неделе спектакль 5-го абонемент, то останусь до 10-го января (как я предполагаю он будет 10 января). Ты посмотри на афише: если есть 10-го спектакль 5-го абонемент, то приходи к театру и там мы увидимся. 8-го утром я уже приеду в Москву. Если я останусь в Москве, то можем увидеться, и 8-го на старом месте около Межевого института».

Получается, что главное – спектакль, а не свидание. Я бы обиделся на ее месте :)

Это свидание не состоялось.

Из письма от 12.01.1913:

«Прости меня, что я не остался в Москве это был оказывается не мой спектакль, поэтому я проехал прямо в Дмитров, т. е. страшно устал с дороги. В Москву я приеду в среду 15 января, тогда мы увидимся опять у Межевого института в 7 часов вечера».

В дальнейшем он все-же услышал «Травиату».

Из письма от 16.02.1914:

«... Поэтому я и не писал тебе так долго-то готовился к лекции, то был в растрепанных чувствах. Во всяком случае пожалей

Похоже, что Любочка была под жестким контролем мамы, которая, судя по всему, не только не слишком жаловала будущего зятя, но и была против этих редких свиданий. Т. е. свидания проходили в тайне от мамы. Обстановка дома у Любочки, судя по письмам, напряженная. Иногда она обращается к Виктору с явно с какими-то бытовыми затруднениями. Папаша, похоже, поддаёт и терроризирует семью.

См. например, письмо от 03.10.1913:

*«Моя милая, славная Любочка! Много писать не могу... Слишком взволнован... Письмо получил только сегодня. **Если бы получил его вчера, то тотчас же приехал бы**... (выделено мной – А.Т.). Я послал открытку, что приду 3-го или 4-го. Теперь я окончательно говорю, что приеду 3-го... на том месте встретимся, которое назначила в письме, между 5–6 часами вечера. Не знаю, дойдет ли это письмо. Во всяком случае завтра (3 октября) я буду на том месте, которое мне назначила в письме между 5 и 6 часами вечера. Убедительно прошу, ради Бога, успокойся, страшного ничего нет. Приеду, обсудим создавшееся положение и думаю, что найдем выход. Ради Бога, не волнуйся, убедительно прошу».*

Или письмо от 12.03.1914:

«... Скорблю всей душой о тебе, моя дорогая Любочка. Действительно, в какой ужасной обстановке тебе приходится жить и работать. Как твой отец? Продолжает по-прежнему или остановился? По отношению к нему у меня какое-то двойственное чувство: иногда мне бывает его невыразимо жалко, иногда же я ненавижу его всеми фибрами своей души, ненавижу потому, что тебе очень тяжело работать. Да, как резко отличается наша домашняя обстановка от той, в которой находишься ты.

Действительно это ужас».

Мне кажется, тут вполне понятно, о какой болезни отца идет речь. Дело у ВЯ всегда прежде всего.

Из письма от 26.09.1913:

«Мне бы очень хотелось увидеть тебя, но... положительно завален работой. За время моего отсутствия накопилась масса дел, как в уезде, так и в так и в канцелярии, к тому же необходимо произвести расчеты с московскими фирмами, на днях заседание Комиссии и Экономического совета, где мне нужно присутствовать. Равным образом, много дел и в уезде; по приезде из Москвы, начиная с понедельника я три дня ездил в уезд».

Из письма от 16.02.1914:

«Милая Любочка! 8-го и 14-го февраля я буду в Москве; меня вызывают на совещание. 18-го февраля совещание будет в 7 часов вечера, 19-го в час, назначенный самими сотрудниками; очень может быть, что совещание будет 19-го днем, тогда я вечером буду свободен и мы с тобой увидимся. Так вот приходи 19-го в среду к 7 часам к Межевому институту. Очень уж хочется мне тебя увидеть».

Вообще переписка с какого-то момента довольно нервная. Любочка не торопится отвечать, поэтому многие письма начинаются с упрёка: почему ты не пишешь?

Из разных писем:

«Что же ты мне ничего не пишешь, моя милая Люба! Ведь тебе скучно без моих писем. Ты постоянно мне писала, что письмо для тебя – праздник. Почему же ты думаешь, что твои письма для меня – будни? Твои письма для меня тоже праздник, поэтому ты должна мне писать чаще. Получить от тебя письмо – это значит, почти встретиться с тобой и поцеловать тебя».

«Люба! Голубушка моя! Что с тобой? Почему ничего не пишешь? Вот уже две недели с лишним, как от тебя нет письма... Все это время как дара я ждал твоего письма, все нет и нет. Неужели ты так занята, что нет времени написать даже открытку...»

«Вчера и сегодня я с нетерпением ждал письма от тебя, моя милая Любочка! А его все нет и нет... Я не сетую на это, потому что знаю, что ты занята сейчас и писать тебе некогда».

Впрочем, Виктор тоже часто начинает письмо с извинения, что давно не писал.

Слова «жених» и «невеста» звучат в переписке только однажды. Письмо от 19.05 1914:

«... Так страстно хочется видеть тебя, я не говорю уже о том, что мне хочется обнимать и целовать тебя. Этого блаженства должно быть долго не удастся испытать... Должно быть до тех пор, когда мы будем официально жених и невеста».

В письме от 16 июня 1914 заходит речь о знакомстве Любочки с мамой Виктора, оно же показывает его занятость:

«Приезжай, вообще говоря, лучше в будни нежели в праздники, т. к. в праздники мама занята, и ты не будешь иметь возможность познакомиться с нею, (выделено мной. – А.Т.) между прочим, 15-го (воскресенье) меня не будет дома, поеду на экскурсию с крестьянами. 16-го тоже не буду – повезу их в Москву (15-го буду в уезде) 18-го буду на городских выборах, так что дома меня тоже не будет. Вот эти три дня помни, и в них не приезжай; вообще же обязательно предупреди, когда приедешь. Я буду тебя дожидаться дома».

После этого все лето писем нет, соответственно нет и свиданий. Роман затихает. А в письме от 19. 09.1914 заходит речь о призыве в армию:

Быть может скоро меня возьмут на военную службу (по слухам будет еще (нрзб) пересмотр), и мне бы хотелось все-таки увидеться с тобой. Если есть желание видеть меня, сообщи в Дмитров, я назначу время и место встречи.

Неясно, было ли это свидание. Но 31.10.1914 Виктор получает от Любочки письмо, в котором она, видимо предлагает расставить точки над і и разобраться во взаимных чувствах.

Виктор тут же отвечает большим письмом, весьма в высоком стиле:

«Милая Люба! Только что получил твое письмо и тотчас же отвечаю на него. Прежде всего объясняю причину моего молчания. В твоей любви я искал упокоения моей измученной душе. Я не нашел его... Вместо радости я испытывал после последней встречи с тобой – мучение... Я не мог равнодушно смотреть на твое страдальческое измученное лицо. Оно еще больше растравило мои раны. Вместо радости жизни я испытывал скорбь... А сердце так просило радости, радости хотя маленькой. И эта радость не давалась мне... Из черных очей ее смотрело на меня неизбывное горе! В глазах твоих светилась любовь, но любовь скорбная, которая терзала мне сердце».

Не хочется приводить это письмо целиком. Откуда эта скорбь и мучение так и неясно. Он снова признается в любви, пишет, что летом у него был роман «с другой девицей». Но он разочаровался и любит только Любочку. Наконец, последнее письмо:

Москва 8.04.1915

«Люба!

Страшно хочется видеть тебя и говорить с тобой. Если любишь меня, приходи ко мне... Дай наглядеться на тебя! До сих пор не могу забыть тебя, моя милая дорогая!

Жду тебя завтра в четверг 9 апреля до 11 часов утра. Я останавливаюсь в комнате брата. В это время его обыкновенно нет. Итак, завтра в 11 утра жду».

На этом переписка обрывается, возможно последующие письма не сохранились. Другой возможный исход: Виктор перебирается в Москву и надобность в письмах отпала.

Кстати это единственное упоминание о брате ВЯ, о котором я ничего не знаю.

Призвали ВЯ в армию или нет, не знаю, никогда не слышал о том, что он служил. Возможно во избежание призыва он перешел на работу в «Феррейн», который (может быть – А.Т.) как оборонное предприятие давал, по-нашему говоря, бронь.

Так или иначе 02.02.1916 г. Виктор Яковлевич Михайлов и Любовь Васильевна Белова заключили брак, а 25.11.1916 роди-

лась Люся (моя мама Михайлова Любовь Викторовна). Сохранилась копия свидетельства о браке, выданная уже при советской власти 04.11.1940.

Новая семья жила на фармацевтическом заводе товарищества «Феррейн», где работал ВЯ. Этот завод после революции был переименован в «Завод имени Карпова».

В этом доме жили сотрудники завода и в том числе Виктор Яковлевич с Любовью Васильевной

В начале войны дом разобрали как пожароопасный. Валентин Петрович Рюмшин считал, что разобрали на дрова.

Думаю, и то, и другое верно.

Сейчас на месте этого дома большая автостоянка¹.

Когда Люсю принимали в комсомол и нужно было рассказать биографию, она так и сказала: «Я родилась на заводе Карпова». В зале это вызвало смех, т. к. тогда, в эпоху индустриализации,

¹ Среди огромного множества снимков старой Москвы, размещенных в интернете, мне не удалось найти снимка завода «Феррейн», есть только аптека на Никольской. Так что возможно это уникальный снимок.

Акулина Васильевна с Люсей. 1917 г.

выражение «родился на заводе» относилось обычно к продукции завода.

В этом доме Люся прожила до самого замужества.

Сначала – до 1926 г. – с Виктором Яковлевичем и Любовью Васильевной. А потом – до 1939 г. с Любовью Васильевной и Петром Федоровичем Рюминым.

Дальнейшая жизнь Виктора Яковлевича

После развода с Любовью Васильевной ВЯ ушел с завода. Интересно, что в поздравительной статье в «Журнале научной и прикладной фотографии и кинематографии» к 70-летию ВЯ работа на заводе им. Карпова вообще не упоминается. С 1928 г., как написано в этой статье, он работал в фотохимической промышленности.

После развода ВЯ женился (мама говорила – скоропалительно). Родился сын Игорь.

Мама говорила, что у этого сына были большие сложности в жизни, включая тюрьму, и ВЯ потратил на него гораздо больше сил и средств, чем на остальных детей и внуков.

О второй жене ВЯ ничего не знаю. С ней он также развелся еще до войны, и женился на Марии Александровне Гороховой (в семье ее потом называли Масандрой). Она тоже работала в НИИ геодезии. Насколько я знаю от мамы, она была лаборантом, во всяком случае занималась практической проявкой и фотографий, в т. ч. редких тогда – цветных. Но, возможно, занимала и какой-то пост. В мае 1946 года она одна, т. е. без ВЯ, ездила

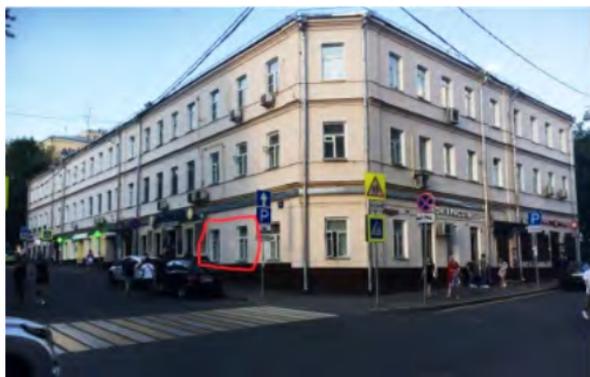
в командировку в Германию, об этом есть упоминание в маминых письмах Любови Васильевне. Вряд ли послали бы туда одного лаборанта.

Детей у них не было. Они удочерили племянницу или какую-то родственницу МА – Делю.

Сына Виктора Яковлевича Игоря я видел один раз в жизни на похоронах ВЯ. Он пришел пьяный, бузил, требовал от Дели денег (она была наследницей), лез в драку.

Жили ВЯ с Масандрой, во всяком случае во время войны и до 60-х годов в Малом Палашевском переулке, дом 2/8.

Этот дом цел, сегодня в этой квартиры кондитерская, до этого было ателье.

Обведены два окна комнаты ВЯ. Приходя в гости, вместо звонка стучали в окно

Это фото отца сделано в комнате ВЯ в 1943 г. Сздали банки тушенки, которые он им, видимо привез

В предисловии первой книжке ВЯ «Как делают лекарства» указан другой адрес для корреспонденции: Большой Палашевский переулок 5 кв. 8.

В войну ВЯ оставался в Москве, но выезжал в командировки. В частности, в Ташкент.

Бывали мы у него не часто, обычно в день рождения. В комнате висел большой вид Женевского озера (постер). Помню, что в этой комнате, когда в конце 50-х в Литгазете была опубликована анти-сталинская глава поэмы «За далью – даль» Твардовского («Так это было»), отец читал эту главу вслух.

Большого круга друзей у него, по-моему, не было. На днях рождения были всегда одни и те же лица, самым запоминающимся из них был Давид Вениаминович Свечарник – такой же как ВЯ трудоголик, автор десятка книг по электротехнике и любитель путешествий. Он заведовал кафедрой в Московском институте инженеров транспорта.

Помню рассказ Давида Вениаминовича о поездке в Кению и копьё масаев, которое он привез оттуда.

У ВЯ тоже была страсть – путешествия. Непонятно почему при такой профессии (аэрофото съемка) он был «выездным». Он побывал во многих странах, в том числе капиталистических, когда остальным это еще не снилось. Возможно, в каких-то поездках участвовал и Свечарник.

До войны основным направлением путешествий ВЯ был Кавказ. В какие-то из поездок они с Масандрой брали Люсю. Сохранились фото Люси в горах и на море, сделанные ВЯ.

Более того, ВЯ совершил восхождение на Эльбрус и сдал экзамен на альпиниста.

Из письма ВЯ маме, написанного скорее всего в 1935 году:

«Не повезло мне в этом году – паршивая погода, почти каждый день дождь. А плохая погода в горах – поганое дело; приходится сидеть в палатке и тоскливо сквозь полотно палатки глядеть на небо – не посветлеет ли. Все же я выбрал несколько хороших деньков, вернее небо сжалилось и допустило столько хорошей погоды, что я взошел на вершину Эльбруса. Восхождение капитальное, измучился я как собака, но все же долез. Помимо всего этого прошел всю альпинистскую теорию и практику. Вчера сдал экзамен на «хорошо» и теперь имею право носить значок альпиниста».

Летом 1939 года в связи с какими-то желудочными проблемами Люся была в санатории № 8 в Ессентуках.

Оттуда она пишет будущему мужу:

«Надо сказать, что все горы – Машук, Бештау не произвели на меня никакого впечатления. Ты, конечно, понимаешь почему – мы видели не такие виды!»

Люся на Кавказе

Виктор Яковлевич 1950-е годы

В 60-х годах география путешествий ВЯ расширилась, вплоть до Камчатки и они уже проходили без Люси. У них сложилась целая компания путешественников, куда входили и сводный брат отца Владислав Александрович Ивенсен с женой с Ниной Павловной. Обычно они строили маршрут, списывались с турбазами и ехали. И всё получалось без всякого Интернета.

Когда появилась обратимая пленка, в каждом путешествии снималось огромное кол-во слайдов и устраивались просмотры с подробными рассказами об увиденном.

Послужной список ВЯ с сайта «История геодезии»:

Михайлов, Виктор Яковлевич (25.04.1895, г. Москва – 1.02.1984).

Родился в семье служащего. В 1922 г. окончил химическое отделение Московского коммерческого института. В 1928 г. организовал Центральную научно-исследовательскую лабораторию «Фотохимтрест», на ее базе в 1931 г. образовался химико-фотографический сектор Всесоюзного научно-исследовательского кино-фото института (НИКФИ). С 1936 г. главный инженер главка «Союзфото», где под его непосредственным руководством были созданы первые отечественные фотопленки типа панхром.

В 1940–1983 гг. руководил научными исследованиями в ЦНИИ-ГАиК по обработке черно-белых, цветных и спектральных

пленок для целей аэрофотографирования. Член комиссии АН СССР по научной фотографии, многие годы ответственный секретарь и член редколлегии «Журнала научной и прикладной фотографии и кинематографии». С 1944 по 1969 гг. научно-исследовательскую работу успешно сочетал с педагогической деятельностью на аэрофотогеодезическом факультете МИИГАиК, с 1961 г. доктор технических наук, профессор. Автор более 150 публикаций, среди которых 10 монографий и 3 учебника.

Со слов ближайшего его друга Давида Вениаминовича Свечарника могу добавить, что после 1917 г. ВЯ был депутатом Моссовета 1-го созыва.

Кроме того, знаю, что в 1946 или 1947 г. он приезжал в Берлин (видимо по вопросам экспроприации немецкого химического оборудования).

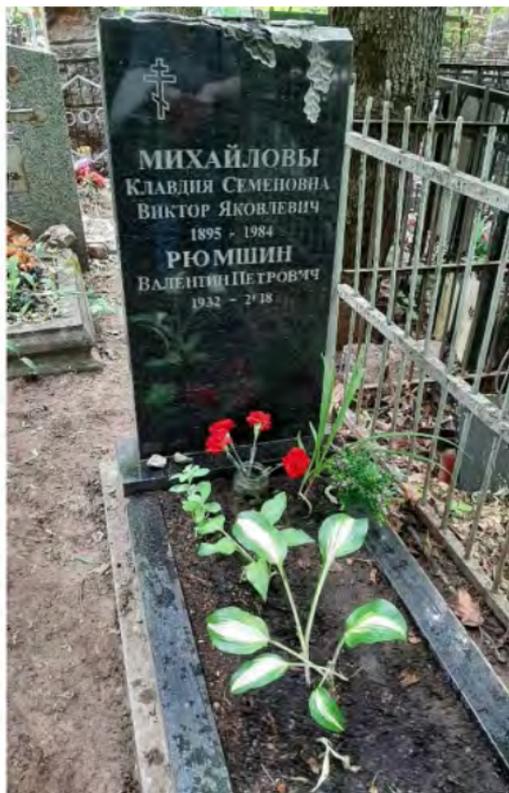
Сохранилось единственное фото, на котором запечатлены обе мои бабушки: Любовь Васильевна (в центре в очках) и Софья Назаровна (справа от нее).

Судя по всему, действие происходит в комнате ВЯ в Малом Палашевском. На стене, если приглядеться, висит портрет Масандры. Сама Масандра во втором ряду в центре. Люси и Бори здесь нет – они в Германии. Полагаю, что встреча организована Виктором Яковлевичем, чтобы отметить рождение внука, т. е. меня.

ВЯ и Масандра вообще были люди хлебосольные. На переднем плане – Валя, т. е. Валентин Петрович Рюмшин. Ему 14 лет. Фотографировал Виктор Яковлевич

Виктор Яковлевич умер 01.02.1984 в своей квартире на Сиреневом бульваре. Похоронен вместе с матерью Клавдией Семеновной на Ваганьковском кладбище. Рядом с ними похоронены Василий Иустинович и Акулина Васильевна Беловы и все Рюмшины, включая графиню Зинаиду Александровну Толстую (см. Приложение 2).

Глава 5

Любовь Викторовна Михайлова

Довоенная жизнь

В этой главе приведены сведения о маминой жизни, которые не вошли в отцовские мемуары.

Для начала выдержка из автобиографии, направленной в отдел кадров ТАСС при оформлении туда на работу после возвращения из эвакуации:

«Я родилась в Москве в ноябре 1916 г. 14-ти лет окончила неполную среднюю школу и поступила в Техникум иностранных языков на немецкий факультет. В 1935 г. окончила техникум в качестве преподавателя немецкого языка. В 1936 г. поступила на исторический факультет Московского государственного университета. Окончила в июне 1941 г. С августа 1941 г. работала в ТАСС в РИДЗ в фотосекторе в качестве секретаря-экспедитора. 17 октября 1941 г. эвакуировалась в г. Кировград Свердловской области. Там сначала работала на военном заводе № 4 в качестве браковщицы, затем с октября 1942 г. перешла работать в среднюю школу, где преподавала историю в старших классах. 10.09.1943 в связи с реорганизацией уволилась. 16.09.1943 приехала в Москву. Еще во время учебы в Университете в ноябре 1937 г. вступила в ВЛКСМ...

... В октябрьские дни 1941 года я, как многие москвичи, поддавалась панике. Не зная истинного положения дел, я поверила тому, что неприятель уже вошел в город, сожгла комсомольский билет и ушла пешком из города. Все это делалось в состоянии ужасной паники.

По прибытии в Кировград я довела до сведения горкома случившееся. После 5 месяцев проверки, в течение которых я работала при Горкоме, в апреле 1942 г. я снова была принята в члены ВЛКСМ...».

Люся в возрасте 13 лет (1929 год)

До нас дошел дневник, который мама вела с конца 1929 до начала 1931 г. Сам дневник 13 – летней школьницы большого интереса не представляет, он посвящен главным образом взаимоотношениям с одноклассниками. Кто в кого влюбился, кто кого ненавидит и т. п. Но из него видно, в частности, что она активно участвует в театральном кружке, например:

06.01.1930.

«... сегодня я выступала в пьесе “Чудо в сочельник”. Меня нагримировали худой 60-летней старухой. У меня была также, как у Дятлова, главная роль, но я боялась рассмеяться на сцене, так как на репетиции я все время смеялась. Когда меня гримировали, я не волновалась, но, когда очутилась перед морем глаз, я ужасно начала волноваться. Руки, в которых я делала вид, что держала иголку, так у меня тряслись, будто я кур воровала. Хуже всего то, что в середине действия у меня начала съезжать юбка. Она держалась на английской булавке, которая у меня растянулась. Заметив это Дятлов мне тихо сказал “юбку подбери, а то соскочит”. Я это давно заметила. Меня пугало то, что я должна была играть самое сильное место в пьесе и вдруг, пожалуйста. Юбка растянулась. Бедный артист не знаю, что бы сделал, но я без всякого стеснения спрятала руки под фартук и преспокойно застегнула юбку. Пьеса прошла благополучно. Только Кондрашева, играя сплетницу, очень много пропустила и самое главное пропустила. Я не ожидала, что сыграю хорошо. Но все зрители остались очень мною довольны. А особенно учитель по биологии, он был прямо в восторге».

Эти навыки потом пригодились ей в эвакуации, где ей все же пришлось поработать в школе. Там она тоже ставила спектакли, рассказывала нам, как они репетировали зимой, не снимая верхней одежды.

За почти полтора года, в течение которых она вела дневник, Люся видела несколько спектаклей:

18.12.1929 «Женитьба Фигаро».

25.01.1930 «Аида».

17.02.1930 «Вишневый сад».

03.03.1930 «Князь Игорь».

12.03 1930 «Кармен».

24.03.1930 «Человек, который смеется» во 2-м МХАТе.

18.04.1930 «Евгений Онегин» в Большом театре.

24.05.1930 Балет «Футболист» в Большом театре.

24.11.1930 «Три толстяка» в Художественном.

Кроме информации о спектаклях в дневнике можно найти и другие интересные вещи. Например, на заседании кружка «Безбожник» (запись от 13.12.1929), одну из одноклассниц «протащили за ношение креста». Мама пишет по этому поводу:

«Мне кажется, что это просто глупо: так как если человек снимет крест, то в душе он останется тоже верующий».

Интересна запись от 13.02.1930 о казенной школьной демократии:

«Сегодня из школы пришла в очень подавленном настроении: у нас в классе перевыбирали класском. Причем в кандидаты велели назначать одних рабочих и пионеров, а служащих не выбирать. Такое отношение к служащим на меня сильно действовало. Если б причины были уважительные, а то они совсем незначительные: чтобы сын или дочь служащего не могли проводить свою линию, мне кажется, что такие причины слушком глупы: ну как сын служащего может проводить свою линию, когда он все время среди ребят. Да и с какой стати я буду про-

водить эту линию. Но мне не важен был класском, а такое отношение очень важно. Выходит, что у нас одна часть класса натравливают на другую. Причем характерно, (что) сейчас полуса единогласия, даже в школе. Еще в канцелярии Галина Мироновна и человека 4 из 4-х групп назначили три человека и Зиньковскому велели их назначить и голосовать. Он их троих назначил, а Яковлев говорит: "Советую этот список, т. е. 3 человека, принять единогласно". Ну ребята, что им, ну давайте, что уж там и приняли единогласно. В список выбрали тихих ребят, из которых самое большое хороший один, а остальные дрянь».

Сохранилось несколько школьных фото. Это скорее всего после 4 класса. Мама в нижнем ряду в полосатом платье:

На этом фото нет даты. Скорее всего, это фото выпускного 7-го класса 45-й фабрично-заводской семилетки

В 1935 году мама закончила немецкий Техникум иностранных языков по специальности преподаватель немецкого языка. Этот техникум во многом определил ее судьбу – работу в ТАССе, поездку в Германию.

От мамы знаю, что, когда она закончила техникум, ее приглашали работать в НКВД. Она отказалась. Получив это предложение, зашла на работу к Виктору Яковлевичу, тот с ужасом спросил: «И ты согласилась?».

Немецкая педагогическая группа № 8. 1 курс техникума. Снято 28.07.1933. Мама с косой крайняя слева

Сохранилось несколько писем от маминых подруг, написанных в начале 30-х. По содержанию они не очень интересны, интересны конверты:

Яковлевичем. Привожу его письмо от 11.10.1935 из Казани, где он был в командировке. В письме много и другой интересной информации, поэтому привожу его целиком:

«Дочь моя дорогая!

Получил я твое язвительное послание и с удовольствием его прочитал. Непонятно только, почему ты в письмах обращаешь внимание на сторону количественную; почему писать надо много? Можно ведь мало, но хорошо. А моя здешняя жизнь не блещет событиями; или, верее, события есть, но они местного характера и широкого интереса не представляют, поэтому воспевать ее в длинных письмах не стоит. За все это время здесь произошло всего лишь одно крупное событие – запретили чистильщикам сапог чистить сапоги; дело это где-то в Москве разбирается, а пока я хожу с грязными ботинками. Я нарочно тебе привел этот факт, чтобы проиллюстрировать какая глухая провинция в этом столичном городе. Еще факт, заслуживающий внимания – я живу на главной улице; выхожу из дома рано – часов в шесть, и почти каждый раз вижу, как по этой главной улице идет с мычанием и блеянием большое стадо, – для столичного города факт примечательный. Для того, чтобы показать культурные достижения Казани могу тебе указать, что я, например, совершенно здесь бросил литературную работу, так как в Казани нет совершенно пригодной для писания бумаги; очевидно в центре решили, что у казанцев жизнь тихая, мирная и писать им нечего ...

... Относительно твоих мытарств по всяким богоугодным заведениям на предмет освобождения от педагогической деятельности можно лишь пожелать терпения и настойчивости. Рассуждаешь ты совершенно правильно, – здесь у тебя здравого смысла может признать любой совершенно взрослый человек.

Однако особенно на здравый смысл не напирай, и, если с горлом дело будет обстоять неважно, лучше бросай, не считаясь ни с какими богоугодными комиссиями; если же чувствуешь не очень не очень плохо, то (нрзб), пока от педагогической лямки не освободишься.

Хорошо, что ты поступаешь на курсы, ибо чем раньше поступишь, тем легче подготовиться. Ты только не пишишь, кого ты из себя решила сделать. Об этом, когда увидимся, по толкуем. Тебя целую, привет маме, бабушке и Петру Федоровичу».

В 1936 г. мама поступила на исторический факультет МГУ, который окончила в июне 1941 г.

Летом 1939 г. уже после знакомства с папой мама попала в Боткинскую больницу, а затем в санаторий из-за каких-то неполадков с желудком. Потом в июле ездила в санаторий № 8 в Ессентуках, откуда соответственно писала папе. Из письма папе от 01.07.1939:

«... Наконец я водворилась в санаторий. Эта дыра оказалась лучше, чем я предполагала. Санаторий находится в фруктовом саду. Очень много цветов: розы, лилии, каллы и т. д. Комнатка моя маленькая, беленькая, всего на 3 человек. Первое впечатление неплохое. Больше пока ничего не могу написать, т. к. у врача пока не была и с публикой незнакома. Какой-то старичок, который сидит сейчас напротив меня, решил почему-то поделиться со мной впечатлениями о местной публике: вы не можете себе представить, как фривольно ведет себя молодежь, это просто кошмар. И во всем виноваты сами женщины: вертятся, вольничают. А мужчине ли много надо? Раз... И пошел за ней. Так вы их разбаловали. Так что советую вам, барышня, подальше от них держаться. Представляешь какой моральный старичок, прямо беда. Упаси бог еще опекасть начнет!!»

Родители Люси по началу не слишком положительно отнеслись к ее предполагаемому замужеству. Как ни печально, причина – национальность отца. Мама говорила, что Виктор Яковлевич три года не разговаривал с ней после замужества. Это нашло отражение и в переписке мамы и отца. Из письма папе от 01.07.1939:

«... Мое прощание на вокзале, вероятно, произвело на моих родителей очень большое впечатление. Ну и пускай! Если не хотят верить, то может быть на них действуют факты?!»

Тут вспоминается история замужества самой Любви Васильевны (см. главу 4 «В.Я. Михайлов и история его женитьбы»).

Из другого письма из санатория сразу после приезда:

«...Врачиха оказалась энергичной, умной и весьма симпатичной. Роста я оказалась маленького – 162 (уже начала расти книзу), вес 54 кг 400 г. со всей требухой. Она долго мучила мой живот и нашла больные места в двенадцатиперстной кишке. Поэтому помимо Эссентуки 17 прописала нарзанные ванны и солюкс (за точность названия не ручаюсь). Вчера – второй, что означает самый обширный и широкий. Вообще разрешила есть почти все.

Посмотрим, как будет вести себя мой живот от всех этих процедур и эссентукской святой водицы. Кстати оказалось, что это такая гадость! Она воняет серой и железом и к тому же теплая – 36 градусов. Весьма неприятным является то обстоятельство, что ходить к этому... очень далеко, и я сегодня очень устала от этих прогулок. Самое замечательное в Эссентуках – это розы. Они крупные, самых разнообразных цветов и оттенков. Так обидно, что Софья Назаровна не может видеть их. Из-за них я бы согласилась раз в 2 года отдыхать в Эссентуках...»

Из письма папе от 11.07.1939:

«...Сегодня получила твое письмо и открытку и на душе стало как-то теплее, хотя сверху довольно свежо, т. к. опять начались дожди. Бештау все время покрыт тучами и только в промежутках между дождями показывает нам свою мрачную голову...

...Я тебе писала, что нашла здесь хороших девушек; но этого мало – я, можно сказать, нашла здесь хорошего «молочника». Это мой сосед, прямо золотая душа! Ему около 40 лет, и он печется обо мне как папаша. Благодаря ему подавальщица дает мне очень вкусные блюда, которые другим не попадают. Благодаря ему я в чай получаю по 2 булочки вместо одной. Прямо второй папаша. Его заслуга не только в этом, но также в том, что и в не обеденное время он ведет себя также – на курорте такое поведение большая заслуга.

Да и я сама веду себя тихо, скромно — сама удивляюсь с чего бы это. Вероятно, это от того, что я еще как следует не поправились.

О продлении путевки еще ничего не могу сказать. Врачиха моя еще ничего определенного не сказала, да и папка еще ничего не написал. Я его попросила выслать деньги, думаю числа 17–18 получу и ответ, и деньги. Мне очень хочется приехать к вам, но если мне удастся устроиться здесь (я собираюсь это сделать с одной девушкой), то я застряну в Эссен туках».

Сохранились вырезки, связанные с ее работой в качестве агитатора на выборах в Верховный совет 1938 г. из «Вечерней Москвы»:

„Разговоры от души“

Любовь Михайловна сидела, окруженная избирателями. В живой, интересной беседе рассказывала она о международном положении, о будущей войне.

Домохозяйка Матрена Максимовна энергично произнесла:

— В случае войны я первая пойду на защиту родины.

Ее поддержали. Незаметно начали говорить о средствах обороны, о той помощи, которую могут оказать домашние хозяйки в случае вражеского нападения. Так возникла мысль о создании кружка ПВХО.

Тов. Михайлова сумела найти подход к избирателям, сумела в простой и доходчивой форме рассказать им о сложнейших вопросах международной политики, о наших достижениях.

Однажды избирательница Коренева обратилась к Любе за разъяснением. После простого и ясного ответа она спросила Любу:

— Где вы учитесь?

Люба ответила:

— В университете.

— А кем будете?

— Не знаю. Возможно, научным работником, а может быть педагогом.

— Будьте лучше педагогом, — заключила Коренева, — вы уж как-то прямо от души говорите.

Научиться вот так, как Любовь, «прямо от души говорить», не мешало бы многим нашим агитаторам.

Тов. Михайлова работает среди избирателей квартир №№ 15 и 16 дома № 4/9 по улице Грановского недавно, всего полтора месяца. Но за это время ей удалось провести 11 интересных бесед по различным вопросам, организовать посещение нескольких лекций.

Хуже обстоит дело с антирелигиозной пропагандой.

— 19 апреля, — рассказывает тов. Михайлова, — я посвятила свое занятие вопросу происхождения расы и классовой сущности религии. В беседе было затронуто очень много вопросов, но не на все из них я могла хорошо ответить.

Из этой беседы Михайлова сделала вывод, что надо основательнее изучить вопрос происхождения религии.

Б. ЛЬВОВ.

Выборы происходят до заключения пакта Молотова-Риббентропа. Поэтому разговор с домохозяйкой идет о будущей войне.

79-й агитпункт Герценовского избирательного округа Москвы ведет активную работу среди избирателей. 89 агитаторов проводит беседы и собрания избирателей, посвященные выборам в Верховный Совет РСФСР. На фото: лучшие агитаторы 79-го агитпункта — студенты исторического факультета Московского государственного университета (слева направо): А. Д. Джанаридзе, М. И. Гнедин, Л. В. Михайлова и Н. С. Шери-Борисова.

Фото А. ГРИБОВСКОГО (Союзфото).

А это — из газеты «Московский университет» 5 мая 1938 г.

Канатчикова дача

До войны бабушка Софья Назаровна со своим вторым мужем Александром Карловичем Ивенсеном, его сыном Владиславом и мои родители занимали две смежных комнаты в коммунальной квартире жилого корпуса больницы им. Кащенко в просторечии именовавшейся «Канатчикова дача». На картинке обведены их окна. По довоенным нормам это было очень неплохо. В квартире было три «господских» комнаты, выходящих на сквер перед конторой больницы, и три комнаты для прислуги, которые, как и кухня, выходили во двор. До революции всю эту квартиру занимал больничный священник.

Жилой корпус Канатчиковой дачи в 2019 году

Александр Карлович занимал две из трех «господских» комнат. Ванной в квартире не было. Телефона тоже. Телефонные разговоры велись из телефонной будки, которая была у входа в «контору» больницы. Прежде чем идти звонить, из нашего окна можно было посмотреть, есть ли у будки очередь.

Кухня выходила во двор. Туда можно было попасть по «черному ходу» – массивной каменной лестнице. Сегодня в этой кухне, а может во всей квартире размещается приемное отделение, а из лестницы сделан въезд.

После смерти Александра Карловича в 1937 г. больница пыталась «уплотнить» Софью Назаровну, которая в больнице не работала, а «ведомственную», т. е. принадлежащую больнице, площадь занимала. Но до войны это не получилась.

Во время войны, когда СН с мамой эвакуировались, а отец был на фронте, в одну из комнат явочным порядком вселили семью доктора Евгения Иосифовича Бурно, а все вещи оттуда переместили в оставшуюся комнату. После войны Софья Назаровна не выдержала напора больницы и отдала одну из комнат (на картинке это правое окно). За это больница сделала из оставшейся большой комнаты две проходных. Общая площадь была 26 м.

Там мы и жили: родители, бабушка, мы с Сережей и домработница Маруся.

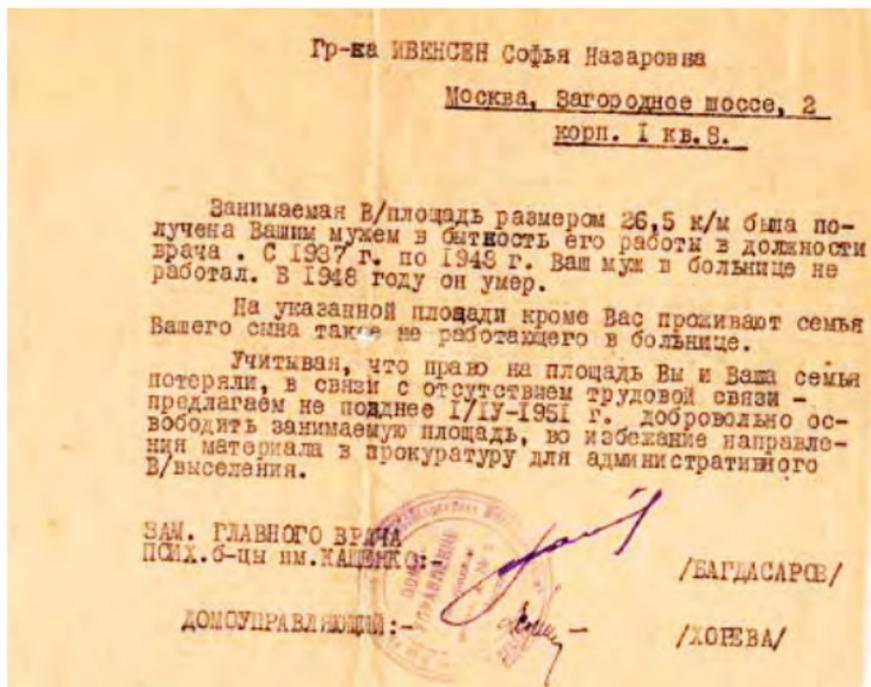
Единственным плюсом этого жилища были высокие потолки (3,5 м), которые позволяли разместить книги на подвесных полках, расположенных на всех пригодных для этого стенах.

Полки были открытыми, без стекол. Изготавливал их больничный умелец Алексей Михайлович. Для собраний сочинений бабушка оборачивала каждый том в цветную бумагу. Причем для каждого собрания была бумага своего цвета.

Кроме полок, книги хранились в сундуке, который стоял в прихожей. Сундук открывали не часто, но это было очень интересно.

После возвращения родителей в Москву попытки лишить их жилплощади не закончились.

Сохранился документ, предписывающий Софье Назаровне освободить и эту жилплощадь до 1 апреля 1951 г. Примечательно то, что подписан этот документ завхозом (зам. Главврача по административно-хозяйственной части) Тиграном Баласановичем Багдасаровым – нашим соседом по лестничной площадке и отцом Бори Шмелева, который стал ближайшим другом и партнером Сергея.

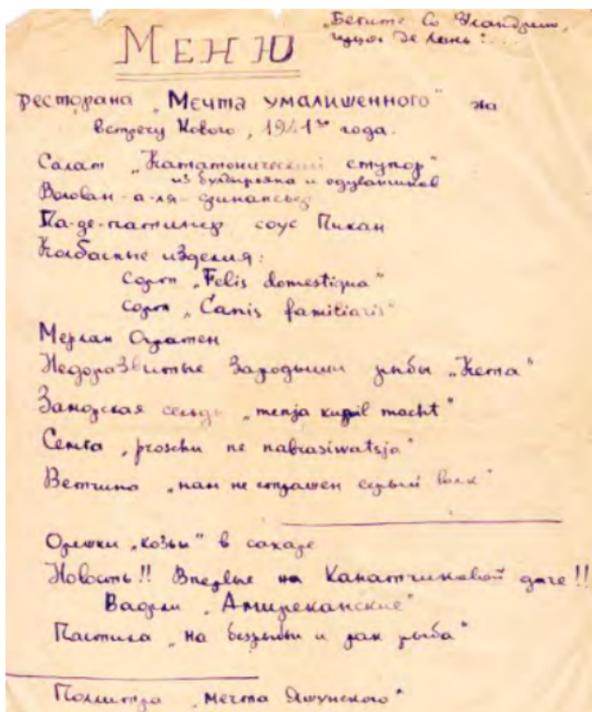

Однако комнату удалось сохранить. Отдельную квартиру в хрущевке в Марьиной роще отец получил только летом 1964 г., причем привезенные из Германии предметы мебели (шкаф, письменный стол, диван и обеденный стол) в эту разгороженную комнату как-то вмещались, но в «двушке» в пятиэтажке в Марьиной роще места им уже не нашлось, слишком габаритными они были. Пришлось продать.

Во время переезда я сдавал экзамены в институт и, чтобы не мешать процессу подготовки, жил несколько дней как раз в квартире Багдасаровых.

Жили на Канатке довольно весело. На моей памяти они умудрялись принимать на этой площади немалое количество гостей. Сохранилось, например, «Меню ресторана “Мечта умалишенного” на встречу нового 1941 года».

Я пока не нашел, откуда взялся эпиграф «Бегите во Фландрию, герцог де Линь...» и не знаю, зачем он тут вообще. Контекст утрачен. Возможно это цитата из Вертинского. Автор самого стихотворения – Лев Никулин, написано в 1913 г.

Салат «Кататонический ступор»
из бульдырьяна и одуванчиков
Волован а-ла финансьер
Соус пикан

Колбасные изделия:
Сорт *Felis domestica*
Сорт *Canis familiaris*

Мерлан Огратен
Недоразвитые зародыши рыбы
«кета»

Заморская сельдь *merja kupil macht*

Семга *prosim ne nabrasivatsja*
Ветчина «Нам не страшен серый
волк»

Орешки «кози» в сахаре

Новость!! Впервые
на Канатчиковой даче!!
Вафли «Американские»
Пастила «И на безрыбьи рак рыба»
Поллитра «Мечта Яшунского»

Как видим, с закуской было неплохо. Были икра и семга. Но к колбасным изделиям относились настороженно, названия сортов «Кошка домашняя» и «Собака обыкновенная» говорят сами за себя. Кроме того, из меню ясны фамилии двух участников встречи нового года, которые фигурируют в воспоминаниях отца: Якова Махта, который купил селедку, и Юрия Юшунского, который, видимо, любил выпить. Т. е. 41 год встречали в университетской компании.

Война и эвакуация

В октябре 1941 г. мама с бабушкой Софьей Назаровной эвакуировалась в г. Кировград Свердловской области. С ними была мама близжайшая подруга Татьяна Мексина. Сначала мама работала на каком-то военном заводе.

Писем этого периода сохранилось немного. Первое из них от послано Любове Васильевне. Из письма 15.07.1942:

«...Как ваш огород? Наша картошка уже цветет, морковки и репа подросли, отстают свекла и табак. Погода, наконец, установилась теплая, но дожди и грозы бывают очень часто, почти ежедневно. В лесах ужасно много земляники и черники, только ходить некогда. В нашей кировградской жизни скоро произойдут важные изменения.

Во-первых, у Таньки в школе мне предложили уроки в 8–9–10 классах, и я очень рада этим заняться, во-вторых, 10.07 мы неожиданно получили от Борьки телеграмму, что он выслал вызов в Дмитров.

Как он думает нас устроить не знаем. Ждем от него объяснительного письма и вызова. Но с выездами не будем спешить. Посмотрим, как (нрзб) события дальше».

Следующее письмо от 03.10.1942 адресовано тоже Любове Васильевне:

«Это письмо я пишу уже из Кировограда. После моей деревни Репино и города Ирбита, где люди ходят по колено в грязи (далее

несколько слов вычеркнуты цензурой. – А.Т.), Кировград мне показался культурнейшим, чистейшим и приятнейшим местом. Я готова была прыгать на одной ножке от радости и петь: “Как я рад, как я рад, вновь увидеть Кировград”. Ты получила уже, наверно, мое письмо, посланное из Ирбита. Не удивляйся тому, что оно грязное и расплывчатое. Оно прошло со мною и проехало сто километров, прежде чем попало в почтовый ящик. Ехало со мной на лошадях, шло пешком, попадало в снежный буран, перековыривалось вместе со мной и телегой вверх ногами и т. д. Домой я добиралась пять суток, и наконец, приехала.

Сегодня у меня было боевое крещение: давала первые уроки в 7–10 классах. Чувствовала себя очень спокойно. О качестве уроков не берусь судить. Могу сказать, что я допустила очень много ошибок, а со (оборвано) их еще больше найдешь. Интересно было в старших классах, а вот с малышами в 7 гораздо хуже. Они такие шумливые и противные, что у них и работать не хочется. Думаю, что это только в начале, а потом я их приучу к порядку. Танька довольна, что я стала ее коллегой.

От Бориса пока все время имеем письма. Он уже 15 дней был в боях. Пишет, что много пережил того, что что никогда не забудется, что он на всю жизнь возненавидел немцев после того, что пережил и видел своими глазами. В следующем письме я перепишу вам это письмо.

В последней открытке папа обещал приехать в командировку в Свердловск. Надеюсь, что он привезет часть вещей и книг».

Следующее письмо Любови Васильевне от 21.10.1942:

«...Вот заехала я в колхоз и никак не могу выехать. Народ здесь спешить не любит. Поэтому отъезд откладывается со дня на день, хотя я уже неделю назад получила телеграмму от директора школы с требованием немедленно прибыть на место работы.

Заработала я тут 56 трудодней, т. е. 42 кг муки, из них я 7 кг съела, но 35 кг привезу...

Купить здесь на деньги уже ничего нельзя... только на мену. Я ничего с собой не взяла, пришлось менять то, что было на мне:

синий сарафан, простыни и т. д. Черт с ними, с вещами, только бы выжить. Сейчас для меня главное добраться до железной дороги (г. Ирбит, 90 км отсюда). Поеду на лошадых и ... вместе со мной, в Ирбите опущу.

По дороге в колхоз я в Свердловске зашла в наш университет – он эвакуировался сюда из Ашхабада. Повидала знакомых ребят. Они мне советовали поступить в аспирантуру. Это бы и въезд в Москву облегчило, но я решила пока от этого отказаться. Жить одной в Свердловске очень голодно и трудно, кроме того, было бы неплохо, если б я пошла в аспирантуру после того, как годик поработала бы. А сейчас я имею эту возможность. В школе меня уже ждут, я включена в расписание. Танька пока заняла мои часы и работает 18 часов в сутки. Ее премировали (300 рублей) и занесли в книгу почета города. Вот это я понимаю!... она вся ушла в работу. От мужа писем нет уже больше года, а отец где-то сослан, еле живой работает и изредка им пишет (об отце Татьяны Мексиной см. главу “Розены”. – А.Т.). Ему еще несколько лет отбывать свой срок. Кто знает, вернется ли он живым. Я в восхищении перед Танькиной энергией и силой воли. Моя работа здесь очень много мне дала. Лучше я стала в людях разбираться, многое увидела, о чем раньше не знала, приобрела опыт работы с разными людьми. Посмотрим, что из меня получится на преподавательском поприще».

24.05.1943 мама пишет Любове Васильевне:

«Давно ли я сама тряслась и давала экзамены? А теперь сижу с умным и свирепым видом на экзаменах, выставяю оценки. Я сама не заметила, как превратилась в “пидагога”. По совместительству я же землекоп, ибо огородная эпопея в самом разгаре. И хотя мы собираемся отсюда “мотаться”, но на всякий случай огород сажаем. Как на грех заболела тетя Соня – банальный грипп. Но с ее характером, непослушанием и строптивостью трудно заставить ее лечиться. Поэтому грипп затянулся и вместо 2–3 дней длится уже ок. двух недель. При ее ослабленном и истощенном организме это опасная вещь, а она этого не хочет понимать. Одним словом, приходится с ней воевать».

Как ваши огородные дела? ... Папа мой тоже давно не писал, видимо тоже занят огородными делами. У нас большинство людей посадило картошку. Мы будем сажать, вероятно, завтра. Вздохнем с облегчением, когда все это будет позади.

29 мая у меня первый экзамен в 7 классе, а 7 июня выпускной в 10 классе. Опишу вам свои впечатления.

Затем нужно готовиться к выпускному вечеру в 10 классе. Придумали пьесу, теперь надо написать и поставить. Как видите, моя деятельность довольно разнообразна.

Боря последнее письмо датировал 06.04. Он все еще на Кубани. Немного устал от боев, но настроение бодрое».

Положение Любви Васильевны в Шуе было все же лучше, чем мамино в Кировграде. Она умудрялась даже посылать маме деньги. Из письма мамы Любви Васильевне от 03.07.1943:

«Дорогая мамуля!

1.1.1. Получили твои деньги, очень тебе благодарны. Но все-таки нам с тетей Соней (нрзб) сознание, что ты отрываешь от последнего, может быть, лишаешь себя необходимого. Но сейчас, к сожалению, мы не можем от этой помощи отказаться. (Далее насколько строк зачеркнуты цензурой, видимо описывается тяжелое положение эвакуированных. – А.Т.). Особенно сейчас. Когда хочется сделать какие-то запасы на зиму.

1 августа приехала из совхоза, все ребята и мы получили порядком овощей, поэтому ребята уехали оттуда очень довольные. С 3 августа мне еще дали отпуск на 13 дней. Так что могу отдыхать... »

В сентябре 1943 мама вернулась в Москву и восстановилась в ТАСС. А после войны отец вызвал ее в Берлин, куда он сам прибыл на службу в конце 1945 г.

Берлин

Сохранилось письмо Софьи Назаровны Любове Васильевне от 27.03.1946, написанное после прибытия мамы в Берлин:

«Дорогая моя сватьюшка!

Во первых строках моего письма поздравляю Вас с весточкой от Вашей единоутробной дочери. Слава и благодарение Господу Богу она приземлилась легко и быстро, я и сейчас в полном благополучии пребывает у зятьюшки Вашего Бориса сына Григорьева.

От каждого слова письма ее брызжет счастьем. Наконец-то она дождалась его, наша голубка! Очень хорошо, что первые две недели ей разрешили не работать – отдых был необходим. Борисок тоже вполне счастлив, что нам с Вами и требовалось доказать».

Интересны мамины впечатления о Берлине. Из письма мамы Любове Васильевне от 29.03.1946:

«... Немецкие кинокартины представляют собой обычные музыкальные сентиментальные картинки со счастливыми окончаниями. В них много музыки, песен, танцев. Смотреть приятно, но когда выходишь из кино, то тут же забываешь, что ты смотрел... они удивительно похожи друг на друга.

Вчера я впервые была в городской опере... Слушала премьеру (оперы) “Марта”. Этот театр по своему размеру и стилю напоминает театр Станиславского. У певцов немного лучше голоса, но в отношении декораций, постановки, то, конечно, ему далеко до театра Станиславского. Если бы у нас эту комическую оперу поставили так, как здесь, то ее бы раскритиковали в пух и прах и публика была бы недовольна. А здесь премьера прошла с огромным успехом...

... Нравится мне немецкая рациональность. Немцы, например, не любят вещи таскать на себе. Не преувеличивая, можно сказать, что в каждом доме имеется колясочка или тачка, на которой они возят свои вещи. На днях меня очень насмешило такое зрелище. Довольно молодая женщина везла домой хлеб, причем

всего две больших булки. Т. к. для двух булок тачку брать неудобно, то у нее было придумано такое сооружение: к обычному ребячьему самокату, который имеется у Вальки, вместо руля была приделана высокая палка с крючком, на которой подвешена сумка с булками. Таким образом эта достопочтенная фрау одновременно опиралась на эту палку и везла хлеб».

Взаимопомощь остается в центре переписки. Из письма мамы Любови Васильевне от 19.04.1946:

«... К сожалению, до сих пор не могу достать здесь крема, который помог бы мне удалить с рожки те пятна, которые на ней выступили. Может быть, папа (имеется в виду Петр Федорович, который работал на фармзаводе и был большим практиком в плане создания всяких препаратов. – А.Т.) сможет достать какой-нибудь рецепт и сделать что-либо? Я была бы счастлива, а то очень противно ходить с пестрой физиономией. ... К сожалению в этом месяце я не смогла осилить две посылки. Поэтому я послала тете Соне одну общую. Там я посылаю тебе готовое синее платье. Думаю, оно по размеру тебе подойдет, и туфли. Если они окажутся тебе велики, отдай их тете Соне, т. к. ей они тогда будут в пору...»

Из письма мамы от 23.07.1946

За последнее время я отправила тебе и тете Соне две посылочки с оказией и одну вчера – почтой. Одну тебе должна занести Лена Барменкова – кроме содержимого, которое вы поделите с тетей Соней, там имеется два письма – тебе и т. Соне.

Вторую я отправила на имя т. Сони, там вам по платью. Твое платье – вишневого цвета. Шила я его на глазок, т. к. твои размеры никуда не годятся и шить по ним нельзя. Пришли, пожалуйста полный размер, а не половинчатый, и для Валюшки тоже. Укажи размер талии, что ты забыла сделать. Боюсь, что оно тебе будет узко.

Посылку, отправленную почтой, тоже поделите, учитывая те замечания, которые я сделала в письме к тете Соне. Я ста-

раюсь послать больше, потому что в следующем месяце мне будет трудно этим заниматься.

Жизнь в Берлине была, пожалуй, самым счастливым периодом жизни моих родителей. И уж точно самым благополучным. У них была квартира, няня для ребенка, возможность ездить по Германии. Хозяйка квартиры готовила и к тому же шила.

В Москве их ждала перегороженная комната 26 кв. м. в коммуналке, где в одной части спали родители, а в другой четверо: бабушка, мы с Сергеем и еще Маруся – домработница.

До получения отдельной квартиры (двушки в пятиэтажке в Марьиной роще) после приезда в Москву в 1949 г. им оставалось ждать 13 лет.

Из письма мамы Любви Васильевне от 09.04.1946:

«...Работой меня не перегружают. И работать приходится в очень спокойных условиях: помещение, в котором мы должны работать, еще не оборудовано и поэтому работаю дома, тихо, спокойно. А затем свою работу отношу шефу, который живет через два дома от нас. Мое начальство производит очень приятное впечатление и это не только впечатление. Во-первых, он умный человек, а во-вторых, порядочный – не рвач, а это, как вы знаете, редко сочетание качеств. Его жена тоже очень приятная женщина ...

... У Бориса здесь тоже сложился круг товарищей, очень приятных людей, которые хорошо к нему относятся и часто у нас бывают.

Я постепенно приучаюсь к ведению хозяйства. Мне попалась очень приличная хозяйка. Во-первых, она честная, в этом мы с Борькой убедились, затем – внимательная, охотно все делает. И к тому же портниха ...

... Уже три недели, как я начала брать уроки по языку. Хотя язык восстанавливается здесь сам собой, думаю, что, если заниматься, дело пойдет бодрей».

Из письма Любви Васильевне от 13.05.1946:

На днях Борькин приятель достал нам радиоприемник. Для нас это был прямо праздник, а то мы были совсем отрезаны от

родины. А сейчас сидим и слушаем концерт Евы Бандровской. Скоро возьмем напрокат пианино, тогда совсем будет хорошо.

Пока я еще легко могу двигаться, мы стараемся осмотреть город и его окрестности. Были в Потсдаме в парке Сан-Суси, а в это воскресенье катались по озеру Ванзее. Окрестности очень красивые. Все эти поездки я переношу очень хорошо. А в будние дни, когда бывает много работы, ездим смотреть всякие заграничные картинки. Работать мне осталось всего полтора месяца, а затем буду отдыхать. В конце июля думаю уже отделаться... »

Дом, в котором жили БГ и ЛВ

За рабочим столом дома

Из маминых рассказов: она гуляла по улице со мной в коляске, видимо летом 1947 года. Надо сказать, что в тот момент я был кудрявым блондином. Проходящий мимо старик-немец прокомментировал: Ein echter Arier (настоящий ариец).

Из писем стало понятно, почему отец не был на Нюрнбергском процессе. Туда нужно было ехать в командировку и находиться в Нюрнберге до окончания процесса. А отец не мог оставить маму с маленьким ребенком.

Жили они на Hunsrückstrasse. Судя по современной карте, это совсем недалеко от Parkstrasse, где находилось Бюро информации, в котором работал отец. Как нынче говорят, «в шаговой доступности». И то и другое – недалеко от Вайсензее – красивого берлинского городского водоема. Сохранилось много снимков этого озера, особенно зимних.

В Тюрингши

В Германии отец занимался фотографией. У него была хорошая по тем временам камера Ехакта, причем со сменными объективами. В Бюро информации была профессиональная фотолаборатория и сотрудникам не нужно было (как мне потом на Канатчиковой даче) занавешивать окна и другими способами создавать затемнение для проявки и печати пленок.

В Бюро проводился конкурс, на который отец представил несколько своих работ. На одной из них есть отметка «Первая премия».

В разрушенном Дрездене

Замок в Вернигероде (1-я премия)

Концерт

Бюро информации СВАГ, в котором работал отец помещалось в здании бывшего районного суда на улице Паркштрассе. Это здание существует и сегодня, и там находится, разумеется, районный суд. Кабинет БГ был на втором этаже.

1946–1949

Сегодня

Вряд ли это вид из окна Бюро информации СВАГ. Но очень напоминает Семнадцать мгновений весны...

Нужно отметить, что в Берлине они немного утратили чувство суровой советской реальности. Отец рассказывал, что он привез оттуда несколько книг, связанных с историей фашизма. Он предполагал тогда, что будет продолжать работу в по новейшей истории Германии и эти издания могут ему пригодиться. Я помню только одно из названий – это «Миф XX века» Розенберга, одного из идеологов фашизма. Когда бабушка увидела эти книги, велела немедленно их выкинуть. Этого требовала суровая реальность.

Вернувшись в Москву, мама продолжила работу в иностранной редакции ТАСС. В 1954 г. там была какая-то реорганизация и ее сократили. Виктор Яковлевич устроил ее в «Журнал научной и прикладной фотографии и кинематографии». Конечно, это было ей не по специальности, но других вариантов не было. Потом, в начале 1957 г., когда создавался журнал «Новая и новейшая история», она перешла в этот журнал и работала там до 1966 г.

Попутно она занималась переводами с немецкого. Перевела 3 книжки. В те времена можно было, обладая таким переводческим багажом, вступить в Союз журналистов, что она и сделала. Не помню, правда, чтобы она пользовалась какими-то льготами, которые давало членство в Союзе.

Дальнейшие вехи:

- с 1966 работа в Институте международного рабочего движения.
- 1976 г. – защита кандидатской
- 1985 – выход на пенсию.

Глава 6

РЮМШИНЫ

Петр Федорович Рюмшин

Петр Федорович Рюмшин (далее ПФ) – отчим моей мамы, в его семье она воспитывалась, пока не вышла замуж, т. е. до 20 лет)

ПФ родился 4 июня 1883 г. О нем сохранилось больше всего документов, но при их чтении возникает больше всего вопросов.

Сохранились две стандартных автобиографии ПФ (это был обязательный документ при поступлении на работу наряду с анкетой). В одной местом рождения указан Борисоглебск, в другой – Москва. В обеих документах указано, что мать (Анна Антоновна Рюмшина) – работница кондитерской фабрики. Отец неизвестен.

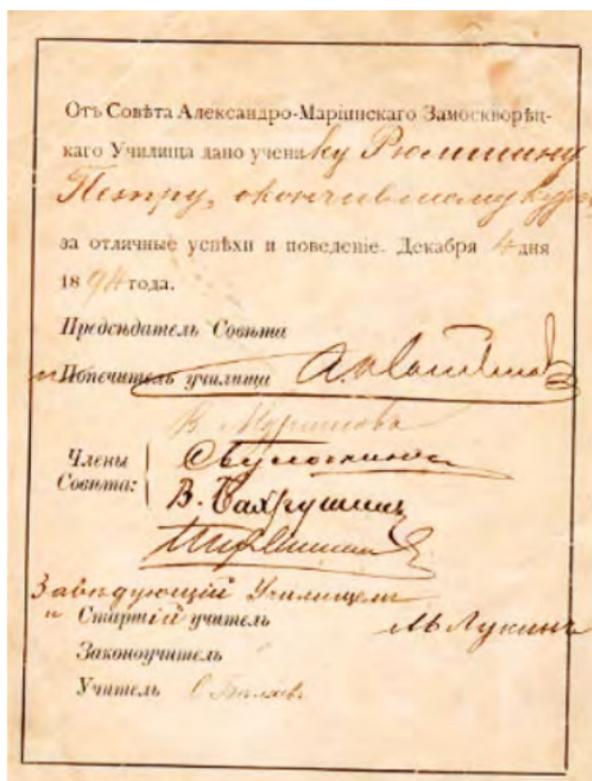
Начальное образование он получил в 3-х классном Александро-

ро-Мариинском Замоскворецком училище в 1891–1894 гг.

В это училище принимались дети не моложе семи с половиной лет беднейших родителей всех сословий. Обучение, завтраки и лечение в случае болезни были бесплатными. Училище пользовалось популярностью, учили хорошо. Выпускники без труда поступали в гимназии, коммерческие и реальные училища. В 1918 году училище было преобразовано в школу № 17 им. Бухарина, которую в свое время закончил отец.

Александро-Маринское Замоскворецкое училище

Школьная грамота Пети Рюмина

ПФ окончил Московскую гимназию в 1902 г. с серебряной медалью и поступил в Московский университет.

Еще будучи студентом, ПФ в 1904 г. женился на Спиридоновой Екатерине Михайловне.

Екатерина Михайловна была дочерью купца первой гильдии Михаила Никитича Спиридонова, занимавшегося торговлей бумажной пряжей. В «Справочной книге о лицах, получивших на 1887 г. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям по г. Москве» (она имеется в Национальной электронной библиотеке и доступна для просмотра в электронном виде) находим следующую информацию:

Спиридоновъ, Михаилъ Никитичъ, 42 лѣтъ, въ куп. сост. съ 1867 г. Жит. Рогож. ч., 1 уч., въ Алексѣевской ул., въ соб. д. Торг. бумажной пряжей подѣ фирмою «братья Спиридоновы». У него сыновья: Николай 9 л., Сергѣй 4 л., Петръ 2 лѣтъ. На городской службѣ не былъ.—2.

В аналогичной книге за 1902 год читаем:

Спиридоновъ, Михаилъ Никитичъ, 57 л., въ куп. сост. съ 1867 г. Жит. Пятницк. ч., 2 уч., на Лужницкой ул., въ соб. д. Торг. бумажн. пряжей подѣ фирмою «Братья Спиридоновы» въ Среднихъ торговыхъ рядахъ, № 50. Состоитъ почетнымъ старшиною Московскихъ Дѣтскихъ пріютовъ съ 1898 г. У него сыновья: Николай 23 л., Сергѣй 18 1/2 лѣтъ, Петръ 17 1/2 л., Пантелеймонъ 16 л., Михаилъ 15 л., Иванъ 8 л. 7 мѣс. и Александръ 6 л.—2.

Пятеро сыновей, но нет упоминания о дочери. Однако, судя по другим записям в этих книгах, дочерей купцы в эти записи не вносили.

В адресной книге Москвы за 1901 г. о нем имеется следующая информация:

«куп. Лужниковская, соб. дом, о-во Вспом. Нужд. Учен. 6 Гимн. Пряжа бумажн.»

Спиридоновы приглашали Анну Антоновну Рюмшину на свадьбы своих детей (Николая в 1902 г. и Михаила в 1905 г.) Сохранились приглашения, где местом венчания указала церковь Троицы, что в Лужниках на Лужнецкой улице. Недалеко от дома. К сожалению, приглашение на свадьбу ПФ не сохранилось, как и сама эта церковь.

Михаил Никитич фигурирует и в адресной книге Москвы за 1917 г. Видно дела шли неплохо. В этой книге такая информация: «Спиридонов Мих. Ник. Дурной 13. Директ. Правл. Т-ва Бр. М и С «Спиридоновых». Дурной переулок при советской власти стал Товарищеским, а дом этот существует поныне, но надстроен.

На сохранившемся конверте с приглашениями на свадьбы, адресованном

«Ея Высочествоблагородию Анне Антоновне Рюмшиной с фамилией» стоит такая анаграмма:

Это анаграмма МНС (Михаил Никитич Спиридонов).

Не исключено, что Петр Федорович присутствовал на этих свадьбах и составлял «фамилию» своей маме.

Такая же анаграмма, да еще с короной, размещена на тарелках и других разрозненных предметах сервиза, который достался нам от Валентина Петровича Рюмина.

Вывод: это приданое Екатерины Михайловны. Бабушка сервиз использовала, а Валентин Петрович – нет. Он держал сервиз в тайном встроенном шкафу, который находился за огромным шкафом на Лесной.

В 1904 г. ПФ был призван «к исполнению воинской повинности» как «имеющий право на чин XIV разряда» и «зачислен в ратники ополчения второго разряда».

Такие слова сегодня можно найти разве что в кроссвордах.
Сам факт не слишком интересный, но интересен сам документ.

Пр. сп № 172
т. 6

Дубликатъ

СВИДѢТЕЛЬСТВО

о явкѣ къ исполненію воинской повинности.

Рюминовъ Петръ Федоровичъ
имѣющій право на классъ XIV класса

являлся къ исполненію воинской повинности при призывѣ 1904 года
и зачисленъ въ ратники ополченія второго разряда.

Выдано Московскимъ Городскимъ по воинской повинности При-
сутствіемъ 1904 года Ноября 2 дня за № 172 свид.

Подписаны подписанными
Председатель Присутствія

Членъ Присутствія

1907 года (Июля) 3^ю дня, Московскимъ Го-
родскимъ по воинской повинности Присутствіемъ вы-
данъ настоящій дубликатъ Петру Федоровичу Рюми-
нову взаменъ утраченнаго имъ подлиннаго сви-
дѣтельства, выданнаго Присутствіемъ Ноября 2 дня
1904 года за № 172-мъ.

ПЕЧАТЬ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРИСУТСТВІЯ

Воин. Пр. Зак. № 23

М. д. Д. М. Производителя В. Кудрявцевъ 3163-3

Университеты ПФ

ПФ закончил Гейдельбергский и Московский университеты.

Я не исключал сначала, глядя на успешную образовательную карьеру ПФ, что имя его отца на самом деле известно, и он помог сыну получить образование, в том числе заграничное. Потом стал думать, что это была ошибка.

Александро-Мариинское Замоскворецкое училище было ориентировано на неимущих, он мог туда попасть именно в этом качестве.

В гимназиях тогда были подготовительные классы. Но после этого училища в гимназию брали без подготовительного класса. Т.е. толковый парень мог туда поступить.

Относительно Гейдельберга, я тоже думал, что помог тесть, потом нашел письмо отца Екатерины Михайловны молодой чете, привожу выдержки, сохраняя орфографию и пунктуацию:

«Благодарю Бога, что Бог привел меня устроить и тебя Катя, последнее дитя моей первой жены, не буду говорить что мне стоило все Вы, ни материально а ндравственно Этого высказать не возможно, но все кончилось слава Богу, ты последняя вышла замуж, чего я давно желал. Что ты предпочла иметь мужа бедного лучше чем богатого которого выбрало твое сердце, я за это неосуждаю бедность не порок а счастье и согласие в жизни не от бедности ни от богатства, а от вас самих, и больше от жены. Разумная жена и дурного порочного мужа делает хорошим, а неразумная хорошего дурным и отгоняет от себя. Когда сказано муж с женой да неразлучаются, и всю жизнь (нрзб) мужу и себе.

Начало премудрости страх Господень, поэтому не надо забывать Бога, и священное писание Еван. (нрзб) и библию, в них вся премудрость, а не в гимназии и в высшем образовании, не думайте, что я это говорю из завести, что сам не учился, нет это все мною испытано в жизни, прислуга с порочным мужем живет лучше, чем образованные, поэтому и сказано будьте хитры яко змей, и кротки яко голуби, враг рода человеческого ищет случая посеять раздор между супругами, и разумеется находит в том, который возгордился своим знанием или богатством и считает

себя лучше других, поэтому считайте себя всегда не умнее других хотя и неученых, даже и неграмотных, ведь и у них есть чему поучиться, потому что гордыня Богу противна, а смирение дает благодать и мир.

Хотя Вы сейчас как ты так и Петя (нрзб) нечего добываете, но на необходимую жизнь хватит процентов с твоего капитала, а когда кончите учиться, будете добывать стараться (нрзб) и Бог поможет если будите всем довольны и за все благодарны, то ни будите бедным, ты Катя должна быть всю жизнь благодарна матери что она тебя воспитала твое здоровье берегла и чему могла научила и при(нрзб), хоша она тебе и неродная мать, но и родная лучшебы неделаала, потому ты должна уважать и любить ее всю жизнь. С матерью мужа твоего должна жить мирно и во всем ей уступать (потому что она тебе должна заменить родную мать, иначе может быть неприятности), да и вообще со всеми родными надо жить всегда в мире.

М. Спиридонов».

Интересно, что Валентин Петрович был знаком с этим письмом и даже сделал его ксерокопию.

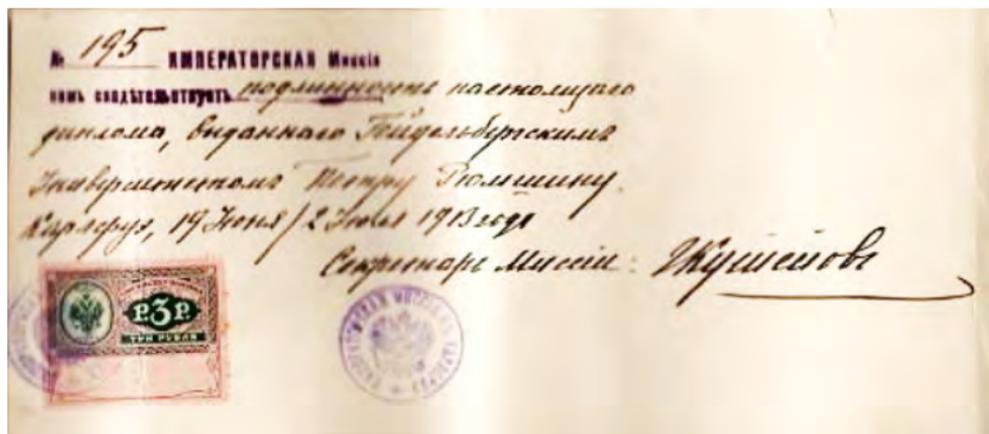
Судя по этому письму, ждть от тестя денег на образование не приходилось. С другой стороны, в нем есть упоминание о наличии капитала у Екатерины Михайловны. В общем, вопросы об отце ПФ и о финансировании обучения остаются открытыми. Скорее всего отец все-таки был известен. Иначе никак не понять, как у сына работницы кондитерской фабрики вдруг оказались в родственниках графиня Толстая и английский дирижер Коутс. История графини Толстой описана в Приложении 2

Думаю, что сказалась советская привычка ни в чем не признаваться (не был, не состоял, не участвовал и т. д.).

Так или иначе в 1906 году, не закончив университета, ПФ вместе с женой едет в Германию и поступает на химическое отделение Гейдельбергского университета.

Гейдельберг он закончил в 1910 г. Имеется диплом – бумага размером с афишу (54×67 см), написанная, как положено, на латыни. Бумага удостоверяет, что PETRUM RUEMSHIN является DOCTOREM PHILOSOPHIAE NATURALIS CREAMUS.

Подлинность документа на обороте заверяет Императорская миссия в Карлсруэ.

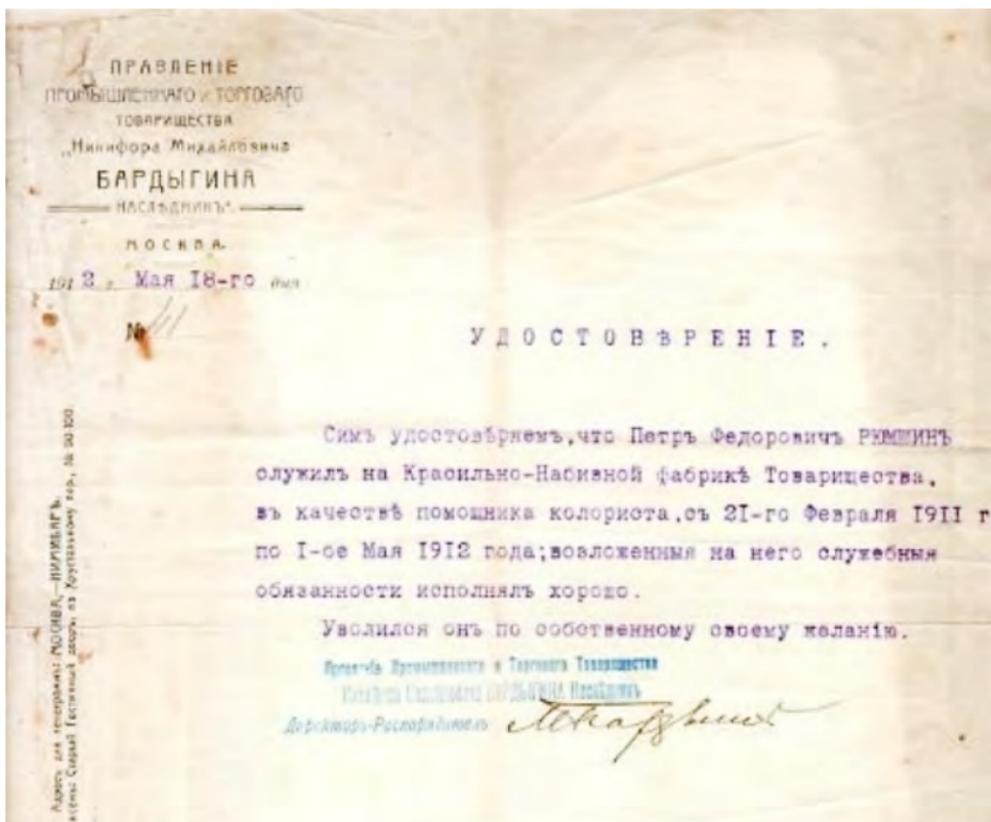

Со слов ПФ знаю, что выпускной экзамен по химии у него принимал какой-то нобелевский лауреат. Перед тем, как приступить к экзамену, ПФ поговорил со студентом, который только что вышел от экзаменатора, и спросил, какие вопросы были. Ну и про ответы тоже поинтересовался. Потом выяснилось, что не зря: оказалось, что этот лауреат всех спрашивал об одном и том же.

По завершении обучения ПФ два месяца работал в Германии в школе химии по изучению крашения и печатания х/б тканей. Тут надо снова вспомнить тестя, предметом деятельности которого была «Пряжа бумажная».

Очень похоже, что после теоретического курса химии ПФ по просьбе тестя прошел школу прикладной химии по крашению х/б тканей.

Думаю, что волей тестя объясняется и то, что после возвращения в Россию в 1910 г. доктор естественных наук, выпускник Гейдельберга поступил на работу помощником красильщика на фабрике Бардыгина в Егорьевске, о чем сохранился следующий документ:

То есть похоже, что тесть все-таки как-то спонсировал образование дочери и зятя и имел виды на использование свежеспеченного доктора в своем бизнесе.

У ПФ были и другие предложения по части трудоустройства после Гейдельберга. Сохранилось письмо от 28.09.1910 к ПФ, где его товарищ по обучению, подпись которого, к сожалению, расшифровать не удалось, работающий во Франции, пишет:

«...напрасно вы нам завидуете, ибо я в будущем месяце покидаю свое место и становлюсь Вашим конкурентом, т. е. “безработным”».

В этом же письме он предлагает затеять совместно с ПФ какое-нибудь дело:

*«Я бы наскреб пару тысячонок, да Вы столько же, да Вы столько же, да начали бы по маленьку, по легоньку... Может можно было купить какое-то маленькое предприятие... Маленький мыловаренный завод или различные кремы для ботинок, я знаю хорошие рецепты для жидкого клея, который продается в больших количествах и пр. и пр. Я просматриваю теперь еженедельно *Shetik Zeit*. Почти в каждом номере есть предложения о продаже маленьких предприятий, для покупки которых требуется всего тысяч 10–15 марок. И гарантируется 30 % прибыли»*

Как мы понимаем, ПФ на эти предложения не клонул.

Поработав на красильно-набивной фабрике, ПФ восстановился в университете и закончил его в 1913 г. с дипломом 1 степени, т. е. по-нашему с красным дипломом.

Экзамен он сдавал Физико-Математической комиссии по отделению естественных наук. Интересен состав экзаменов:

- физика,
- неорганическая химия,
- кристаллография и минералогия,
- анатомия и морфология растений,
- систематика растений,
- анатомия человека и гистология,
- зоология и сравнительная анатомия позвоночных.

Математики нет вообще!

Интересно, что диплома он удостоен 28 мая 1913 г., а сам диплом оформлен только 11 февраля 1914 г. Бюрократия не хуже нашей!

В 1914 г. ПФ поступил в опытную лабораторию Феррейн (в дальнейшем «Завод им. Карпова»). В этой лаборатории он работал до 1944 г. (за вычетом эвакуации), когда был переведен в Научно-исследовательский химико-фармацевтический институт (ВНИХ-ФИ), а затем в фармацевтический институт им. Семашко, где и работал до выхода на пенсию, там же был награжден орденом Ленина за выслугу лет.

ДИПЛОМЪ.

Предъявитель сего, ПЕТРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ РЮЖИНИЧЪ, вѣроисповѣданія православнаго, снѣтъ мѣщанина, докторъ естественныхъ наукъ Гейдельбергскаго университета, съ разрѣшенія Министерства Народнаго Просвѣщенія, былъ допущенъ весной 1913 года, согласно его прошенію, къ испытаніямъ въ Физико-Математической Испытательной Комиссіи при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ, по отдѣленію естественныхъ наукъ, каковыя испытанія и выдержалъ.

На означенныхъ испытаніяхъ имъ были получены слѣдующія отыѣтки:

1) По предметамъ полукурсоваго испытанія: по физикѣ *весьма удовлетворительно*, по неорганической химіи *весьма удовлетворительно*, по аналитической химіи *весьма удовлетворительно*, по кристаллографіи и минералогіи *весьма удовлетворительно*, по анатоміи и морфологіи растений *весьма удовлетворительно*, по систематикѣ растений *удовлетворительно*, по анатоміи челоѣка и гистологіи *удовлетворительно*, по зоологіи и сравнительной анатоміи позвоночныхъ *удовлетворительно*.

По предметамъ окончательнаго испытанія: по органической химіи *весьма удовлетворительно*, по геологіи съ палеонтологіей *весьма удовлетворительно*, по физиологіи растений *удовлетворительно*, по зоологіи безпозвоночныхъ *весьма удовлетворительно*, по физиологіи животныхъ *удовлетворительно*, по физической географіи съ метеорологіей *весьма удовлетворительно*, по сочиненію *весьма удовлетворительно*.

По сему и на основаніи ст. 81 Общаго Устава ИМПЕРАТОРСКИХЪ Россійскихъ Университетовъ, 23 Августа 1884 года, г. Рюжиничъ, въ заведеніи Физико-Математической Испытательной Комиссіи, 28 Мая 1913 года, удостоенъ диплома *первой степени*, со всѣми правами и преимуществами, поименованными въ ст. 92 Устава и въ У п. ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного въ 23 день Августа 1884 года мнѣнія Государственнаго Совѣта. Въ удостовѣреніе сего и данъ сей дипломъ г. Рюжиничу, за надлежащею подписью и съ приложеніемъ печати Управленія Московскаго Учебнаго Округа.

Городъ Москва, *Февраля 11* дня 1913 года.

Поисчитель Московскаго Учебнаго Округа *А. М. Мухоморовъ*

Предсѣдатель Физико-Математической
Испытательной Комиссіи *Г. М. Мухоморовъ*

Правитель Концеляріи *В. С. Смирновъ*

ПФ всю жизнь подрабатывал: перевел 9 книг по химии (сохранился список), сотрудничал с реферативными журналами – до нас дошел конверт из такого журнала, адресованный ПФ. Словом, он был типичный ИТР.

Жизнь на заводе им. Карпова

Семьи Виктора Яковлевича и Петра Федоровича не только жили на одном заводе, но дружили и входили в одну компанию, существовавшую достаточно долго. Скорее всего и жили в одном доме (см. главу «Беловы»). Сохранились письма, адресованные ВЯ и ПФ из Тарту (Юрьева), куда переехали некоторые сотрудники Феррейна. Так, в письме от 30 ноября 1920 г., адресованном ПФ, передают приветы в том числе и ВЯ с ЛВ, а в письме от 01.02.1925, адресованном ВЯ, передают приветы в том числе и ПФ и всей компании.

Сохранилось фото, датированное 1921 г. На нем присутствуют Виктор Яковлевич (стоит в белой рубашке) с Любовью Васильевной (она держит на руках Люсю, которой 5 лет), а также ПФ (сидит в правом углу). Рядом с ПФ скорее всего его жена (Екатерина Михайловна Спиридонова) – задумчивая дама рядом с гитаристкой. Впрочем, возможно, что это Спиридонова играет на гитаре, поскольку в документах ПФ сохранился листок со словами песенки из репертуара популярной тогда Изы Кремер: «Воспоминанья юных дней», «Мимоходом шутя» и др. Эмигрантки, разумеется. Действие явно происходит в этом доме, не знаю только в чьей квартире.

Очень похоже на сцену из пьесы Горького

Сотрудничество Виктора Яковлевича и Петра Федоровича

ПФ имел несколько патентов на технологии производства лекарств. Один из них – патент на процесс производства неосальварсана, эффективного в то время средства от сифилиса.

Технология производства этого препарата подробно разобрана в качестве примера фармацевтического производства в первой книге ВЯ «Как делают лекарства», которую он написал, уже работая на заводе. Фамилия Рюмшин там не упоминается, впрочем, патент касался тонкостей, о которых не говорится в популяризаторской книжке.

Первая книга ВЯ. Издательство
«Работник просвещения» 1927 г.

То ли за этот патент, то ли за реализацию предложенной технологии на заводе ПФ получил довольно большую сумму. Вложить тогда (1924 г.) было не во что, и он вложил их в меха. Тех-

нология хранения меха – дело сложное и вряд ли соблюдалась, особенно если учесть войну, эвакуацию, коммунальную квартиру. Когда Любовь Васильевна умерла, Валентин Петрович отдал маме каракулевою шубу бабушки. Она была страшно тяжелая и была велика как маме, так и бабушке, которая была ниже мамы.

Думаю, ЛВ так никогда ее и не надела. Скорняк привел шубу в порядок, но на следующий год она расползлась – мех не выдержал.

Роман Петра Федоровича и Любви Васильевны

ПФ был старше бабушки больше чем на 10 лет. По словам мамы, да и по сохранившимся фото он выглядел значительно более импозантно, чем ВЯ.

Судя по письмам, роман ПФ и ЛВ начался еще в 1925 г. Потом обе стороны осудили его («Вы правы, дорогой Пека, я уже раньше осудила Вас и себя»).

Но в 1926 г. роман возобновился. В этом же году последовали разводы обеих пар.

О дальнейшей судьбе первой жены ПФ – Екатерины Спиридоновой у меня сведений нет. По информации, полученной от жены ближайшего друга Валентина Петровича Клары Затуловской, Спиридонова была репрессирована в 30-х годах. Я подтверждения этому факту пока не нашел. ПФ не терял из вида эту семью. Во всяком случае в письме от 03.08.1942 он пишет:

Вчера был у Анны Федоровны Спиридоновой (это жена брата Екатерины Федоровны. – А.Т.), она тебе кланяется. Изменилась она страшно, не работает по слабости, готовит суп из просвинок (думаю, имеется в виду растение просвирник. – А.Т.), что растут у забора. Другие Спиридоновы тоже не лучше.

Брак ВЯ и ЛВ расторгнут Замо-скворецким отделением ЗАГС 26 июня 1926 г. В свидетельстве указано, что при матери остается дочь Любовь 9 1/5 лет.

Через две недели после разво-да 12.07.1926 ПФ и ЛВ оформили брак. В 1927 г. у них родилась дочь Надя. К несчастью, она умерла в 1931 году. Насколько я понимаю, пережив эту смерть, Рюмшины снова решили завести ребенка. Результат – Валентин Петрович, который появился на свет в 1932 г.

После развода ВЯ уехал с завода, а ПФ с ЛВ продолжали жить в том же деревянном доме на заводе Карпова.

Бабушки

Не знаю, почему так вышло, но мать Виктора Яковлевича Клавдия Семеновна с какого-то момента жила в семье Петра Федоровича. Т.е. у мамы были фактически три бабушки: Акулина Васильевна (мать Любви Васильевны), Анна Антоновна (мать Петра Федоровича) и Клавдия Семеновна. Все они скончались перед войной.

Скорее всего, все три бабушки не жили одной семьей. Но Клавдия Семеновна точно постоянно жила в семье ПФ, во всяком случае в последние годы. Однако, судя по маминому дневнику (запись от 14.04.1930 г.) в 1930. она еще жила в Дмитрове. Вот запись в дневнике:

«...Все свои дни коротких каникул я все время разъезжала. Была и бабушки (Клавдии Семеновны). Ей только 50 лет, а жить ей осталось немного, т. к. больна, а она такая добрая, хорошая, в то время как бабушке Анне 80 лет, а она умирать не собирается

и еще многим перепортит кровь. Как судьба устраивает несправедливо».

Клавдия Семеновна была любимой бабушкой мамы и занимала в этой семье какое-то особое место. Это отмечает Любовь Васильевна в письме маме, написанном после смерти Клавдии Семеновны:

«...Я теперь боюсь ехать на фабрику (имеется в виду завод им. Карпова. – А.Т.) в свою квартиру – на каждом шагу тень бабушки. Когда будем все вместе ничего, а вот одной жутко. Моя мама права, говоря, что, когда она помрет, я не буду так плакать и жалеть, как бабушку Клавдию Васильевну – пожалуй и правда. У бабушки было что-то, что и у твоего папы, и что я словами не могу оформить, это то, что мне ближе и понятнее, чем моя мама. Я не хочу сказать, что моя мама плохая или еще что, просто она мне ближе. Отсюда и мое тягостное состояние. У бабушки был необыкновенно терпеливый характер и доброта, как и у твоего папы, что очень ценно, несмотря на то, что папа образованный, а она малограмотная...»

Анна Антоновна с Надей 1927 (28)

Акулина Васильевна с Люсей. 1917 г.

Клавдия Семеновна с Валей. 1935 (?)

Клавдия Семеновна с Надей. 16.09.1928

Мама называла любимой бабушкой Клавдию Семеновну, а бабушку Анну недолго любила. Из дневника (22.02.1930):

«...Только что все было спокойно дома, нет, бабушка А так подорвала эту связь. Как я ненавижу эту бабушку, я никогда не видела такой гадкой и мерзкой старухи, одной рукой она богу молится, другой таскает. Мама положила деньги, один рубль серебром, на стол и пока она укачивала Надю, та взяла из рубля 15 копеек и вместо этой монеты положила кружочек от катушки, думая, что мама бумажку примет за монету. Мне кажется, что гнуснее этого ничего нельзя придумать в ее годы. Сегодня суббота, завтра она придет, как противно. Когда она в доме, ничего нельзя сказать, попросить, а, главное, маму жалко. Бабушка А и все эти семейные невзгоды довели маму до того, что с ней сегодня произошла чуть ли не истерика».

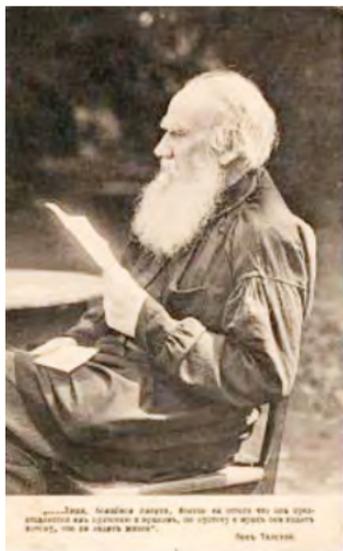
Довоенная жизнь Петра Федоровича и Любви Васильевны

Судя по сохранившимся фото и письмам, жили неплохо. Ездили отдыхать на юг. Есть письма ЛВ к ПФ, написанные из Алушты в 1925 и 1926 гг. Она ездила туда с Люсей. Есть фото ПФ в парке Боржоми 19.07.1929.

К вопросу о характере ЛВ. В этом смысле интерес представляет открытка от 24.04.1933, отправленная ею Петру Федоровичу на адрес «Алушта, В бывшем дворце Воронцова, санаторий X-летия Октября».

Это ответ на сообщение ПФ, о том, что он благополучно добрался до санатория. Но дело не в содержании. Это иллюстрация того, что в доме ничего не выбрасывалось: текст написан открытке, выпущенной в 1910-х годах с портретом и цитатой Толстого.

Открытка ждала своего часа 20 лет!

Лето проводили под Москвой в Кокошкино, там они снимали дачу несколько лет и как-то укоренились.

Это фото сделано в 1940 г. Такие молодые и счастливые!

Вообще много фото, сделанных в Кокошкино.

В мамином дневнике есть также упоминание о поездке ПФ (запись от 24.05.1930):

«Вчера дядя Петя уехал в плавучий дом отдыха. По Каме до Перми, а когда он придет, мы может быть тоже поедем по этому же пути».

И действительно в июне 1930 г. ЛВ с Люсей и Надей поплыли из Нижнего (он тогда еще не был переименован в Горький) в Пермь. Запись в мамином дневнике от 02.07 1930:

«11 июня мы выехали из Москвы в Нижний и прибыли туда в 11 часов. Дня. Зашли в вокзал позавтракать. Там ужасная грязь и поесть нечего. Решили пойти в ресторан “Неаполь”, считающийся самым лучшим (но потом, как мы узнали, есть еще лучше), съели там обед из двух блюд, два огурца и две бутылки сидра и все это стоило на троих около 6 рублей. Какая дороговизна. В 9 часов вечера мы сели на пароход “Пушкин”. Пароход оказался очень хороший. Великолепный салон и хорошо отделанные каюты. У меня была двухместная каюта, но я там жила одна. На этом пароходе я отдохнула и хорошо провела время».

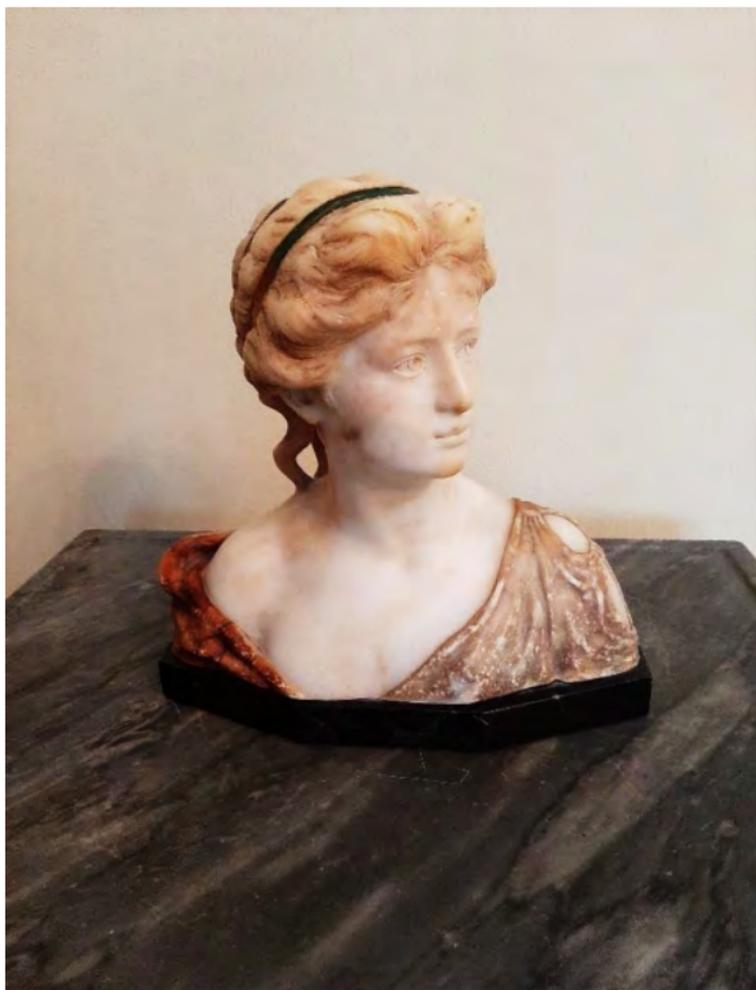
Мама говорила, что всю мебель, которая была в семье Рюминых, ВЯ купил оптом «у какого-то разорившегося генерала». Скорее всего так и было. Во всяком случае это в стиле ВЯ: сразу решить проблему, если она появилась.

Особенно если есть финансовые возможности. В такой сценарий хорошо вписывается мраморный бюст, который при жизни бабушки всегда стоял на шкафчике у входа в комнату, а потом Валентин Петрович спрятал его в секретный шкаф. Однако в мамином дневнике нашел такую запись (09.03.1930):

На днях он (Петр Федорович. – А.Т.) купил небольшой мраморный бюст женщины. От этой вещи нельзя оторвать глаз, шея так сделана, будто она вся живая. У нее классическая красота.

Судя по информации из интернета, это не мрамор, а раскрашенный алебастр. Интернет подсказал также, что это скорее все-

го это работа мастерской скульптора Джузеппе Бесси. Такие бюсты в стиле модерн были в моде в начале XX века.

Я никогда не подозревал у ПФ ни склонности к покупке антиквариата, ни возможностей для этого. О других его приобретениях ничего не известно. Не исключено, что покупка связана с получением премии на заводе. Так сказать, инвестиция. В 1930 г. деньги же не во что было вложить. Подобным таким вложением, менее удачным, были меха. Об этом см. в разделе «Сотрудничество Виктора Яковлевича и Петра Федоровича».

ВОЙНА

Любовь Васильевна в Шуе

Война застала Рюмшиных в Кокошкино. В середине августа, когда немцы были совсем недалеко, были бомбежки, ЛВ с Валей уехали в Шую к каким-то знакомым.

В Кокошкино осталось много их вещей.

Дорога в Шую была тяжелая. Из письма от 09.09.1941:

«Крепко, крепко целуем тебя и желаем быть здоровым. Как ты живешь и работаешь без нас? Как наш дом? Мы, хотя и далеко живем от тебя, но все мысли с тобою около дома. Страшно беспокоимся о тебе. Доехали в Шую на 4 сутки к (нрб). Из Мурома на (нрб) и снова в Шую. Спасибо милиции, которая нам оказывала помощь и все это потому, что не написали нужного нам направления. Валя всю дорогу перенес хорошо без капризов и охов.

Спал на станциях, завернувшись в ватное одеяло как кукла. Он очень тоскует, но молчит, и только изредка говорит “хочу папу”. По приезде 5 числа вдруг закашлял, как всегда, но температура нормальная, но кашель сильный. Я поставила горчичники. А на другой день банки, теперь кашель лучше и рыхлый – купила нашатырно – анисовые капли, было жарко, а у нас сквозняки. Я очень жалею, что оставила Кокошкино, хотя пока и спим спокойно, но я все равно не сплю, тоска, ужасная тоска не дает мне покоя и как бы радостно сидела бы в нашем убежище и каждый удобный случай могли бы съездить и посмотреть на тебя. Был ли ты в Кокошкине? Тяжело без Екатерины Константиновны. Она такой прекрасный человек, что редко таких найдешь, и я очень это остро чувствую. Где она и когда уехала? Обстановка, где мы живем очень хорошая и культурная – нас приняла сестра Е.Е. очень радушно и хорошо, но, если представится случай, я бы им воспользовалась, и мы опять были бы ближе к тебе. Милый папа, я никогда не думала, что у меня будет так плохо с сердцем, и я очень боюсь быть вдали от тебя с Валиком – это я только здесь поняла – он может остаться один.

Папа, как только ты соберешься по делам приехать к нам, то имей нас в виду, я живу этой надеждой».

Видимо, ПФ не мог сразу к ним присоединиться из-за работы. В этот период Москва еще не была закрыта. Общую ситуацию на этот момент описывает письмо Крюкова, направленное ЛВ 27.08.1941:

«Письмо ваше получил 15 числа... Петр Федорович должен уехать 25 числа к тебе один... Люся работает в ТАССе, Софья Назаровна выбыла из Москвы, Борис в Москве пока. Что же касается твоего положения, смотри сама, как удобнее. Вообще, кто может уезжает из Москвы, а некоторые даже обратно приезжают в Москву».

Но вопреки этому письму ПФ в августе в Шую поехать не смог.

Любовь Васильевна вообще была паникерша, а в условиях начала войны это проявилось особенно. Хотя, конечно, ей досталось. 14.09.1941 ЛВ пишет трагическое письмо:

«Я сделала что-то непоправимое – оставила тебя и теперь не знаю ни минуты покоя, ужасно мучаюсь и переживаю. Я и Валя жалеем, что оставили Кокошкино – там мы могли знать все о тебе, а здесь столько тоски по тебе и муки, здесь те же меры предосторожности, что и там. Милый папочка! Возьми нас отсюда, чтобы мы могли выехать с тобой – не оставляй нас одних. Мы хотим быть с тобой – плохо или хорошо, но вместе. Догнать тебя в дороге совершенно невозможная вещь. Обдумай и как нужно все делай. Если нам придется двигаться дальше, то мы потеряем с тобой связь, а это ужасная вещь. Сюда приезжают москвичи, оставляют детей и возвращаются обратно. Значит можно. С направлением сюда ты можешь доехать до Новок, оттуда 1 раз в день идет в 12 часов дня поезд, только с северного вокзала и точно узнай, идет ли в Новки. Или на поезд, который идет до Кинешмы, и в Иванове переседаешь к нам. Все узнай и как найдешь надежней поступай. Я получила 5 числа 1 телеграмму и открытку от 6 августа и от Люси телеграмму 6 числа. Перевод на деньги пока не пришел и не известно, когда будет. Я послала тебе 2 молнии, заказное, открытки, которые

посылаем каждый день. Валя все кашляет, желудок восстанавливается. Глину забыли! Ты пишешь насчет Оли, но второпях ее материя попала со мною. Передай ей, что если я останусь жить, то оно будет ею вернуто (так в оригинале. – А.Т.) и отсюда я не могу его переслать. Свое оставила, а чужое взяла – это никому не нужная (нрзб) – так в Москве я могла потерять голову. И теперь такая мука. Обстановка у нас приличная, базар есть, кое-что можно купить сейчас, и что будет дальше сказать трудно. Молоко 4 руб. литр, цены на мясо как у вас, но вот сладкого нет совсем, и то, что я взяла, это только Вале. Самое главное забыли взять – это что осталось у тебя в шкафу... и все, что нужно для... ребенка – даже мыло и то оставили. Хлеб получаем только черный, белого пока нет. Валик ест плохо и похудел. Напиши, были в Кокошкине и собраны ли там вещи, хотя в одно место... У меня что-то плохо с горлом, каждое утро в горле какая-то мокрота и пока не стошнит нечем дышать. Как Люся, она мало мне пишет – жива ли. Я каждый день в 6 час. слушаю радио. Отвечай, хочу послать с оказией, если удастся».

25.09.1941 она продолжает эту же тему:

«...Мы все вместе читаем газеты и очень тяжело переживаем. Так тяжело и мучительно и просвета очень мало. А вчера 24 числа мы прочли постановление о запрещение въезда – это совсем нас убило. Случись что, мы даже приехать и помочь тебе не сможем, а не только повидать тебя... Так как теперь разрешили посылать теплые вещи, то пришли вместе с валенками теплую байку 5 м... Милый папочка, ты пожалуйста для нас не экономь и не сокращай себя. Я очень боюсь, что ты плохо ешь, много работаешь – поэтому и ослаб, а уколы хороши, когда питание нормальное. Если Люсе не потребуется мое старое черное пальто, то пришли его мне... Валя еще кашляет и в школу пока не ходит. Тошнить стало 1 раз в день пока. Я вызывала 21 числа старого того доктора, что был при тебе... Напиши, как Люся! Милый папа! Я так измучилась и изнервничалась. Но сегодня особенно скверно. Не могу себе простить, что мы уехали и главное, не знаю, как выйти из данного положения. Всю неделю с 6 утра

хожу на базар и ловлю дрова, но последнее время их все меньше и мелкие – подвоза нет. Валя не пишет потому, что нет открыток, а закрытые посылаем через день...»

Надо иметь в виду, что у Петра Федоровича была рабочая карточка, а к Любови Васильевны и Вали – иждивенческие. Поэтому переписка посвящена в основном вопросам добывания и пересылки продуктов.

28 сентября та же картина:

«Сейчас на базаре совсем нет дров и вот уже целую неделю я с Е.К. до 9 утра хожу и жду, боюсь, как бы не остались без ничего... В общем, кажется нешком ушла бы, если бы было можно. Керосин у нас кончился, а когда достанем, не знаю и ждем плитку, как избавление от наших хозяев, но, наверно, нескоро это будет. Состояние у меня подавленное и безнадежное. На то, что ты приедешь к нам тоже надежды мало – вот уже прошел месяц. Мне кажется, что время остановилось, несмотря ни на что я с утра до вечера на ногах и очень устаю, бегая по лавкам и базару. Папочка! Напиши про Люсю. От нее я получила несколько открыток, но меня хочется знать, как ее желудок только правду. Напиши про Олю ты обещал – мы все будем с интересом ждать ее сообщения. Деньги от Лизы я все уже истратила, а написать все не собралась. Завтра выбери час и напишу».

Это последнее письмо, которое сохранилось из посланных Любовью Васильевной Петру Федоровичу до его переезда в Шую в начале октября 1941 г.

Тон писем Любови Васильевны этого периода довольно истеричный, общая оценка происходящего крайне пессимистична.

Совсем другой тон в письме Софьи Назаровны Петру Федоровичу от 01.11.1942 из Кировграда (это в Свердловской области), где они с мамой (Любовью Викторовной) были в эвакуации. Письмо написано в ответ на письмо ЛВ о смерти Михаила Васильевича Крюкова. В это время ПФ был уже в Москве.

Нужно иметь в виду, что в это время в отличие от ЛВ Софья Назаровна была вдовой и могла рассчитывать только на помощь детей, т. е. Бориса Григорьевича, Люси и Владислава.

Привожу письмо целиком.

«Ваше печальное письмо получила еще до возвращения Люсенъ-ки из колхоза, но не успела вам ответить. От всего сердца выражаю Вам и Любви Васильевне свое соболезнование. Я мало знала Михаила Васильевича, но впечатление у меня осталось самое светлое. Бескорыстный, честный, прямой, но мало приспособленный к жизни, он не мог справиться с тяжелыми условиями военного времени, требующего от каждого из нас мужества, энергии, борьбы. Этими качествами он, по-видимому, не был наделен. Да и одиночество сыграло тут не последнюю роль. С вашей семьей он был связан не только узами родства, но и тем теплом, расположением и любовью, которые постоянно встречал у вас. И вы потеряли в его лице любящего и до конца преданного друга. Это так. И я вполне разделяю Ваше горе. Однако это не может служить поводом к пессимизму, которым проникнуто ваше письмо. Прежде всего, дорогой Петр Федорович вы с Любовью Васильевной не одиноки. Около вас Люся, Боря и я. То, что мы временно разьединены, ничего не меняет. Душевно мы всегда вместе. И для меня большая радость знать, что вы благополучны. Я не сомневаюсь, что не так далек тот день, когда мы встретимся и заживем одной дружной семьей. А пока не будем падать духом, а лучше будем бодрить друг друга. Я знаю, что прошедший год тяжело достался вам, а впереди, вероятно, нам предстоят еще большие испытания. Но ничего не поделаешь, война одинаково беспощадна ко всем. В частности, мне тоже нелегко. Достаточно сказать, что я несу заботу о сохранении шести жизней, не говоря уже о постоянно гложущей меня тревоге о Борисе. То, что Вам приходится жить врозь с семьей, разумеется, нехорошо для обеих сторон. Но мне думается, что Любви Васильевне с Валею не стоит переезжать сейчас в Москву. Ведь и мы не рассчитывали зимовать здесь, да приходится. Последнее письмо Любви Васильевны не так мрачно, как предыдущее. Много значит то, что у нее есть кое-какие запасы. Теперь Люсенъка вернулась и будет писать ей чаще. Очень радуют нас письма Вали, мы обычно читаем их вслух, как образец детского мышления – безмятежного, эпически спокойного. Позвольте, до-

рогой Петр Федорович, еще раз выразить вам свою скорбь об ушедшем и просить вас помнить об оставшихся в живых и преданных вам друзьях. Пишите чаще»

Но вернемся в Шую. Точной даты переезда ПФ туда нет, но сохранилось письмо Крюкова в Шую от 04.10.1941, из которого ясно, что в это время ПФ уже там.

В Шуе ПФ заведовал какой-то межрайонной лабораторией. Сведения о дальнейшей судьбе завода – из писем Крюкова.

Петр Федорович в Москве

Я уже писал, что деревянный дом, где жили Рюмины, разобрали как пожароопасный.

Их вещи были отправлены на какой-то склад, думаю, прямо на территории завода. За ними присматривала подруга Любови Васильевны (Ольга Иванова), которая отмечала, что имеющийся там сторож ничего не делает, а вещи пропадают.

Завод предоставил ПФ временную комнату в бывшем детском саду. В переезде участвовали Люся и Михаил Васильевич.

Из письма Михаила Васильевича Любови Васильевне от 17.09.1941:

«До этого времени был у Петра Федоровича два раза; комната большая по три итальянских окна (т. е. двойные окна) по двум стенам; она предназначена для двух семей; вторая семья, кажется, Жуковских; вещи последних уже привезены. Петр Федорович занял солнечную часть комнаты. Теперь относительно перевозки вещей. Мне позвонили на службу 27 августа, меня в конторе не было, работал на улице и узнал о перевозке 28 августа. Вечером был в старом доме; так как этот день лил дождь, то Люся перевозку закончила рано, так как намочла; был зав. хозяйством, который мне сказал, что перевозит вещи Люся и ключи у ней. 29 августа я был с утра. В этот день снимали крышу с дома, рамы сняли; и к концу дня все вещи увезти не пришлось; была одна подвода и 3 рабочих, так как рамы сняли и... Запирать дома нельзя было, поручить собрать вещи в одно место некому

было, мне нужно было ехать на свое дежурство, Люся и так одна была на перевозке 2 дня»

В это время ПФ еще надеялся, что семья вернется в Москву. Из письма ПФ Любови Васильевне от 18.09.1941:

«В новой квартире неплохо, но она значительно меньше, чем старая. Всего установить не удалось. Но комната светлая на южную сторону 3 окна большие. Всего я еще не установил. Часть мебели сложил на шкафы. Окончательно установим, когда вы вернетесь сюда».

Судьба самого завода им. Карпова определилась не сразу. Сначала завод хотели эвакуировать в Тюмень, туда отправляли оборудование и вещи сотрудников. По данным из письма Крюкова, завод должен был закончить эвакуацию к 1 декабря 1941 г. Видимо сначала ПФ собирался туда, поскольку часть вещей была туда отправлена.

В итоге завод в Тюмень (во всяком случае в полном объеме) не уехал, остался в Москве и подключился к фармацевтическому обеспечению фронта, получив соответствующую категорию.

Поскольку Рюмины в Тюмень не поехали, вещи вернулись в Москву, но это случилось только в августе 1942 г.

Из письма ПФ Любови Васильевне от 24.08.1942:

«...Вчера получил вещи из Тюмени. Пришлось уплатить еще ... 5 ящиков, 1 сундучок с продуктами, 1 ковер, 1 чемодан. Пока вскрыл только два мешка, нашел свои одеяла, так что одеяла не присылай. Нашел мамину тальму, воротники, калоши маленького размера. Постараюсь все послать вам, если это удастся, то вам будет неплохо. Жду телеграммы о приезде машины».

Из письма Крюкова Любови Васильевне от 04.11.1941. Как всегда, он дает полную сводку происходящего со всеми членами семьи:

«Я немножко долго не писал, не было материалов. Теперь почти все выяснилось: Петр Федорович к вам приехал. Люся с какой-то станции телеграфирует, что едет к тете Соне, Борис должен уехать в Сталинград; Виктор Яковлевич готов к отъезду. Я у него был 02.11 на квартире, связаны узлы и ждут вызова, едут в Джамбул, я вам послал телеграмму 03.11, больше всего для сведения, что завод, со слов Титовой, в скором времени переводится в Тюмень. Титова говорит, поедут туда только желающие, и на заводе вся работа заключается в сборке и упаковке оборудования».

С 24 сентября Москва была закрыта на въезд, для возвращения в город требовалась правительственная телеграмма. При этом семья ехать не могла и должна была оставаться в Шуе. В одном из писем ПФ сказано, что, если бы он имел к этому моменту ученую степень, можно было бы поехать с семьей. Но степень он получил только в 1947 г.

Живя в Шуе, Рюмины думали перебраться в какой-то другой город, рассматривали разные варианты. В частности, переписывались с подругой ЛВ Лилей Жук, которая оказалась в Казани.

Из письма Лили Жук от 16.11.1941:

«С квартирами в К(азани) очень трудно, т. к. вселиться можно только по ордеру, а ордер может дать только свое учреждение. В индивидуальном порядке очень трудно. У Оли живет сейчас 4 чел. из Ленинграда и должны поселить еще, хотя получается очень тесно. С продуктами, вероятно, то же, что и в Шуе, за эти два месяца цены выросли, а качество продуктов уменьшилось или скорее количество людей увеличилось, т. е. то же очень нелегко. Если вы хотите из Шуи уехать, то лучше какое-либо другое место, а не К(азань), хотя было бы свои были поближе».

Вообще вопрос о смене места жительства обсуждался в переписке. Думаю, генератором таких запросов была Любовь Васильевна, пессимизм которой виден из приведенных писем. В этом смысле интересно письмо Михаила Рюмина Петру Федоровичу от 30.12.1941:

«Дорогой Петр Федорович! Мне только что дядя Миша (Михаил Васильевич Крюков. – А.Т.) сообщил ваш адрес. Весьма печально, что вы находитесь вне Москвы; теперь у нас совсем тихо и многие предприятия начинают разворачиваться. Я думаю и фармзавод частично начнет работу. Сам я, по-видимому, из Москвы всерьез не уеду, во всяком случае буду сопротивляться этому до конца. Я и жена уже приступили к работе в Москве. Нежелание покидать Москву объясняется главным образом опасностью потерять жилплощадь. Так, например, квартиру моего брата уже заняли, хотя он красноармеец. Из двух комнат, в которых жила Люся, большую заняли, хотя Борис и находится в Красной армии. Люся мне пишет довольно редко. По-видимому, кроме хороших людей и хорошего отношения среди членов их обширной семьи, там ничего путного нет. **Питание там скверное, и они весной хотят куда-нибудь, как будто теперь у нас есть районы, где с питанием дело обстоит благополучно. Наивные люди!** (выделено мною. – А.Т.). Я по ее просьбе был у нее и по ее просьбе выслал ей некоторые книги. Когда искал книги, нашел Ваш диплом и авторское свидетельство; они в коробочке на письменном столе. Люся упорно хочет, чтобы я выслал ей вещи и продовольствие; и то и другое лежит у меня, но никакой возможности выслать не имеется. Может быть по пути в Тюмень кто-нибудь захватит их? В оставшейся одной комнате у Люси хаос невероятный, так как там свалены мелкие вещи из большой комнаты, поэтому я не мог найти ни ее диплома, ни остальных документов».

Тема переезда Софьи Назаровны и Люси в другое место обсуждалась и после возвращения ПФ в Москву. Из письма ПФ в Шую от 26.06.1942:

«...мне Люся писала, что она хочет приехать с тетей Соней и Таней к вам в Шую, но Викт(ор) Яковл(евич) хочет ей написать, чтобы она не отрывалась от завода. Я же написал ей, чтобы она приезжала к вам, чтобы вы не были одиноки без меня».

За девять месяцев, проведенных в Шуе, ПФ наладил тамошний быт ЛВ и Вали.

В мае 1942 ПФ получил вызов в Москву. Жил сначала в бывшем детском саду (так прямо писалось в адресе писем). Первое письмо от ПФ в Шую датировано 21.05.1942.

Сразу по приезде он стал искать пути для передачи вещей и продуктов в Шую. Туда регулярно кто-то ездил, но наладить устойчивую пересылку удалось далеко не сразу. Из письма от 28.06.1942:

«... Сейчас только вернулся, возил посылку для вас Тюменевым, но там посылку не приняли, говорят, что это им очень неприятно, что все приносят посылки. Я хотел уже подкупить, предложив "Московской", но и это не помогло. Оставил письмо Ал. Никол., чтобы он позвонил мне по приезде, и, может, тогда он сам примет посылку. Прямы не знаю, что делать, так хочется помочь вам и ничего не выходит. Вот и москвичи, я уже говорил, что это для ребенка и ничего не помогает. Поговори с женой Ал. Ник. Я мог бы ей послать кофе суррогат и настоящего, одеколон и сделать все, что она пожелает».

Огород

При заводе сотрудникам выделили огороды. Это частая тема в письмах. Вообще-то ПФ был большой дока по части растениеводства. В квартире на Лесной я обнаружил массу немецких книг и журналов по этой теме, довольно старых, привезенных, видимо, из Германии.

Из письма от 24 мая 1942:

«... Сегодня делили огород, я выбран бригадиром. Разделили площадь, но пошел дождь, и мы ушли. Пообедал в столовой, съел 2 тарелки овощного супа и щуку. Хотел было поехать в город и к Викт. Яковл., но идет сильный дождь. Сижу и пишу в лаборатории. На огороде буду работать только для вида, т. к. земля плохая, неразработанная».

С огородом оказалось все не так плохо. В дальнейшем он давал урожай. Уже 30.06.1942 он делится с ЛВ:

«... Сегодня снял с огорода первый урожай – редиски 10 шт., розовая, крупная. Как был бы я рад, если бы мог угостить вас. Капуста стоит веселая, растет свекла, салат будет готов через неделю».

Из письма 10.09.1942:

«... У нас тоже бывают тревоги, но к Москве немцев не подпускают. Я собрал со своего огорода уже 15 помидоров весом по 150 г. зелеными и положил в шкаф, а то боюсь снимут другие».

Из письма 15.09.1942:

«...я собрал с огорода около 6 кг зеленых помидор, дома два покраснели, и я их съел с картошкой, очень вкусно. Снял с огорода и репу, ее вышло немного и мелкая. Будет много свеклы, и я не знаю, что с ней делать, хранить – испортится, отдать, – а кто мне даст...»

Из письма 04.10.1942:

«Сегодня срезал капусту, делали это все, так как стали очень таскать. Собрал около 2 пудов капусты в кочнах. Часть дал сейчас Мише, а часть засолю, и буду давать ему зимой. Цены у нас немного дороже ваших. Мешок картошки стоит в 3 раза дороже вашего. Лист капусты стоит 2 рубля кило в колхозах, а у частных 100–150 р. мешок».

Из письма от 27.10.1942:

«Капусту со своего огорода я передал моему шоферу Ал. Ник. Силуанову, он живет в первом этаже второго глинобитного дома. Жена у него... симпатичная и своей капусты у них много, поэтому надеюсь, что не обманут».

Весной 1943 ПФ уже сажает с расчетом на приезд семьи. О том, что земля плоха, уже речи нет. Из письма 25.05.43:

«Посадил картофель на 3 местах, в общей сложности должно быть около 250 кустов. Жду еще картофеля около 10 кг, буду готовить еще землю. После длительных дождей с прохладной погодой сегодня жаркий день и нужно ждать всходов, у меня уже показались морковь, чеснок, лук, редиску съела мошка. Этим несколько задерживается возможность моей поездки к вам. Сейчас важен каждый день. На днях будет посадка капусты и помидоров. В лаборатории за окном посадил сахарный горох. Нынешний год запахали москвичи все, что только можно, не исключая площади под бывшим нашим домом и всеми пустырями на заводе. Картошка играет, конечно, главную роль и москвичам дано право закупать картофель в Московской области по удостоверениям завода. Но цены на базаре не падают»

В июле речь идет уже о первом урожае. Из письма 11.07.43:

«...До сих пор я каждый день ем салат, скоро он кончится, нужно посеять еще. Салат у меня на балконе зацвел, я его пушу на семена. На огороде все растет. Капусту я посадил очень часто, но я думаю, когда она будет теснить друг друга, я буду срывать и пускать в суп. Возшло 14 шт. американских огурцов, дали по 4 листика. Несколько свекол тоже выгнали цветки...»

Комната на Лесной

Нет худа без добра. Поскольку дом Рюминых разобрали в начале войны, осенью 1942 г. ПФ получил от завода комнату на Лесной улице. Из письма от 27.10.1942:

«Сейчас передо мною стоит другая задача, переезд на Лесную, дали ордер на комнату 23,5 м в двухкомнатной квартире Иоффе (который, по-видимому, едет теперь в Тюмень), на 7 этаже в новой секции, выходящей на Александровскую улицу. Я еще там не был, но паспорт для прописки сдал. Переезд будет трудный. Не знаю, где найду людей для переноски вещей на 7 этаж. При переезде обещал помочь Шурыгин с ребятами. Согласился потому, что дом должен скоро перейти в ведение

жилтоварищества и тогда можно будет поменять и на другой район...»

Мама говорила, что мог получить всю квартиру, но был скуповат и думал, что не сможет слишком много платить за квартиру. Возможно, так и было, но нужно учесть, что ему было в этот момент 60 лет, шла война, он работал на износ и боялся, что бабушка останется одна и не сможет платить.

В переписке ПФ с ЛВ есть одно упоминание о том, что он просит начальство никого не селить во вторую комнату. Однако за эту комнату шла борьба и я совсем не уверен, что ПФ мог в ней победить. В письме от 11.07.1943 сказано, что «Июffe в двух судах проиграла дело о выселении меня...». Пока вопрос со второй комнатой не решился и не появился сосед, он боялся навещать своих в Шуе, опасаясь, что комнату займут.

Из письма ПФ в Шую 17.12.42:

«Готовлюсь к переезду на Лесную, как я писал раньше... В случае затруднения при переезде на работу буду ночевать на заводе, как я это делал в самом начале»

Из письма 14.11.1942:

«Живу я пока все в детском саду, хотя прописался на Лесной. Почему? Во-первых, потому, что и там, и здесь одинаково холодно и топить еще не начинали, так как все еще ремонтируют прошлогодние поломки в отоплении, да и машину достать на заводе довольно трудно. Но все-таки думаю в следующее воскресенье переехать.»

Передвижение на трамвае теперь очень затруднено, трамваи меньше, идут они редко, сильно перегруженные. Вчера был у нас торжественный митинг, завод получил первое место в социальном соревновании и получил большую премию, к сожалению, мне пока ничего путного сделать не удалось, и потому рассчитывать на что-либо пока не приходится. К празднику я производил снимки стахановцев и заработал 475 рублей. Снял и себя и посылаю вам.

Вашего второго фото до сих пор не имею».

Из письма от 16.05.43:

«С комнатой пока обстоит так. Сначала в другую комнату поселили Озернову, потом приехала из Томска жена Иоффе и для нее стали выживать Озернову. Озернова выехала, но и Иоффе не въехала, вещи ее, находившиеся в этой квартире, вытащили в другую и пока никто новый не въезжал, так что я снова один. Уехать теперь было бы опасно».

Из письма от 24.05.1943:

«С комнатой пока без перемен. Живу один. С утра солнце на балконе, а затем в 12 часов в большой комнате до захода. Открываю одно окно. На другом стоит 2 помидора в горшках, скоро зацветут. Только дома приходится быть очень мало. Вечером на переезд трачу 1 час, а утром 1,5 часа, т. к. боюсь опоздать и выезжаю раньше».

Сейчас трамваи ходят довольно исправно, а утром на эту линию посылают еще трамваи 23 и 11».

Питание

Завод им. Карпова кормил своих сотрудников. Правда качество хромало: Из письма ПФ от 03.08.1942:

«...Я здоров, дня три получаю на завтрак, обед и ужин молодую картошку и свежий лук. Картошка так невкусно приготовлена, что есть не хочется».

Часть провизии он не съедал и относил домой. Там он ее облагораживал (добавлял, например, масла) и этим ужинал.

Лучше всего его рацион описан в письме от Москва 4 сентября 1942 г.:

«Питание сейчас хорошее, ем и пью 5 раз в день, утром пью два стакана кофе с хлебом или остатками ужина, в 10 час. Завтрак на заводе, в 3 часа обед из двух блюд. В отделении выпиваю

бутылку солодового молока, в 9 час. Ужин и по приезде домой 2 стакана кофе с хлебом. Кажется достаточно, мой вес сегодня 54 кг».

В редкие выходные специально ездит на завод только на завтрак, обед и ужин. Общая философия понятна: тратить минимум, по карточкам получать все, что можно, и по возможности отсылать в Шую.

14 ноября 1942 ПФ пишет ЛВ:

«Я за завтраком и обедом съедаю только половину, а остальное забираю с собой и в этот день ужинаю, а на другой день завтракаю дома перед уходом. Но зато имею карточку, по которой получил за октябрь 1 кг крупы лапшовой и получу 5 кг картофеля. И за ноябрь вместо мяса получил 450 г. красной икры, которую постараюсь сохранить для вас

К празднику я производил снимки стахановцев и заработал 475 рублей. Снял и себя и посылаю вам».

Вот это фото с надписью:
«Дорогим моим нежно любимым Валечке и Любочке от любящего папы 5.11.1942»

Худой, плохо выглядит, взгляд напряженный, одет непонятно во что. Сам себя снимал, поэтому и не заметил странного костюма (криво надетый рабочий халат поверх пиджака) и косого галстука. Боюсь, что большого оптимизма у Любови Васильевны он этим фото, отправленным в Шую, не вселил.

В ответ на это фото ЛВ выслала ему свое фото с Валей

Очевидно, что он недоедал и старался максимум направить в Шую. Из письма ПФ Любови Васильевне от 14.07.1942:

«Получаю на заводе клубнику по 30 р/кг по 100, 200 г., собрал около кило и сейчас сварил варенье, чтобы переслать вам. Получаю также повидло, которое также собираю для вас».

Главная сложность была в том, чтобы отправить собранную посылку в Шую. В 1942 г. это было особенно сложно.

Из письма 21.07.1942:

«...Вчера получил твое заказное письмо с извещением о получении посылки маленькой. Из твоего письма не видно, нашла ли ты там тапочки и панамку и как они понравились тебе. Это единственное, что я мог достать по карточкам. Послал 13.07 тебе телеграмму, чтобы ты в свою очередь телеграфировала мне о получении посылки и приезде машины, но до сих пор ответа не имею. А я уже вновь набрал сухарей белых, масла сливочного 0,5 кг, повидла, сварил варенье из клубники..., конфеты, 400 г. какао, и еще кое-что, что было бы тебе и полезно и приятно. Между прочим, я написал, что посылаю тебе 20 г. сахара, а послал только 10, остальные 10 г. у меня на диване, выскочили».

Из письма 22.07.1942:

«...Как жаль, что вы до сих пор не получили большой посылки, там есть сухари, а у меня еще скоплено для вас килограмма два сухарей. Сейчас я могу каждый день купить для вас 300 гр. К сожалению, баранки и сушки дают одинаково в половинном размере, но сейчас я могу это делать без ущерба для себя, а белый хлеб достать очень трудно, большие очереди. Для следующей посылки есть перец, пудра, одеколон, варенье, повидло слив. 0,5 кг, конфеты, кофе».

Из письма 28.07.1942:

«...В воскресенье я ходил к Федосье Федоровне, она меня свела в сад, и я набрал немного вишен, сварил для вас варенье. Теперь жду, как бы переслать».

Из письма 14.11.1942:

«...Кормят по-прежнему в столовой, бесплатно 3 раза в день, правда очень однообразно, но жить можно. Одну подавальщицу

я сфотографировал, а другой дал одеколон, и поэтому имею достаточно масла во втором и жирные щи. Правда еда довольно однообразная, часто в течение дня дают одну капусту... На второе дают картофельное пюре с маслом. Я за завтраком и обедом съедаю только половину, а остальное забираю с собой и в этот день ужинаю, а на другой день завтракаю дома перед уходом. Но зато имею карточку, по которой получил за октябрь 1 кг крупы лапшовой и получу 5 кг картофеля. И за ноябрь вместо мяса получил 450 г. красной икры, которую постараюсь сохранить для вас... Посылки принимаются, к сожалению, только в армию. Я уже набрал для вас много вкусных вещей и очень жалею, что не могу их вам перебрасывать тотчас по получении. А то вчера оказалось, что мыши чуть не съели шоколад, предназначенный, конечно, не для них».

Интересный рецепт из письма от 24.05.1943:

«Сейчас Москва занята приготовлением дрожжей на основе древесных опилок. Опилки осаживают и на этом сахаре разводят дрожжи. Если к ним прибавить толченых сухарей, перца и лука и посолить, упарить до густоты и затем поджарить на сковородке с маслом, получаются довольно вкусные котлеты, заменяющие мясо, т. к. дрожжи – это белок. К сожалению, производство этого продукта у нас еще не начали, т. к. нет на заводе нет опилок, а чтобы подвести нет транспорта. Можно их прибавить в суп, получается неплохо. А цена недорогая – 2 р. кило, только не всегда можно достать».

В 1943 г. объем пересылаемой из Москвы помощи таков, что ПФ даже его ограничивает:

«Позавчера (07.06.1943) подписались на заем, я на 1500 при окладе 850 р. Тебя смущает денежный вопрос, не очень ли стесняю себя. Подробно изложу при свидании, сейчас же советую вспомнить нашу жизнь в 1921–22 году и не очень беспокоиться по этому вопросу.

Хотелось бы посылать чаще, да боюсь разговоров в ШУе и вашей коммуне».

Обмен и продажа

Чтобы сводить концы с концами ПФ и ЛВ наладили поставку из Москвы в Шую разных полезных предметов, которые там можно было продать или обменять. Особенно эта деятельность развернулась в 1943 г., когда наладилось относительно регулярное сообщение с Шуей.

Из письма от 04.09.1942:

«Если бы только удалось, я пошлю тебе несколько пар детских галош, платица маленькие, шапочки на обмен. Купил вновь 2 берета – красный шерстяной, серый – вигоневый, советую тебе оставить себе красный».

Самым большим дефицитом были спирали для электроплитки. Из письма от 4 сентября 1942 г.:

«Спираль: их в Москве купить нельзя, а если и можно, то случайно в магазине и без всякой гарантии качества с рук. Я достал тебе плитку со спиралью из нихрома – это самое лучшее, что вообще есть, я о ней уже писал. Кроме того, в коробочке с шоколадными конфетами квадратной лежат 2 спирали на 220 в. Ты можешь ими распорядиться сама, как найдешь лучшим и удобным».

Из письма от 07.06.1943:

«... Купил красный шелковый палантин за 600 рублей, а также 5 спиралей на 220 вольт, за которые заплатил по 120 рублей. Вероятно, ты сумеешь их продать или обменять с выгодой. Как видишь, я посылаю вам достаточно, постарайся подкормиться и отдохнуть в Шуе, в Москве хорошего немного».

Возвращение в Москву

Весной 1943 г. тональность писем меняется. Стало ясно, что скоро можно будет вернуться в Москву и некоторые работы, например, разводить огород в Шуе, делать не нужно. Часть получаемых и добываемых в Москве продуктов ПФ оставляет «для вашего приезда».

25.05.43 ПФ пишет в Шую:

«Выдача разрешения на въезд вопрос дней или недель, затем разрешение действительно только в течение 2 месяцев. Поэтому отдыхайте и набирайтесь сил в тихой Шуе, потому что в Москве не так много шоколада, как пишет Е.Е., я думаю, она это сделала, чтобы возбудить зависть, а на рынке плитка ш. стоит 350 р.

Конечно, при такой цене им питаться трудно. От одного приятеля я получил около 330 г. шокол. конфет, потому от получения шоколада, а его дают по сахарным талонам, я отказался и получил 200 г. сахара топленого, который тоже получите вы, так что у вас будут и конфеты, и сахар».

Отношения с Виктором Яковлевичем

Нужно отметить, что несмотря на развод, отношения между ПФ и ВЯ оставались вполне дружественными до конца. Ходили друг к другу на семейные праздники, есть фото застолья с их участием, сделанные дома у ВЯ в квартире на Сиреневом бульваре.

Из письма ПФ от 25.05.1942:

«Вчера был у В.Я. Через ½ часа пришел Борис, он был в Москве, сегодня едет в Дмитров, где стоит его часть. Угостил нас хорошим ужином с вином и чаем с изюмом, который он привез из Ташкента. Он ездил туда в командировку и пробыл там 3 недели. Он очень похудел... Мария Александровна выглядит хорошо, Боря тоже... Я здоров, чувствую себя хорошо, беспокоюсь о вас».

Был даже вариант сотрудничества. Согласно письму ПФ в Шую от 10 июля 1942:

«...Вчера я был у Вик. Яковл. в институте. Видел там и Мар. Алекс. Она временно там работает. Он хочет пригласить меня консультантом по органической химии. Окончательно будем договариваться на следующей неделе».

Скорее всего это план не был реализован, т. к. об этом в последующих письмах нет ни слова.

Летом 1943 г. ВЯ тоже был в Москве (письмо ПФ в Шую 20 октября 1943):

«В это воскресенье ездил я с В.Я и М.А. за капустой в Клин. Капуста по 11–12 рублей. Купила она 25 кг, а – 52. Посадка была очень трудная.

У меня всю капусту, которую я просил убрать Шурыгина (имеется в виду капуста, посаженная на заводе) украли».

Последнее письмо ПФ Любви Васильевне датировано 11.11.1943 г. Он пишет:

«...Вчера заказал разговор на воскресенье, но не знаю, буду ли говорить, так как возможно буду перевозить вещи. В таком случае будет говорить телефонистка, т. к. Люся в это воскресенье будет работать, а выходной у нее будет в понедельник. Она была у меня, я ей отдал все присланное, она устроилась хорошо, обедает в ресторане из 4 блюд, а прикреплена к магазину Елисеева. Тетя Соня приехала изголодавшаяся и никак не может наесться»

Скорее всего к новому 1944 г. ЛВ с Валею вернулись в Москву на Лесную.

Главные события последующей жизни:

- получение ордена Ленина за выслугу лет (к 70-летию) в 1953 г.,
- выход на пенсию,
- получение в 1956 году участка в Купавне.

*На снимке ПФ в день вручения ордена с группой ветеранов
фарм ацев тики*

В Купавне с Валентином Петровичем. 1966 г.

Кладбище

На Ваганьковском рядом расположены три могилы: Рюминых, Беловых и Михайловых. Могила Рюминых самая старая из них, там похоронен дед ПФ Антон Изотович Рюмин (даты неизвестны), и мать Петра Федоровича Анна Антоновна (1855–1940). На этой могиле стоял памятник, весьма ветхий, гипсовый или в этом духе. На нем по словам Валентина Петровича, были все даты. Но когда-то, думаю, лет 30 назад, памятник обрушился и сейчас представляет собой обломок. В этой же могиле захоронены Петр Федорович и Любовь Васильевна. Но Валентин Петрович захоронил урны партизанским способом, не уведомив администрацию кладбища. Поэтому, когда я заинтересовался этим вопросом, ничего доказать было невозможно. Мы с ним пытались, ходили к администрации кладбища, подавали какие-то бумаги, но дело не выгорело. Пришлось явочным порядком изготовить табличку со всеми захороненными и тоже партизанским методом установить ее на могиле.

Там же рядом похоронены Василий Иустинович и Акулина Васильевна Беловы. Они скончались соответственно в 1938 и 1940. Вполне логично, что похоронены рядом с могилой Рюминых.

Крест на этой могиле полностью сгнил, пришлось сделать новую табличку

Рядом похоронена Клавдия Семеновна Михайлова. Даты жизни Клавдии Семеновны на кресте, который стоял на могиле, не сохранилась, поэтому на памятнике их нет. Сейчас, после изучения переписки ЛВ и мамы дата смерти установлена. Она умерла она в 15 июля 1939 г.

Виктор Яковлевич был похоронен в этой же могиле, а после смерти Валентина Петровича там же пришлось его похоронить, т. к. документы были только на эту могилу.

Наконец, рядом с ними похоронена Зинаида Александровна, графиня Толстая, ее биографию рассмотрим в приложении 2.

Древо семьи Рюминых

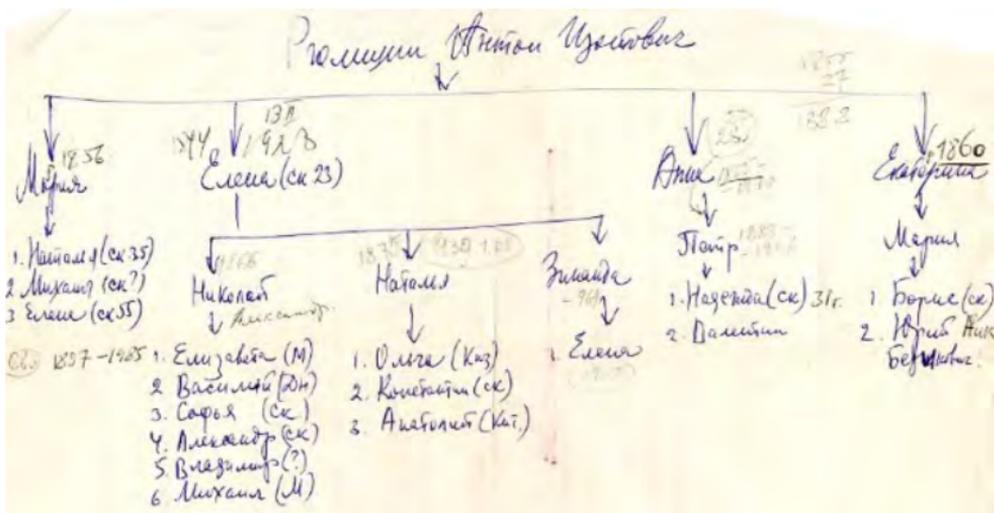
Валентин Петрович составил древо семьи Рюминых, которое я привожу ниже без изменений.

Деда Петра Федоровича звали Антон Изотович. Сохранился его портрет, но больше никакой информации: ни дат рождения и смерти, ни должности.

В древе указаны только имена потомков Антона Изотовича, но не сказано, от кого родились эти дети.

К сожалению, я обнаружил эту схему уже после смерти Петровича. Спросить некого.

Михаил Николаевич Рюмшин

Судя по древу, у Антона Изотовича было четыре дочери. И в последующих поколениях тоже много женщин, но нет информации об их мужьях и фамилиях. Так, сын Елены Антоновны Николай должен был бы носить фамилию отца, но носит мамину фамилию (Николай Рюмшин). Сохранилось также фото, на котором присутствуют трое из детей Николая (его отчество до нас не дошло). На обороте подпись: Владимир, Василий и Леля Рюмшины.

Похоже, что Валентин Петрович, составитель этого древа, тоже не знал, кто отец Петра Федоровича. Скрывать это сейчас уже не было никакой необходимости.

Я много слышал о Михаиле Николаевиче Рюмшине от мамы, в основном в связи с музыкой. Она рассказывала, что у него «рука в полторы октавы» и вообще он очень одаренный.

Со слов сына Михаила Николаевича Вячеслава Михайловича Рюмшина Михаил жил с матерью Еленой Васильевной в Черкассах. После смерти Елены Васильевны в 1923 г. его посадили на поезд и отправили в Москву к Петру Федоровичу, где он и жил до поступления в музыкальное училище, а затем в консерваторию. Надо сказать, что это характеризует Петра Федоровича с самой лучшей стороны.

Судя по военным письмам, он активно участвовал в семейных событиях военного времени, в частности, связанных с тем, что больница Кашенко заняла одну из комнат бабушки. Отец был на фронте, мама в эвакуации, поэтому перетаскиванием и упорядочиванием вещей занимались, в частности Миша (Михаил Николаевич) Рюшин и Виктор Яковлевич.

Миша вместе с мамой занимался музыкой. Потом воспитывался в каком-то военно-музыкальном училище, а затем кончил Военный факультет Московской консерватории и какое-то время вместе с консерваторией был в эвакуации. Петр Федорович пишет, что Миша стал «майором при консерватории».

Миша Рюшин с мамой

Михаил Николаевич Рюшин был на фронте. Он родился в Киеве в 1910 г.

В качестве места службы указано Высшее училище военных капельмейстеров (тогда это был Военный факультет при Московской консерватории имени П.И. Чайковского).

Судя по данным сайта 1418 museum.ru МН был на фронте, награжден орденами.

Воинское звание: подполковник.

Дата завершения службы:

01.08.1960.

Награды:

Медали «За боевые заслуги»,

Медаль: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», Орден Красного Знамени, Орден Красной Звезды.

Похоже в школьные годы Миша Рюмшин был тот еще перец. Сохранилось письмо мамы Петру Федоровичу, написанное судя по орфографии явно в первом классе, а то и до школы, где она выражает соболезнование по поводу того, что Мишу «выключили из пионеров».

После изучения маминого дневника возник новый вопрос в отношении родственных связей семьи Рюмшиных. Мама пишет (запись от 11.02.1931):

«Сейчас в Москву приехал из Англии дирижер Альберт Коутс¹, который оказался Мише нашему родным дядей. Дядя Петя написал ему письмо по-английски, а Миша к нему ездил и, кажется, собирается заниматься. Вот хорошо будет».

По свидетельству Вячеслава Михайловича Рюмшина, сына Михаила Николаевича Рюмшина, о котором шла речь выше, Коутс был не родным, а троюродным дядей Миши. По сведениям Вячеслава Михайловича встреча Миши Рюмшина с Коутсом состоялась.

Вячеслав Михайлович сообщил также, что его бабушка, мать Михаила Николаевича, была англичанкой, но по документам была Елена Васильевна Рюмшина. Как это могло получиться, ума не приложу.

Елена Антоновна Рюмшина

Елена Антоновна родилась в 1844 г. В 13 лет она поступила в балетную школу при Московском императорском театре, сразу после окончания которой она начала работать в провинциальных театрах сначала в качестве характерной танцовщицы, а затем

¹ Коутс родился в Санкт-Петербурге в 1882 г. Отец его был англичанин-предприниматель, возглавлявший российское отделение шерстяной фабрики Торнтон. Что касается матери, источники в интернете расходятся. По одним данным мать его была русская, по другим – родившаяся в России дочь родителей-англичан. С 1910 по 1919 годы Коутс был дирижером Мариинского театра, потом перебрался в Англию. Коутс приезжал в СССР: в 1931, 1934 и 1935 гг.

драматической актрисы. В ее репертуаре «Гроза», «Царь Федор», «Преступление и наказание», «Чайка». Дважды выезжала с труппой в Европу и США.

Елена Антоновна дожила до 79 лет и скончалась, как написано в некрологе «от инфлюэнцы». В некрологе, где сказано, что она 57 лет прослужила на сцене.

Елена Антоновна Рюмина

Елена Антоновна объехала всю Россию. 35-летие своей артистической деятельности она отмечала в Калуге, 45-летие работы на сцене – во Владивостоке. Свой 65-летний юбилей праздновала в Казани.

Скончалась она в 1922 г. в Орле, где служила в Орловском драматическом театре. В Орле и похоронена.

Орленев упоминает ее в своих мемуарах «Жизнь и творчество русского актера Павла Орленева», говоря о гастролях в Америке, в которых Елена Антоновна тоже участвовала. Для 36-ти летнего Орленева она «старуха Рюмшина». Гастроли были в 1905 год, ей 61 год.

Бурная театральная жизнь и вечное скитание по российским городам не помешали Елене Антоновне родить сына и двух дочерей, одна из которых – Зинаида – тоже стала актрисой. От кого она родила этих детей, история умалчивает. В прочем, как мы видели выше, в этой семье такая ситуация бывала.

Эта фотография сделана в 1908 г. Елена Антоновне здесь 64 года. Слева сидит сын Николай Рюмшин, окруженный своими детьми. Он самый многодетный из потомков Елены Антоновны, к тому же носит сан. Справа Зинаида Александровна, маленькая девочка рядом с ней – Леля, дочь Николая, а стоящая девочка-подросток – дочь Зинаиды Елена

Валентин Петрович Рюмшин

Сын Петра Федоровича и Любви Васильевны Валентин Петрович Рюмшин стал последним в этой ветви Рюминых.

Валя поздним и последним ребенком в этой семье. Старшая сестра его умерла во младенчестве, о чем я уже писал.

Всю жизнь (за вычетом проживания на заводе Карпова и эвакуации) Валентин Петрович прожил в комнате на Лесной улице, полученной Петром Федоровичем в 1944 г. (см. выше). Если бы Петру Федоровичу досталась еще и вторая комната в этой квартире, жизнь Вали была бы, скорее всего совсем иной. Но вышло так, что до 41 года он прожил в одной комнате с родителями (последние 10 лет с Любовью Васильевной), что, конечно, повлияло на его характер.

Последние лет тридцать жизни Валентина Петровича мы в семье, да и соседи по даче в Купавне называли его Петрович.

Петрович был человек закрытый и довольно замкнутый. В архиве Рюминых документов, связанных с ним, почти нет, за исклю-

чением переписки с Еленой Владимировной Ракович (см. Приложение 2). Он даже пожертвовал 50 долларов на нужды кладбища Сент-Женевьев-дю-Буа, о чем сохранилась квитанция.

Валя в Парке культуры им. Горького. Это 1937–38 годы. Эти шмотные вазы после, а может во время войны убрали, но потом уже в 2000-х годах вернули на место

Есть довольно много фотографий, присланных Еленой Владимировной.

Валентин Петрович прожил жизнь холостяком. Он пошел по стопам отца: стал химиком. Закончил Менделеевку (Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева), ра-

ботал в каких-то закрытых НИИ (тогда и до конца советской власти названия оборонных предприятий тоже были секретом, вместо них использовались почтовые ящики. Например, НИИ п/я 1234. Сохранилось командировочное удостоверение Рюмина от 1958 г.

PK-49 EC785400

9691-521

СОВЕТ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
 КОМАНДИРОВАННОГО (областного) экономического административного района
 ЗАВОД ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК № 31

Командитор П-6-21-12,13,14,15

№ _____ 18. авг. 1958 г.

КОМАНДИРОВОЧНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ

Представитель завода п/я № 31 тов. Рюмин В.П.
 командируется на завод п/я № 4087 по техническим вопросам.
 Срок командировки 1 день 20/х-58 года.

ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР З-П-А: _____ /ПОРЯТЕР/

13-15
 Додарф

47-5
 1958

Помощь на маш. №

В его жизни не было ярких событий типа разводов, переездов, экспедиций и т. п. Думаю, что место работы он менял 2-3 раза за всю жизнь.

Он с удовольствием ездил в командировки. Сохранился список таких командировок, который он вел явно для себя.

Валентин Петрович к работе относился творчески. Есть даже авторское свидетельство на изобретение. Однако защищать диссертацию не хотел. Петр Федорович такой позиции не одобрял. Мне он говорил, что может, докторская и не нужна, но кандидатская нужна обязательно. Но у Валентина Петровича был свой путь.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
ПО ДЕЛАМ ИЗОБРЕТЕНИЙ И ОТКРЫТИЙ

АВТОРСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

№ 526958

На основании полномочий, предоставленных Правительством СССР, Государственный комитет Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий выдал настоящее авторское свидетельство

РЮМШИНУ Валентину Петровичу
и другим, указанным в описании

на изобретение "Материал для поглощения СВЧ-энергии"

в соответствии с описанием изобретения и приведенной в нем формулой,
по заявке № 2009108 с приоритетом от 19 марта 1974г.
заявитель изобретения:

Зарегистрировано в Государственном реестре
изобретений Союза ССР

7 мая 1976г.

Действие авторского свидетельства распро-
страняется на всю территорию Союза ССР.

Председатель Госкомитета

Начальник отдела

[Handwritten signatures]

С какого-то момента Валентин Петрович увлекся созданием бронзовых медальонов и реплик предметов искусства.

Он работал с художником-медальером, фамилию которого я забыл. В основном медальоны были портретами русских писателей: Пушкин, Достоевский, Ахматова, Салтыков-Щедрин и др.

В качестве примера реплики приведу реплику изображения льва для установки на камине. Знаю, что в этом заказе было четыре изображения животных. Петрович заказ выполнил, но для себя сделал дополнительную копию льва.

Видимо эта работа давала какие-то деньги. Во всяком случае он ушел на пенсию, не дожидаясь 60 лет, что мама очень не одобряла.

Эта деятельность требовала большого количества меди. Поэтому Петрович собирал любые медесодержащие изделия, в т. ч. находил их на помойке. Под огромным обеденным столом на Лесной хранились стратегические запасы медной проволоки и тому подобного. На даче в Купавне тоже.

Валя дважды участвовал в наших семейных поездках: после окончания мною первого класса мы с отцом и мамой ездили в Туапсе, а после того, как первый класс закончил Сергей – ездили по Закарпатыю.

Мама со мной и Петровичем в Небуге под Туансе

Я с Петровичем и участники закарпатской экспедиции Г.В. Кацман и А.А. Галкин

Любимой книгой Петровича, во всяком случае в возрасте 35+, были «Похождения бравого солдата Швейка». Уже тогда он искал какое-то гражданское приложение своим талантам.

Изготовил, в частности, печать с изображением Швейка, которую ставил на открытках и книгах. Изречение а этой печати – *non plus ultra* – тоже заимствовано из Швейка и означает «дальше некуда, крайний предел».

Многие житейские вещи его вовсе не интересовали. Дарёные предметы одежды лежали у него не надетыми годами, а то и десятилетиями. Я несколько раз предлагал ему купить новый диван вместо той столетней рухляди, на которой он спал. Но каждый раз получал отказ.

Часто он выбирал свой путь для получения наилучшего результата. Например, в те далекие времена было два варианта фотосъемки: на узкую пленку (35 мм) и на широкую (60 мм). Общепринятым стандартом был 35 мм (36 кадров на кассете, есть разные увеличители для печати), но Петрович купил аппарат

«Москва» (60 мм, 12 или 9 кадров на кассете), поскольку качество изображения там безусловно выше. А то, что хлопот больше, его не беспокоило.

У нас дома было принято ходить на лыжах. Отец со мной и братом ходил по воскресеньям. А лет с 13–14 меня стал приглашать на свои лыжные прогулки Валентин Петрович. Он ходил с группой сотрудников в Ново-Подрезково, иногда я присоединялся к этой группе, иногда мы ходили вдвоем.

Подпись на обороте: Туманный вид с высокой горы

Лыжи в те времена были деревянные. Так Петрович усовершенствовал мои лыжи: вставил снизу по краям полоски из стеклоткани, чтобы кромки лыж не так быстро стирались.

Петрович обожал классическую музыку. Она всегда звучала у него дома.

Он купил первый отечественный стереопроектор и заразил этим меня. Родителям пришлось раскошелиться и купить мне такой же.

Петрович приходил на семейные праздники, но вел себя очень тихо. Садился в уголке с газетой и читал. Его всегда приглашал на день рождения Виктор Яковлевич.

Валя с Сергеем на дне рождения Виктора Яковлевича. Примерно 1960 г.

Вообще он был человек закрытый и молчаливый. В последние годы жизни Вали мы общались достаточно тесно, и он приходил к нам почти каждое воскресенье. В это время он стал немного более разговорчивым, и кое-что рассказывал, в частности, заинтересовался генеалогическими исследованиями. Иногда просил найти что-нибудь в Интернете. Например, по его просьбе я нашел старые виды Шуи, и он показывал картинке дом, в котором во время эвакуации работал Петр Федорович. Вообще Шуя и воспоминания о ней были очень важны для него. В Шуе он познакомился с Владимиром Затуловским, с которым дружил до самой смерти Владимира в США.

Владимир Затоловский

Клара Затоловская с сыном Борисом в Куавне с Петром Федоровичем. Середина 60-х

Владимир и Клара Затоловские с Любовью Васильевной и мамой на даче в Куавне. Примерно 1970 г.

Еще одной страстью Петровича были коты. Он сам их не искал, коты прибивались к нему на даче и оставались навсегда. Имя у них было одно: Василий Первый, Василий Второй...

Приложение 1

Кругосветное путешествие Тоси Шелковой

*Тося Шелковая. Снимок сделан
скорее всего в Миассе*

К стыду своему я не знал девичьей фамилии Антонины Сергеевны Розен-Саниной, пока мне в руки не попал ее архив. Ее история оказалась настолько фантастической, что ее пришлось вынести в отдельное приложение.

Девичья фамилия Антонины Сергеевны была Шелковая. Тося Шелковая в 1918 году в связи с голодом в Петрограде вместе с группой детей была направлена в лагерь в Сибирь. Считалось, что там сытнее. Таких групп было две, общее число детей было около 800. Первый санитарный поезд с 475 детьми был отправлен 18 мая, второй – 25 мая.

Организатором поездки были Всероссийский союз городов, основанный еще в 1914 году партией кадетов и либеральной буржуазией для помощи раненым, больным и пострадавшим от военных действий, и Народный комиссариат просвещения. Союз городов взял на себя заботу об устройстве летних детских колоний подальше от Петрограда, там, где еще хватало продовольствия, и обстановка была более спокойной.

Предполагалось, что в Сибири жизнь более сытная и что на деньги, и на собранные у родителей (275 рублей с человека), дети смогут подкормиться. С ними ехали учителя и медработники.

Разумеется, предполагалось, что к осени дети вернутся.

Сам проект носил название «Петроградская детская летняя питательная колония». Поэтому все его участники всю жизнь называли себя «колонистами».

Первое время они жили неплохо. Однако к осени ситуация изменилась. Еды не хватало, воспитатели расселили ребят небольшими группами по разным населенным пунктам и не без труда одевали и кормили их с помощью местных благотворителей и общественных организаций.

Дорога в Питер была закрыта, никто не хотел рисковать жизнями детей. Зимовать пришлось на Урале

Первая группа колонистов, в которой была Гося Шелковая попала в группу, которую разместили в Миассе. Сохранился ее рисунок, изображающий это место:

Тося Шелковая в группе девочек-колонисток. На снимке указан год – 1919

Вторую группу разместили в пустующем санатории «Курьи». Этот санаторий существует и функционирует и сегодня.

Ближе к зиме маленькой делегации от родительского комитета удалось добраться до колонии и договориться о передаче всех детей под опеку Американского красного креста, миссия которого находилась тогда во Владивостоке. Красный крест взял на себя обязательство вернуть детей в Петроград.

В России факт передачи детей Американскому красному кресту был воспринят с возмущением. Луначарский писал в «Известиях»:

«Всех этих детей американцы забрали с собой в бесконечно длинное сибирское путешествие, причем нам с полной точностью был сообщен ряд фактов, свидетельствующих о торопливости этого отъезда, граничащей с жестокостью по отношению к детям и о мучительных передрыгах, которые детишкам пришлось пережить».

И далее «...и весь подвиг американского Красного креста в совокупности представляет собой комбинацию бесчеловечных пыток многих сотен человеческих существ».

На самом же деле детей кормили, одевали, организовывали для них обучение в школах, учили специальностям. Возможно, что Тося Шелковая именно там приобрела навыки работы медсестрой.

В августе 1919 г. детей перебросили во Владивосток

Тося Шелковая у теплушки, отправляющейся из Челябинска во Владивосток

Во Владивостоке детей разместили, в бывших военных казармах в районе Вторая речка и на острове Русский.

Думаю, американцы надеялись, что война кончится и они смогут вернуть детей родителям, как обещали. Поэтому устроили для них обеспеченный постоянный лагерь, где дети провели почти год, находясь на полном обеспечении Красного креста.

Судя по отзывам других колонистов, жизнь там была сытая и веселая. Игнали в футбол, танцевали. Красный крест купил инструменты и организовал из колонистов духовой оркестр.

В апреле 1920 года во Владивосток вошли японские войска и стало ясно, что отъезд в Петроград по железной дороге невозможен.

Американский экспедиционный корпус и вместе с ним Красный Крест получили предписание срочно сворачивать дела и как можно скорее покинуть Россию.

Перед руководителями Красного креста был выбор: оставить детей на произвол судьбы или найти иной способ их доставки в Петроград. Тогда было принято рискованное решение: переправить детей на пароходе.

Теплушки. Рисунок Тоси Шелковой

Красный крест арендовал сухогруз «Йомей Мару» и оборудовал его для перевозки детей. Командовал кораблем капитан Каяхара. Капитан оставил мемуары об этом путешествии, которые были даже переведены на русский.

13 июля 1920 года «Йомей Мару» покинул Владивосток и взял курс на Японию.

На борту находились сотрудники Американского Красного Креста, почти 1000 русских детей, русские воспитатели и персонал.

Капитан Каяхара

Сухогруз «Йомей Мару»

После небольшой остановки в Японии сухогруз пересек Тихий океан и первого августа 1920 г. прибыл в Сан-Франциско. Там для детей были устроены экскурсии по городу, прогулка по парку, пикники и другие развлечения.

Тося Шелковая с подругами на палубе

Далее через недавно открытый Панамский канал корабль отправился в Нью – Йорк. Привожу единственную фотографию не из архива Антонины Сергеевны: «Йомей Мару» в Панамском канале:

В Нью-Йорке

Капитан Каяхара опасался, что судно при прибытии в Петроград могут экспроприировать (Япония находилась в состоянии войны с Россией).

Поэтому конечным пунктом маршрута стала Финляндия, куда корабль прибыл в октябре 1921 г. В Финляндии дети пробыли 3 месяца. При этом сотрудники Красного креста опасались, что кто-то из родителей мог за эти 2,5 года умереть и направляли запросы всем родителям. Если приходил положительный ответ, ребенка включали в группу для отправки в Питер.

Такими группами примерно по 50 человек к январю 1920 г. были отправлены все дети.

Ни я, ни Сергей никогда не слышали об этой истории ни от Антонины Сергеевны, ни от Светланы Михайловны, ни от Бориса Григорьевича.

Незадолго до смерти Светлана Михайловна передала нам пакет с документами по путешествию Антонины Сергеевны, содержащий фото и вырезки из русских и американских газет, посвященные этой удивительной поездке.

Фото я просканировал и использовал в этом материале.

Как я выяснил, существует созданный при поддержке Генерального Консульства США в Санкт-Петербурге интернет-ресурс «Над нами красный крест», где собраны различные документы по этой одиссее и даже небольшой фильм. Адрес этого сайта: <https://www.petrograd-kids-odyssey.ru/>

Документы, представленные на этом сайте, предоставлены семейными архивами бывших колонистов.

Сообщество потомков участников событий создало большую передвижную выставку, которая успешно экспонировалась в городах и странах на всем маршруте путешествия колонистов.

Я связался с создателями этого интернет-ресурса, они проявили интерес к архиву Антонины Сергеевны, и я передал его им.

Кроме того, об этой поездке издано несколько книг.

Приложение 2

Зинаида Александровна графиня Толстая

*Зинаида Александровна
графиня Толстая*

Зинаида Александровна Рюмшина родилась в Новочеркасске в 1882 г. Можно сказать, что ее детство прошло за кулисами, поэтому путь был предопределен: она хотела быть актрисой и стала ею.

Первым учителем Зинаиды был Орленев.

На сцену Зинаида Александровна впервые вышла в 1902 г. Играла у Сабурова, ездила по провинции, в итоге обосновалась в Москве.

В 1904 г. родила дочь Елену. Кто был отцом Елены, осталось неизвестным.

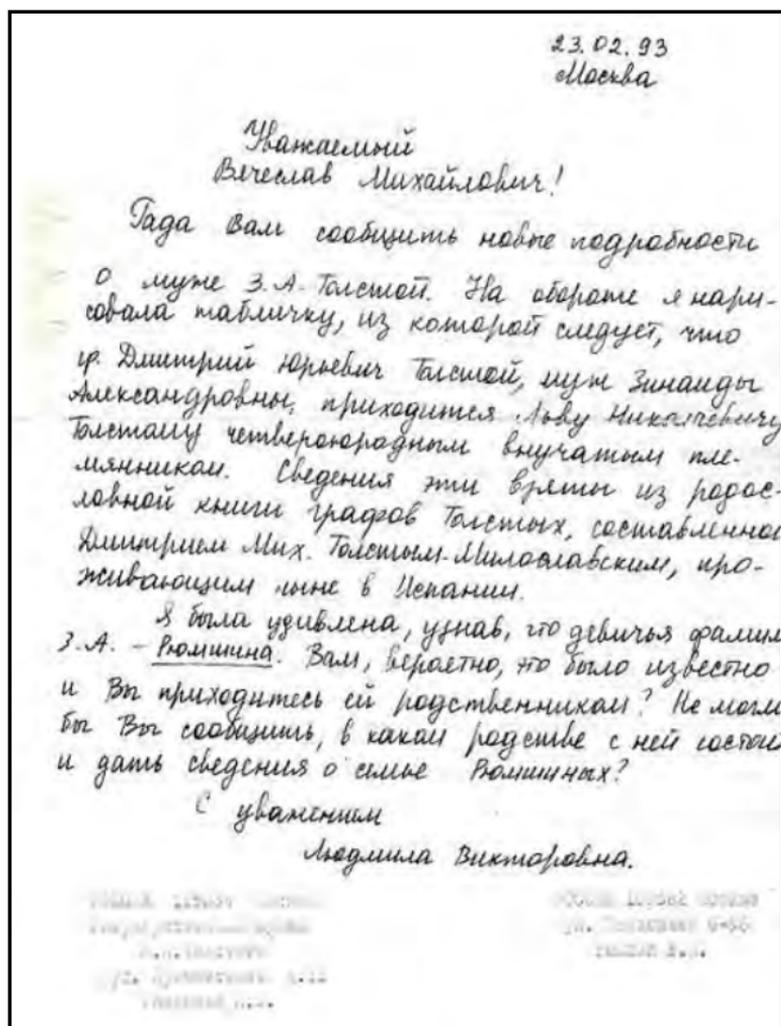
В 1911 г. Зинаида Александровна вышла замуж за графа Дмитрия Юрьевича Толстого и стала графиней Толстой. Дмитрий Юрьевич Толстой удочерил Елену. В консульских эмиграционных документах (см. ниже) она фигурирует как Елена Дмитриевна.

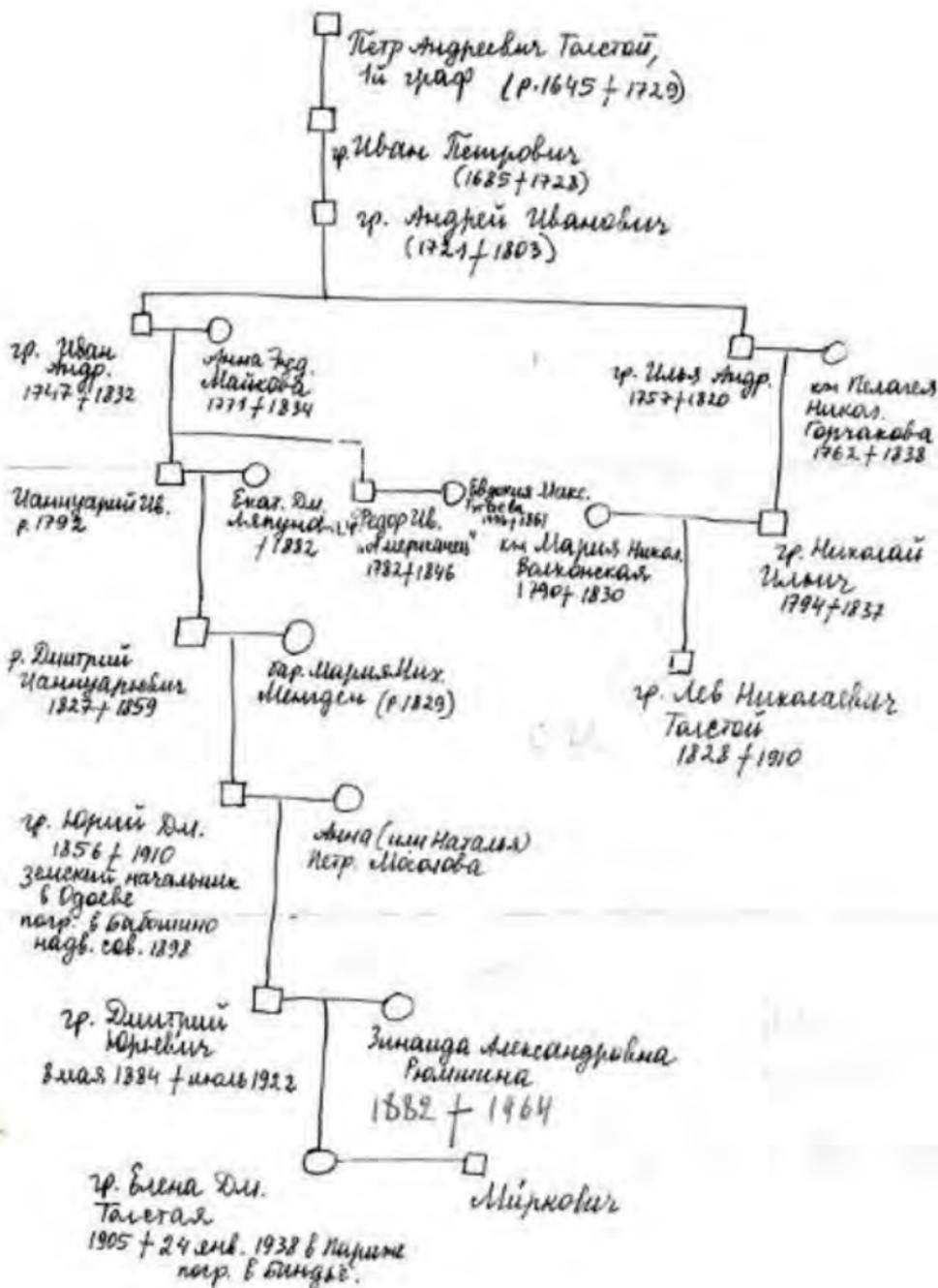
До начала Первой мировой войны Зинаида Александровна играла в театре Корша.

Родство с Толстыми

Вячеслав Михайлович Рюмшин тоже интересовался генеалогией Рюмшиных, а в 1993 г. даже направлял запрос в музей Толстого на предмет установления родства Зинаиды Александровны со Львом Николаевичем. Привожу ответ на этот запрос и схему, которую на обороте этого ответа нарисовала сотрудница музея Толстого.

Из этого ответа следует, что Дмитрий Юрьевич приходился Льву Николаевичу четвероюродным внучатым племянником.

Война и эмиграция

В 1914 г. после начала войны Зинаида Александровна закончила курсы медсестер, затем акушерские курсы, работала акушеркой. В 1919 г. (по данным музея Толстого – в 1922 г.) ее постигло несчастье – Дмитрий Юрьевич застрелился, она осталась одна с дочерью Еленой на руках. Дальнейшие события (все это в 1919 г.):

- Переезд в Киев, затем в Одессу,
- Работа подавальщицей в ресторане (при красных).
- Бегство из Одессы в Константинополь.

Сколько времени Зинаида Александровна с Еленой пробыли в Константинополе неизвестно. Сохранились копии их свидетельств, выданных Консульской частью Российской дипломатической миссией в Константинополе и датированные 1922 г. По визам, проставленным в этих документах, можно сделать вывод о том, что в 1923 г. они еще были в Константинополе.

Зинаида Александровн. с дочерью в Константинополе

Затем они с дочерью едут в Германию, а потом в Париж.

В Париже она снялась в двух немых фильмах: «Безрадостная улочка» с Гретой Гарбо и «Маленькая продавщица спичек». Продолжать работу в звуковом кино она не смогла из-за акцента и переключилась на живопись. Рисовала она преимущественно цветы и пейзажи.

В 1926 г. поступила в Парижскую академию Жерома, вступила в Общество независимых художников. Выставлялась в различных салонах, работы ее пользовались успехом. Она писала эмалевыми красками, во всяком случае в последние годы. В этой технике были написаны несколько картин, которые я видел в свое время.

После войны вступила в Союз советских патриотов (ССП) – просоветскую организацию, созданную при участии компартии Франции. ССП насчитывал 6500 членов. По данным сайта «Искусство и архитектура русского зарубежья» Зинаида Александровна активно участвовала в деятельности ССП:

В 1927–1951 (с перерывами) выставляла художественные работы в салоне Независимых, участвовала в Осеннем салоне (1930).

Выступала как актриса. В 1927 играла в Русском театре (режиссер Н.Г. Северский) в спектакле «Сказка жизни» А. Ренникова и др.

Выступала на собраниях ССП с чтением стихов, участвовала в выставках (1945–1946).

Выставки:

Выставка русских художников и скульпторов. Союз русских патриотов. Париж, 4, rue de Galliera, 16e. 20 мая – 12 июня 1945 г.

Выставка «в честь Победы». Союз советских патриотов. Париж, 4, rue de Galliera, 16e. Открыта 6 июля 1946 г.

Возвращение с прогулки. 1930 г.

Творчество Зинаиды Александровны не ограничивалось цветами и пейзажами. Во время первой пятилетке она выставила в салоне Независимых картину под названием «Пятилетка», а в 1945 г. в одном из салонов появилась картина «Победа».

У Зинаиды Александровны не было французского гражданства, она оставалась русской беженкой, лояльной к французскому правительству, но мечтающей о возвращении в Россию.

14 июня 1946 года был опубликован указ «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции». Паспорта предполагалось выдавать в посольстве СССР.

Этой возможностью воспользовались около 10 тысяч человек.

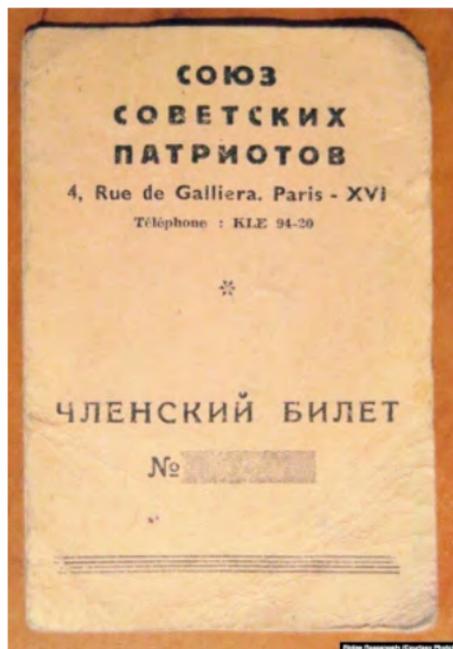
Уехали в СССР лишь две тысячи, Зинаиды Александровны среди них не было.

В стенограмме творческого вечера Зинаиды Александровны в Москве, который состоялся уже после ее возвращения в Советский Союз, описан эпизод, в котором во время приема в советском посольстве она подошла к Вышинскому, представилась и сказала, что хотела бы вернуться на родину, где могла бы работать акушеркой. На что Вышинский улыбнулся и сказал:

«Ну тогда у вас будет много работы»

Слава Богу, что она не вернулась в 1947 году. Тогда была большая вероятность попасть в лагерь или в ссылку. В 1954 г. обстановка уже была иная...

На фоне «холодной войны» в 1947 году французские власти арестовали и изгнали из Франции большинство лидеров Союза

Советских Патриотов. 16 января 1948 года Союз был закрыт по приказу министра внутренних дел Франции, а в марте 1948 года все участники правления Союза были арестованы и депортированы в советскую оккупационную зону в Германии.

В семье была легенда о том, что Зинаиде Александровне разрешили вернуться как участнице Сопротивления. Так сказать, за заслуги. Такой же версии придерживалась и она сама, общаясь с прессой. На пресс-конференции она рассказывала, что работала при немцах на почте и передавала участникам Сопротивления какую-то информацию.

Однако ее внучка Елена Владимировна, живущая в Париже, к этой версии относится скептически.

По ее словам, толчком к возвращению стал случай. Зинаида Александровна гуляла со своими собачками, когда ее задержали вместе с какой-то группой протестующей молодежи.

Поскольку гражданства у нее не было, а был пресловутый вид на жительство или паспорт, ее, как ранее руководителей ССП, выслали в Восточную Германию (в Дрезден), и там началось оформление документов на возвращение. Т.е. ее фактически депортировали, но без легенды о Сопротивлении здесь ей было бы сложнее. В Дрездене Зинаида Александровна занималась росписью фарфора.

В интернете огромное количество материалов по французскому Сопротивлению вообще и по русским участниками этого движения, в частности. Однако мне не удалось найти каких-либо следов участия Зинаиды Александровны в Сопротивлении. Возможно, плохо искал.

Разумеется, инициатива возвращения в Советский Союз исходила от Зинаиды Александровны. Наверное, в таком случае требовалось указать родственника в Союзе, и она назвала Петра Федоровича. И вышло так, что именно Петр Федорович, этот советский муравей, всю жизнь указывавший в анкетах, что у него нет отца, а тем более родственников за границей, писал письма Молотову, который тогда был министром иностранных дел, о возвращении на родину своей двоюродной сестры.

К сожалению, это письма не сохранились, что довольно странно, учитывая, что в доме Петра Федоровича ничего не выбрасывали.

В 1954 г. Зинаида Александровна вернулась на родину. Ей было 72 года. В 1957 г. ее приняли в МОСХ. Дали комнату на 5 этаже. В сентябре 1959 года устроили творческий вечер. Скончалась Зинаида Александровна в 1964 г.

Свои работы она передала в Музей революции. Еще при жизни Валентина Петровича мы с ним нашли в интернете рекламу выставки из фондов Музея революции, посвященную цветам. Зинаида Александровна была среди экспонентов.

Ума не приложу, почему у Валентина Петровича не сохранилось ни одной работы Зинаиды Александровны. Ее фотопортрет остался, висел у Петровича, теперь висит у меня.

Помню, что Петр Федорович после смерти Зинаиды Александровны раздавал ее работы.

*Еще одна работа
Зинаиды Александровны*

*Зинаида Александровна
графиня Толстая*

Сохранился портрет Зинаиды Александровны, написанный ее родственником Борисом Николаевичем Безиковичем вскоре после приезда Зинаиды Александровны в СССР. Местонахождение портрета мне неизвестно. Валентин Петрович видел его в квартире вдовы художника.

Потомки Зинаиды Александровны

Дочь Зинаиды Александровны Елена Дмитриевна осталась в Париже. Она вышла замуж за Владимира Петровича Мирковича. Сохранилось письмо внучки Зинаиды Александровны, в котором она описывает жизненный путь своего отца Владимира Петровича Мирковича.

Владимир Петрович «учился в Пажеском корпусе, поступил в Белую армию, был кавалергардом. Выехал из Крыма, попал в Галлиполи (это в Турции, там был очень большой лагерь участников белого движения под командой барона Врангеля. – А.Т.), потом в Чехию, где окончил курс на инженера-механика. Там познакомился в 1927 с моей матерью.

Он был сыном Петра Михайловича Мирковича (1871–1938), который служил в Преображенском полку.

Мои родители очень весело жили в Чехии (довольно долго). Было у них много друзей. Потом переехали во Францию, где отец получил место тонмейстера (он участвовал в первых передачах телевизора, еще в начале войны».

Владимир Петрович и Елена Дмитриевна Мирковичи (30 е годы)

В 1937 г. у них родилась дочь Елена Владимировна Миркович.

Я был заочно знаком с Еленой Владимировной и с ее слов знаю, что у Елены Дмитриевны была послеродовая депрессия и она покончила с собой в 1938 г.

Интересна дальнейшая судьба Владимира Петровича. Цитирую письмо Елены Владимировны:

«Владимир Петрович до войны работал в немецкой фирме и был направлен в Германию (в Берлин), там он старался помогать русским пленным. Вернулся в 1943 г. Вернулся в 1943 году во Францию. Его никто не хотел брать на работу, так как он был в Германии. Поступил он учителем немецкого и английского языка в школу Берлиц. Поступил в Советский патриот, взял советское гражданство и был записан в группу возвращенцев со мной. Но он скончался до отъезда группы и Господь помиловал меня (а то после его смерти в России меня бы заслали в детдом)».

Елена Владимировна Миркович вышла замуж за Анатолия Раковича, который стал настоятелем Собора Александра Невского в Сент-Женевьев-дю-Буа.

Елена Владимировна Ракович. 2004 г.

Отец Анатолий Ракович

Сохранилось несколько писем Елены Владимировны Валентину Петровичу, а также фото ее внуков. Они, увы, не говорят по-русски.

Приложение 3

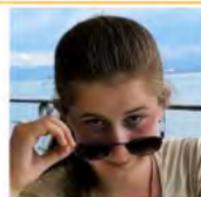
ВНУКИ

Анна
08.06.1994

Александр
20.08.2000

Барбара
05.06.2002

Артём
22.06.2006

Ник
11.04.2011

Борис
30.09.2011

Коля
11.10.2011

Ваня
26.11.2011

Люба
16.11.2013

Соня
17.07.2012

Серёга
02.08.2016

Саша
18.01.2007

Вероника
21.08.2018

Аннотированный указатель имён

А

Абдулов В.О. – 88

Абдулов О.Н. – 88

Аверинцев С.С. – 32

Акельев Е. – 33

Альперов Д.С. – 63

Альский В.Н. – 59

Андроников Ираклий Луарсабович – муж Вивианы Абелевны Робинзон. – 32,
41, 42, 250

Андроникова М.И. – 41, 42

Ансельми – 112

Б

Багдасаров Т.Б. – 139

Бандровская Е. – 148

Бахмутский В.Я. – 35–38

Безикович Б.Н. – 234

Белов Василий Иустинович – отец моей бабушки Любови Васильевны. – 93, 95,
96, 123, 199, 250

Белова Акулина Васильевна – мать моей бабушки Любови Васильевны. – 93–95,
105, 123, 170–172, 199

Белова Любовь Васильевна – моя бабушка, мать мамы. – 10, 11, 93–96, 98, 99,
101, 103–116, 118, 119, 122, 134, 141–147, 167, 169–171, 173, 174, 176, 177,
179–183, 188, 190, 191, 194, 196, 199, 200, 207, 215

Беляев М.Д. – 84, 85

Бесси Дж. – 175

Билль-Белоцерковский В. – 69

Браун (Блюмкина) Ф.Г. – 38

Браун Н.Я. – III, 38–40

Браун Я.В. – 38

Бруно Е.И. – 138

В

Введенский И. – 47

Венкстерн Л.В. – 50

Верн Ж. – 58, 59, 68
Вертинский А.Н. – 140
Воронцов-Дашков И.И. – 35

Г

Галкин А.А. – 212
Гарбо Г. – 229
Гейне Г. – 46
Геллер Михаил Генрихович – муж Александры Абелевны Робинзон. – 20, 42, 239
Герага П.И. – 70
Гёте И.В. фон – 46
Гитлер А. – 29
Гоголь Н.В. – 58, 68
Гойрах А.М. – 37, 38, 40
Гордин Я.А. – 32
Горохова М.А. – 118, 119, 123
Горький М. – 69

Д

Дьяконова Н.А. – 11

Е

Евтушенко Е. – I
Елизавета Алексеевна – 35

Ж

Жук Л. – 183

З

Завадский Ю. – 69
Загуловская К. – 169, 215
Загуловский В. – 214, 215

И

Ивенсен Александр Карлович – второй муж бабушки Софьи Назаровны. – 16,
49, 50, 86, 137, 138, 239
Ивенсен В.А. – 52, 121, 137
Ивенсен К.К. – 49
Ивенсен Н.П. – 121
Ивенсен С.Н. – 49
Иоффе – 188, 189
Исмаил-заде Д.И. – 34, 35

К

Кацман Г.В. – 212
Каяхара – 221, 224

Коваль-Самборский И. – 70

Комиссаржевская В.Ф. – 61

Кондратьев Б.Г. – 73

Кондратьев Г. – 73

Кондратюк Н.П. – 87

Корольков Г.А. – 11

Корш Ф.А. – 225

Коутс А. – 204

Кречмер Э. – 16

Крюков Михаил Васильевич – брат бабушки Любови Васильевны. – 96, 98–100, 177, 179, 181, 182, 184

Л

Лапук Б.Б. – 51

Лемешев С.Я. – 87

Лист Ф. – 46

Лондон Дж. – 69

Лошкарев Д.О. – 13

М

Маркс К. – 24

Малюгин О.И. – 40

Мане Э. – 46

Марецкая В. – 69

Махт Я. – 141

Машковская Э. – 72

Мексин Я.П. – 51–53

Мексина А.И. – 51, 53

Мексина М.И. – 51–53

Мексина Т. – 51, 52, 141, 143

Мельников С.Н. – 59

Мерц Люция Федоровна – первая жена Михаила Николаевича Розен-Санина. – 61, 64, 74

Минаева В.А. – 11

Миркович Владимир Петрович – муж Елены Дмитриевны Толстой. – 235, 236

Миркович Е.В. – 235, 236

Миркович П.М. – 235

Михаил Николаевич, Великий князь – 35

Михайлов Виктор Яковлевич – мой дед, отец мамы. – 10, 11, 95, 96, 98, 99, 101–104, 106–110, 112, 113, 115–123, 129, 131, 133, 154, 167–170, 174, 175, 183, 195, 196, 200, 203, 214

Михайлов И.В. – 119

Михайлов Я.Н. – 101

Михайлова Клавдия Семеновна – мать Виктора Яковлевича Михайлова. – 101, 103, 123, 170, 171, 172, 200

- Михайлова Любовь Викторовна – моя мама. – 10, 11, 25, 54, 98, 117, 125–130, 132–135, 138, 141, 144–149, 152, 154, 155, 188, 190, 204, 211, 212, 215
Молотов В.М. – 29

Н

- Найдёнов С. – 68
Немирович-Данченко В.И. – 88
Нестеров М.В. – 85
Нестерова Н.М. – 85
Никитин Н. – 69
Никитина Е.Н. – 58
Николай I – 35
Николай II – 60, 64, 106
Николай Михайлович, Великий князь – 35
Никулин Л. – 140

О

- Озернова – 189
Окуджава Б.Ш. – 32, 33
Островский А. – 69

П

- Пахомова О. – 53, 70–72, 87
Петровская И.Ф. – 58
Печорин И. – 58
Писсаро К. – 46

Р

- Райдина И.Н. – 58
Ракович А. – 236
Ракович Е.В. – 208
Ренников А. – 229
Ресин В.И. – 38
Риббентроп И. фон – 29
Робинзон А.А. – 42
Робинзон Вивиана Абелевна – сестра Изабеллы Абелевны, жена И.Л. Андроникова. – 41
Робинзон Изабелла Абелевна – вторая жена Григория Яковлевича Тартаковско-го. – 19, 32, 41, 42
Робинзон (Геллер) Александра Абелевна – сестра Изабеллы Абелевны, жена Михаила Генриховича. – 20
Розен В.Д. – 90, 91
Розен Г.Н. – 90
Розен Г.Н. – 44
Розен Д.Н. – 44, 46, 47, 89, 90

- Розен Е. – 90
Розен М. – 61, 64, 71, 92
Розен М.Н. – 44
Розен Н.М. – 44, 45, 90
Розен О. – 27
Розен О.М. – 92
Розен Софья Назаровна – моя бабушка, мать отца. – 10, 11, 14, 17, 18, 24, 44–47, 49–54, 60, 61, 71, 72, 86, 87, 90, 122, 134, 137–139, 141, 145, 146, 177, 179, 184
Розен Т.Д. – 90
Розенберг А. – 154
Розен Марк Михайлович – сын Михаила Николаевича от первого брака. – 61, 64, 71
Розен-Санин Михаил Николаевич – брат бабушки. – 9, 11, 54–61, 63–72, 74, 86, 87, 88, 89
Розен-Санина (Кондратьева) Светлана Михайловна – дочь М.Н. Розен-Санина и Антонины Сергеевны Шелковой (Розен-Саниной). – 65, 68, 72, 73, 224
Розен-Санина А.С. – 9, 86
Розен-Санина Евгения Михайловна – дочь Михаила Николаевича Розен-Санина от первого брака. – 53, 61, 64, 70, 71, 86
Рюмшин А.И. – 199, 201, 202
Рюмшин В.М. – 202, 204, 226
Рюмшин Валентин Петрович – сын Петра Федорович Рюмшина и Любви Васильевны, мой дядя. – 98, 117, 123, 159, 162, 169, 170, 174, 176, 178, 179, 184, 190, 191, 196, 198–202, 207–215, 233, 234
Рюмшин М.Н. – 183, 202, 203, 204
Рюмшин Н. – 202, 206
Рюмшин Петр Федорович – второй муж Любви Васильевны Беловой, отчим моей мамы. – 9–11, 100, 118, 146, 155–170, 173–175, 177, 179–185, 187–190, 193–199, 201, 202, 204, 207, 209, 214, 215, 233, 234
Рюмшина А. – 158, 199
Рюмшина А.А. – 155
Рюмшина Елена Антоновна – дочь Рюмшина Антона Иустиновича. – 202, 204, 205, 206
Рюмшина Е.В. – 202, 204
Рюмшина Зинаида Александровна (графиня Толстая) – дочь Рюмшиной Елены Антоновны. – 10, 11, 123, 200, 206, 225, 226, 228, 229, 231–235
Рюмшина Н.П. – 170

С

- Сахарова Н.С. – 58
Свердлина Е. – 40
Свечарник Д.В. – 120, 122
Северский Н.Г. – 229
Семашко Н.А. – 16
Серафим Саровский – 81
Симонов К. – 69

- Скарятин А.П. – 58
Смирнов С. – III
Смирнов Н.Г. – 29
Смирнова В.А. – 29
Собинов Л.В. – 61, 111, 112
Сомина В. – 58
Спиридонов М. – 158
Спиридонов М.Н. – 157–159, 161, 162
Спиридонов Н.М. – 158
Спиридонова А.Ф. – 169
Спиридонова Е.М. – 157, 159, 161, 162, 167
Спиридонова Е.Ф. – 169
Сталин И.В. – 29
Станиславский К.С. – 145
Столыпин П.А. – 106
Сточек Н.П. – 38, 40
Сухово-Кобылин А. – 69

Т

- Тартаковская А.Е. – 12
Тартаковская Б.Я. – 13, 37, 42
Тартаковская Г.Д. – 33
Тартаковская С.Я. – 13, 20, 35, 36, 42
Тартаковская Т.Я. – 13
Тартаковский А.Г. – 19, 32, 33, 35, 41, 42
Тартаковский Б.А. – 11
Тартаковский Борис Григорьевич – мой отец. – 10, 17, 18, 21, 24–26, 29, 30, 31, 50, 52, 86, 141, 142, 147–149, 153, 179, 180, 183, 195, 224
Тартаковский Б.Х. – 13
Тартаковский Бер – 13
Тартаковский В.Я. – 13, 14
Тартаковский Григорий Яковлевич – мой дед. – 10–24, 32, 35, 37, 38, 41, 42, 44–46, 49
Тартаковский И.А. – 33, 35
Тартаковский Михель – 13
Тартаковский Н.С. – 27
Тартаковский Сергей Борисович – мой брат. – 27, 138, 139, 147, 211, 214, 224
Тартаковский Ю.Я. – 13, 14
Тартаковский Я.Б. – 12, 13
Толстая Елена Дмитриевна – дочь Зинаиды Александровны Толстой. – 206, 225, 228, 229, 235
Толстой А.К. – 68
Толстой Д.Ю. – 225, 226, 228
Толстой Л.Н. – 15, 16, 46, 173, 226
Тургенев И.С. – 68
Тягай Г.Д. – 35

Ч

- Четина О.А. – 11
Чудакова М.О. – 32

Ш

- Шаляпин Ф.И. – 61
Шверник Н. – 22
Шекспир У. – 68
Шелковая (Розен-Санина) А.С. – 11, 72, 74, 75, 76, 88, 216, 217, 218, 219, 220, 222, 223, 224
Шелковая О.М. – 74, 75
Шелковый А.С. – 75, 76
Шелковый А.Т. – 77
Шелковый С.Т. – 74, 75–79, 81, 82, 84
Шиллер Ф. – 68
Шмелев Б. – 139
Шурыгин – 187, 196

Э

- Эйдельман Н.Я. – 32
Энгельс Ф. – 24

Ю

- Южин А.И. – 61
Юшунский Ю. – 141

Издания АИРО в 2022–2023 гг.

2022

- Бордюгов Г.А.* СССР в пространстве памяти, идеологии и национальных историях. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 384 с.
- Ажгихина Надежда.* Сны. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 222 с.
- Старикова, Светлана.* Мне хочется мечтать. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 200 с. : илл.
- Ложкин, Анатолий.* От вятских увалов до столицы России. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 364 с. – (Серия «АИРО – первая публикация»).
- Выжutowич В.В.* Ни слова о болезни: Беседы с доктором Бузиашвили. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 144 с.
- Крюков Федор.* Накануне. В глубине. Повести, рассказы и очерки 1910–1914 гг. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 416 с.
- Крюков Федор.* На Германской войне. На фронте и в тылу. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 336 с.
- Крюков Федор.* На Дону. В родных местах. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 384 с.
- Клименко А.Ю.* Историко-архивный: Из воспоминаний выпускников и преподавателей ИАИ. 1940–1990-е годы / А.Ю. Клименко [Текст]. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 336 с. + илл.
- Проблемы новой и новейшей истории России: сборник / сост. В.Я. Гросул. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 328 с.
- Духовно-нравственное становление человека: беседы с преподавателями и студентами / Под общей ред. Е.П. Белозерцева, Г.В. Заридзе. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 504 с.
- Перед лицом своих товарищей... : сборник / Сост. и ред.: Т.В. Трухачева, А.Г. Кирпичник. – М., 2021. – 296 с.; Электронное иллюстрированное издание. М.: АИРО-XXI, 2022. – 510 с.
- Апальков Д.И.* Внутрипартийная борьба в ВКП(б): от «коллективного руководства» к сталинской диктатуре. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 192 с. – (Серия «АИРО – первая монография» / под ред. Г.А. Бордюгова).
- Коэн, Стивен.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / Третье издание. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 192 с.
- Медведев Р., Андреев Д.* Владимир Путин в 2022 году. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 288 с.

- Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 3. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. – М.: АИРО-XXI; ИП Секачев В.Ю., 2022. – 560 с.
- Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 2. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. – М.: АИРО-XXI; ИП Секачев В.Ю., 2022. – 560 с.
- Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 1. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. – М.: АИРО-XXI; ИП Секачев В.Ю., 2022. – 544 с.

2023

- Лаврентьева М.Ю.* Слово против слова: информационно-психологические войны. XX век. – М.: Пробел-2000; АИРО-XXI, 2023. – 288 с. – (Серия «АИРОАИРО-XXI – первая монография» / под ред. Г.А. Бордюгова).
- Щербина С.П.* Мемология российской истории XX века. Рождение и эволюция исторических образов. – М.: АИРО-XXI, 2023. – 552 с.
- СССР-100: реконструкция истории и юбилея. Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2023. – 592 с.

С этими и другими изданиями
вы можете подробнее ознакомиться на нашем сайте
www.airo-xxi.ru

Александр Борисович Тартаковский
СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ

Дизайн и обложка – Сергей Щербина

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

www.airo-xxi.ru
E-mail: airo@airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 22.08.2023
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 15.75
Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
Адрес: 109544, г. Москва, ул. Рабочая, д. 91, стр. 4
Тел.: (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru

*Валянтин Петрович Рыковий,
схранявший документы и фото, которые несли
на острие этой жизни, а также уникальную
многошпуртовую оживленную семью*

*Валянтин Петрович с племянниками
Александром и Сергеем Таргаковскими
на даче в Кушалин, 2012 г.*

